Брамсон

К истории трудовой ПАРТИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖ310
67872

Л. М. БРАМСОНЪ
(ЧЛЕНЪ 1-Й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ)

ГЖ310
Б787₂

КЪ ИСТОРІИ ТРУДОВОЙ ПАРТІИ.

ТРУДОВАЯ ГРУППА ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ПЕТРОГРАДЪ
Издательство „ЕДИНЕНІЕ".
1917.

К ИСТОРИИ ТРУДОВОЙ ПАРТИИ

ТРУДОВАЯ ГРУППА

ДУМЫ

ГЖ 310
Б 787 2

П. М. БРАМСОНЪ,
(ЧЛЕНЪ 1-Й ГОСУДАРСТЕННОЙ ДУМЫ).

КЪ ИСТОРІИ ТРУДОВОЙ ПАРТІИ.

ТРУДОВАЯ ГРУППА ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ПЕТРОГРАДЪ
Издательство „ЕДИНЕНІЕ".
1917.

П
84
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
ГЖ310
Б7872 р
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1524
195300
у

Предисловіе ко 2-му изданію.

Предлагаемый очеркъ предназначался для партійнаго сборника, имѣвшаго выйти въ 1909 г., но по цензурнымъ условіямъ того времени, сборникъ не увидѣлъ свѣта. Только въ 1913 г. въ видѣ ряда статей подъ псевдонимомъ Я. Танина, очеркъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Сѣверныя Записки» (кн. V—VIII). Однако, отдѣльные оттиски этихъ частей, какъ оказалось, не имѣли уже шансовъ сдѣлаться достояніемъ читателя, и типографіи пришлось уничтожить все заготовленное количество экземпляровъ.

Такъ какъ очеркъ этотъ былъ задуманъ въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за 1-ой думой, то многое въ немъ писалось подъ угломъ зрѣнія той эпохи. Теперь при свѣтѣ совершившагося, факты прошлаго получаютъ новый смыслъ и иное значеніе. Но пересматривая теперь этотъ краткій обзоръ зарожденія и первыхъ шаговъ Трудовой Группы, мы не рѣшились подвергнуть его значительной переработкѣ. Казалось, что небезынтересно сохранить въ этой книгѣ ту оцѣнку событій, съ какой тогда подходили, хотѣлось оставить въ изложеніи неприкосновенными слѣды тѣхъ переживаній и настроеній, подъ вліяніемъ которыхъ очеркъ писался, и которыя сами по себѣ, отражая отношеніе къ пережитому активныхъ участковъ 1-ой Думы, являются неотъемлемой чертой эпохи.

Въ настоящее время, когда, послѣ крупной роли, которую сыграли трудовики въ IV Думѣ и въ рѣшительный

моментъ начала революціи, многіе бывшіе дѣятели Трудовой Группы, стоя въ передовыхъ рядахъ Русской революціи, несутъ на себѣ бремя отвѣтственности за судьбы ея,—особенно поучительно освѣжить въ памяти исторію возникновенія и развитія Трудовой Группы. Знакомство съ процессомъ образованія и самоопредѣленія этой группы напомнитъ намъ о томъ, какъ ея программа составлялась самой жизнью, какъ требованія ея, слагавшіяся изъ сельскихъ «наказовъ» и заявленій «ходоковъ», доносились до перваго русскаго парламента со всѣхъ концовъ страны. Это знакомство съ прошлымъ дастъ ключъ и къ уясненію путей дальнѣйшаго развитія идей Трудовой Группы, проникнутой духомъ народнаго творчества и народнаго соціализма, а также для уясненія ея тактики, руководимой чуткимъ пониманіемъ реальныхъ нуждъ и возможностей момента.

Появленіе этой книги представлялось намъ особенно умѣстнымъ въ наши дни—дни революціи, когда атмосфера полной свободы дала дѣятелямъ Трудовой Группы возможность широко выяснить соціалистическую сущность группы, когда создалась и почва для расширенія ея рядовъ путемъ сліянія съ другими элементами народнической мысли въ единую Трудовую Народно-Соціалистическую Партію.

Трудовая группа первой Государственной Думы.

Со дня открытія первой Государственной Думы, — Думы недолговѣчной, но памятной для исторіи развитія народнаго самосознанія нашей страны,—прошло уже достаточно времени. Явилась возможность болѣе объективно очертить ея жизнь и работу. Особый интересъ представляетъ появленіе въ составѣ перваго народнаго представительства новой политической организаціи, вышедшей изъ рядовъ народническаго движенія,—такъ наз. „Трудовой группы". Въ распоряженіи автора, принимавшаго непосредственное участіе въ трудахъ группы, были, наряду съ имѣющейся литературой, архивные матеріалы бывшихъ депутатовъ, еще неиспользованные въ печати.

1. Выборы въ Думу и „союзы трудящихся".

Мысль о необходимости создать въ первой Думѣ особую группу, получившую впослѣдствіи названіе „Трудовой", назрѣвала уже во время выборовъ въ Думу въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1906 г.

Выборы въ первую Думу происходили при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Настоящей широкой борьбы политическихъ партій не было, да и не могло быть. Съ одной стороны, наиболѣе закаленныя въ борьбѣ, наиболѣе революціонно настроенныя партіи (с.-р., с.-д., крестьянскій союзъ, національныя соціалистическія группы) *бойкотировали* выборы: онѣ призывали не готовиться къ выборамъ, рекомендуя совершенно воздерживаться отъ какого-либо участія во всѣхъ стадіяхъ избирательнаго процесса. Съ другой стороны, правыя организаціи, хотя еще были въ стадіи зарожденія и не имѣли въ народѣ никакихъ корней, шли на эти выборы при дѣятельной поддержкѣ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ. Ни высшіе сановники, ни полицейскіе чины, ни земскіе начальники нисколько не скрывали своихъ симпатій къ правымъ и открыто производили въ этомъ духѣ давленіе на выборы.

Такимъ образомъ, единственное представительство оппозиціи на выборахъ оказалось за партіей *конституціоналистовъ-демократовъ*. Силою вещей всюду образовались два лагеря. *Одни* шли вправо съ такъ называемой „партіей правового порядка", съ „союзомъ русскаго народа", съ „союзомъ 17 октября": они старались поддержать и уберечь старую оффиціальную Россію. *Другими*—всѣмъ, кто хотѣлъ бороться противъ стараго строя и уготовить для народа новую

жизнь,—почти не оставалось другого выхода, какъ группироваться около партіи конституціоналистовъ-демократовъ. Эта партія, чуть ли не единственная, выставляла на своемъ знамени „народную свободу“, „борьбу съ насильниками“, всеобщее избирательное право, амнистію и т. д. Къ тому же во главѣ партіи к.-д.—и въ столичныхъ центрахъ, и на мѣстахъ—стояли люди съ громкими именами, съ извѣстнымъ прошлымъ въ области земскаго дѣла или во время союзнаго движенія. Партія быстро создала себѣ организацію и широко использовала свое монопольное положеніе на предвыборной аренѣ. Вліяніе партіи к.-д. особенно сказывалось въ дни губернскихъ избирательныхъ собраній, а при предварительныхъ стадіяхъ—на съѣздахъ городскихъ избирателей и землевладѣльцевъ.

Условія, при которыхъ происходили *крестьянскіе* выборы въ первыхъ стадіяхъ, носили совершенно особый отпечатокъ.

Со стороны властей—центральныхъ и мѣстныхъ—безъ всякаго стѣсненія предпринимались самыя разнообразныя мѣры, чтобы сохранить за правительствомъ возможность воздѣйствія на исходъ выборовъ среди сельскаго населенія и устранить всякое стороннее вліяніе въ деревнѣ. По особой инструкціи, разработанной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ январѣ 1906 года, земскимъ начальникамъ вмѣнялось въ прямую обязанность „выяснять крестьянамъ всю неосновательность программъ, клонящихся къ измѣненію основнаго государственнаго строя“, слѣдить чрезъ довѣренныхъ лицъ за ораторами, высказывающимися въ нежелательномъ смыслѣ по земельному вопросу, удалять ихъ изъ собраній“. Предлагалось даже заранѣе озаботиться о недопущеніи въ среду выборщиковъ лицъ, „зарекомендовавшихъ себя со стороны неблагонадежности“, и противо дѣйствовать ихъ избранію *). Даваемыя сверху указанія находили себѣ на мѣстахъ весьма рьяныхъ исполнителей.

Обозрѣватели мѣстной жизни констатируютъ въ этотъ періодъ особенное усиленіе массовыхъ арестовъ въ средѣ учителей земскихъ школъ, фельдшеровъ, земскихъ агрономовъ, кое-гдѣ—врачей, еще болѣе старались выловить и посадить подъ замокъ крестьянъ, пользующихся уваженіемъ своихъ односельчанъ. Особенно усердствовали въ этомъ отношеніи власти въ губерніяхъ: Орловской, Владимірской, Черниговской, Бессарабской. Земскіе начальники разъѣзжали по деревнямъ и на сходахъ приглашали крестьянъ вступить въ партію правового порядка, предупреждая, что, кто запишется въ другіе союзы, будетъ строго преслѣдуемъ **). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр., Тульской, роль распространителей черносотенныхъ изданій брали на себя полицейскіе стражники. Полиція вездѣ съ особымъ усердіемъ слѣдила за грамотными крестьянами, причемъ газеты и листки, привозимые ими изъ города, отбирались, собранія въ 5—6 человѣкъ разгонялись; намѣченные кандидаты преслѣдова-

*) М. А. Кр-ль. Какъ прошли выборы въ Государственную Думу. Спб. 1906, стр. 6—7.

**) Тамъ же, стр. 8.

лись, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Владимірской и др.) крестьяне боялись намѣчать уполномоченныхъ, такъ какъ намѣченные кандидаты легко могутъ быть подвергнуты аресту. Становые пристава въ той же губерніи говорили, что если въ уполномоченные будутъ выбраны нежелательныя для начальства лица, то они доѣдутъ только до уѣзднаго города и тамъ будутъ арестованы („Рѣчь" 1906 г. №№ 4, 12, 15, 23). Мѣстами крестьяне прямо боялись говорить о Думѣ. Наблюдатели церковно-приходскихъ школъ воспрещали учителямъ подавать голоса за кандидатовъ передовыхъ партій, угрожая увольненіемъ. По Могилевской губерніи, съ благословенія полиціи, путешествовалъ какой-то полковникъ изъ Петербурга, созывавшій съ помощью стражниковъ крестьянскіе митинги, угощалъ крестьянъ водкой и раздавалъ прокламаціи союза истинно русскихъ людей.

Удручающе на крестьянъ дѣйствовало также то, что на волостныхъ сходахъ при производствѣ выборовъ присутствовали либо урядникъ со стражниками, либо становой приставъ. Въ считавшіяся неблагонадежными волости пріѣзжалъ самъ исправникъ. Требовалось много мужества и самостоятельности, чтобы противостоять этимъ вліяніямъ. И у крестьянъ вполнѣ хватило этого мужества. Во многихъ мѣстахъ крестьяне или давали явный отпоръ такому стремленію вліять и давить на ихъ совѣсть (требовали, напр., удаленія полиціи изъ выборныхъ помѣщеній, протестовали противъ навязыванія имъ нежелательныхъ кандидатовъ и т. п.), или же — что замѣчалось еще чаще — прекрасно использовали право т а й н а г о голосованія, чтобы, не споря ни съ волостнымъ старшиной, ни съ земскимъ или урядникомъ, выбирать кого дѣйствительно хотѣли.

На избирательныхъ съѣздахъ уполномоченныхъ отъ волостей отчетливо обозначилось, что въ средѣ крестьянства имѣется достаточно сознательныхъ элементовъ со с в о и м ъ взглядомъ на то, какимъ способомъ разрѣшить земельную нужду, какъ отстоять права и свободу сельскаго населенія, какіе завести въ странѣ порядки, кого для этого лучше выбирать и т. д. По свидѣтельству всѣхъ наблюдавшихъ ходъ выборовъ, замѣчалось, что крестьяне стремились избирать кандидатовъ не изъ служилаго элемента (волостныхъ старшинъ, старостъ или писарей), не изъ крестьянъ-богатѣевъ, а изъ людей, ведущихъ хозяйство, притомъ людей стойкихъ, твердыхъ характеромъ, способныхъ постоять, гдѣ нужно, за себя и крестьянскіе интересы *). Были случаи, что выбирали мѣстныхъ уроженцевъ-крестьянъ, получившихъ среднее или высшее образованіе или работавшихъ на мѣстѣ въ качествѣ учителей, земскихъ служащихъ.

Во многихъ мѣстахъ охотно избирали людей „потерпѣвшихъ за міръ", сосланныхъ, арестованныхъ или еще не успѣвшихъ попасть въ руки жандармовъ, благодаря покровительству всей деревни. И преимущественно такихъ людей крестьянскіе выборщики

*) М. Кр-ль. Какъ прошли выборы въ Госуд. Думу, стр. 31.

проводили затѣмъ на губернскомъ собраніи въ депутаты. Не даромъ о нихъ писали впослѣдствіи, что, „вопреки стихіямъ, крадучись, изъ подъ тюремнаго замка, изъ-подъ сѣна и рогожки, которыми прикрывали крестьяне своихъ агитаторовъ, перевозя изъ деревни въ деревню. — проникли ихъ представители въ Государственную Думу“ *). Когда затѣмъ такіе выборщики отъ волости являлись на губернскія собранія, то многихъ поражало, съ какою настойчивостью и сознательностью они формулировали свои желанія, какъ они самостоятельно ставили условія другимъ куріямъ, требовали отъ кандидатовъ этихъ курій выясненія ихъ отношенія къ основнымъ вопросамъ гражданской жизни, какъ бережно охраняли и упорно выторговывали число мѣстъ для депутатовъ-крестьянъ.

Роль крестьянства на выборахъ и его образъ дѣйствій представлялись для близкихъ наблюдателей просыпающейся деревни вполнѣ понятными, какъ естественное продолженіе того активнаго состоянія, въ которомъ находилось крестьянство въ предшествующіе годы. Но для стоявшихъ въ сторонѣ отъ крестьянскаго движенія въ этихъ выступленіяхъ крестьянъ на выборахъ было много неожиданнаго. Тѣмъ болѣе, что дѣйствовавшія среди крестьянъ, политическія группы (партія с.-р., всероссійскій крестьянскій союзъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и группы с.-д., а также различныя національныя организаціи на окраинахъ) стояли за бойкотъ выборовъ въ I Думу и свою пропаганду въ этомъ направленіи неослабно вели устно и печатно. Повидимому, въ с в о е в р е м я всѣ эти политическія организаціи сыграли несомнѣнную роль въ развитіи среди крестьянства сознанія своихъ классовыхъ интересовъ. Эти организаціи содѣйствовали пробужденію въ крестьянствѣ чувства гражданскаго достоинства, вѣры въ свои сплоченныя силы; въ извѣстной степени онѣ же подготовили почву для будущей крестьянской трудовой платформы. Но по стоявшему весною 1906 года на очереди вопросу о ближайшихъ конкретныхъ шагахъ, о практической защитѣ своихъ р е а л ь н ы х ъ интересовъ, крестьянство— въ лицѣ своихъ безсознательныхъ и сознательныхъ элементовъ — рѣшило пойти с в о и м ъ п у т е м ъ, по силѣ своего разумѣнія и чутья... Проповѣдь бойкота н е в с т р ѣ т и л а отклика въ крестьянской средѣ **). И сами пропагандисты этой идеи, делегаты и члены крестьянскаго союза, должны были въ концѣ концовъ признать нецѣлесообразность резолюціи, принятой на состоявшемся въ ноябрѣ 1905 года съѣздѣ крестьянскаго союза. Нѣкоторые изъ нихъ

*) „Русск. Бог.“ 1906, май.

**) Обозрѣватель выборовъ въ I Думу М. А. Кр-ль, тщательно подыскивавшій фактъ того или иного отношенія населенія къ выборамъ, отмѣчаетъ только два случая, когда волостные сходы постановили отъ выборовъ отказаться: въ с. Богородскомъ, Нижегор. губ. и Сестрорѣцкой вол., Петерб. губ., причемъ характерна мотивировка въ послѣднемъ мѣстѣ: выбирать по указанію начальства мы не желаемъ, а если выбираемъ по собственной волѣ настоящихъ людей, все равно ихъ сейчасъ заберутъ въ острогъ“. (Какъ прошли выборы въ III Г. Д., стр. 20).

открыто признали свою ошибку и приняли дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи, проходили въ выборщики и даже депутаты, — чѣмъ создалась непосредственная, личная связь будущей думской группы съ крестьянскимъ союзомъ. Другіе крѣпились и выжидали дальнѣйшаго хода событій... А событія развертывались совершенно своеобразно, далеко не по прописанному рецепту партійныхъ предсказаній.

Неожиданною была роль крестьянства также для либеральныхъ и конституціонныхъ круговъ, которые разсчитывали своимъ вліяніемъ воздѣйствовать на эту сѣрую массу выборщиковъ въ смыслѣ подчиненія ихъ своему авторитету. Они не предполагали встрѣтиться съ такою быстро сплотившеюся, себѣ цѣну знающею силою. Замѣчалось даже, — какъ пишетъ въ своихъ (напечатанныхъ) воспоминаніяхъ одинъ изъ приволжскихъ депутатовъ, — какое-то скрытое недовѣріе къ аристократическимъ и крупно-буржуазнымъ элементамъ, входившихъ, напр., въ составъ мѣстныхъ комитетовъ партіи „Народной Свободы“.

Но больше всего крестьянскіе избиратели не оправдали надеждъ справа, надеждъ правительственныхъ круговъ. Какъ видно изъ „соображеній министра внутреннихъ дѣлъ о порядкѣ осуществленія Высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ Рескриптѣ отъ 18 февраля 1905 года“, широкое участіе крестьянскаго сословія въ Гос. Думѣ признавалось особенно желательнымъ, между прочимъ, въ виду „надежности этого сословія въ политическомъ отношеніи“, „свойственной этому сословію стойкости взглядовъ“ *). Въ „Меморіи Совѣта Министровъ“ высказывалось опасеніе, что выборщики-крестьяне при сложности выборовъ, даже если будутъ численно сильнѣе каждаго изъ прочихъ разрядовъ, не сумѣютъ, однако, провести въ губернское избирательное собраніе своихъ кандидатовъ, какъ по неопытности въ выборномъ процессѣ, такъ и потому, что будутъ превзойдены сплотившимся большинствомъ прочихъ двухъ разрядовъ, которые несомнѣнно будутъ тяготѣть болѣе другъ къ другу, чѣмъ къ крестьянамъ“ **).

Вліяніе, которое будетъ предоставлено выборнымъ отъ крестьянства, въ правыхъ кругахъ представлялось цѣннымъ именно потому, что оно—какъ надѣялись—пойдетъ на пользу правительства, будетъ ему поддержкою; крестьянамъ—полагали авторы избирательнаго закона—чужда мысль объ ограниченіи самодержавной власти, а въ самодержавіи крестьянство видитъ для себя естественную и единственную защиту.

Рѣчи крестьянскихъ ставленниковъ, какъ на избирательныхъ собраніяхъ, такъ и впослѣдствіи въ самой Думѣ, дали болѣе чѣмъ краснорѣчивый отвѣтъ на всѣ эти предположенія и опасенія.

---

*) Матеріалы по учрежденію Государственной Думы 1905. Вып. I. Изданіе неоффиціальное, стр. 51.

**) Тамъ же, стр. 35, 49—50.

При такомъ настроеніи крестьянскаго состава выборщиковъ, къ нему тяготѣли и тѣ внѣпартійные выборщики другихъ курій, особенно городской, политическіе взгляды которыхъ шли дальше катехизиса „Народной Свободы".

По мѣрѣ того, какъ въ первой стадіи избирательной кампаніи опредѣлялась политическая физіономія избранныхъ выборщиковъ, для всѣхъ становилось яснымъ, что первая Дума далеко не будетъ черносотенной, умѣренной, помѣщичьей, какъ полагали одно время. Даже рамки конституціонно-демократической программы, стяжавшей на выборахъ наибольшія симпатіи, оказались для многихъ будущихъ депутатовъ черезчуръ тѣсными.

Образовался контингентъ выборщиковъ, въ томъ числѣ и кандидатовъ въ члены Госуд. Думы, которые не могли удовлетвориться платформой партіи „Народной Свободы" и должны были опредѣлить себя стоящими л ѣ в ѣ е этой партіи. Народился специфическій для той избирательной кампаніи терминъ „л ѣ в ѣ е к.-д.". Таблицы о первыхъ выборщикахъ, а затѣмъ и депутатовъ, запестрѣли этимъ терминомъ. Характерно было, между прочимъ, то, что значительное число уполномоченныхъ отъ к р е с т ь я н с т в а, особенно изъ состава сельской интеллигенціи, также стали причислять себя къ категоріи „лѣвѣе к.-д.". Большинство же, съ запасливой осторожностью, ограничивалось обозначеніемъ себя въ качествѣ „безпартійныхъ".

Совокупность требованій и желаній, выставлявшихся болѣе передовыми крестьянскими выборщиками на предвыборныхъ совѣщаніяхъ, давала уже нѣкоторыя очертанія будущей платформы крестьянскихъ депутатовъ. Почва для сближенія такихъ крестьянскихъ делегатовъ съ болѣе родственными элементами изъ среды представителей городскихъ курій подготовилась сама собою. Для окончательнаго объединенія не хватало только общаго наименованія и надлежащей организаціи.

Первый серьезный шагъ въ этомъ смыслѣ былъ сдѣланъ въ Саратовѣ, гдѣ по иниціативѣ Степана Васильевича Аникина, учителя изъ крестьянъ, извѣстнаго въ краѣ работника по организаціи мѣстныхъ крестьянскихъ союзовъ, положено было начало „с о ю з у т р у д я щ и х с я". Подъ этимъ названіемъ Аникинъ, въ началѣ 1906 года, сплотилъ вмѣстѣ вокругъ платформы, напоминавшей союзныя программы 1905 г., всю курію выборщиковъ-крестьянъ, явившихся изъ уѣздовъ на губернское избирательное собраніе въ Саратовъ, и всѣхъ, кто изъ куріи горожанъ и землевладѣльцевъ согласился вступить въ этотъ „трудовой" союзъ. Образовалось внушительное большинство, имѣвшее для исхода выборовъ рѣшающее значеніе. Изъ 10 мандатовъ по Саратовской губ. только два, въ виду прошлыхъ заслугъ, отданы были представителямъ к.-д., остальные 8 распредѣлены между крестьянами и представителями другихъ „трудящихся", къ числу которыхъ, по мысли иниціатора, отнесены были учителя, ж. д. служащіе, стоявшіе за интересы трудового народа адвокаты и писатели. Выборы прошли дружно,

бодро. Со знаменемъ „союзъ трудящихся“ депутаты, всѣ вмѣстѣ, выѣхали и въ Петербургъ.

Одновременно съ Саратовомъ, почти на такихъ же началахъ, въ союзѣ крестьянъ съ демократической интеллигенціей, но еще безъ клички „трудящихся“, прошелъ на губернскихъ выборахъ рядъ депутатовъ „лѣвѣе к.-д.“, будущихъ трудовиковъ. Особенно замѣтное число ихъ, кромѣ Саратовской, дали губерніи *): Курская (6 изъ общаго числа 10 депутатовъ губерніи), Черниговская (6 изъ 10) **), Полтавская (5 изъ 12), Вятская (5 изъ 15), Казанская (4 изъ 9), Екатеринославская (5 изъ 9), Кіевская (6 изъ 15), Орловская (5 изъ 8), Ковенская (3 изъ 6), Гродненская (3 изъ 7), Пензенская (4 изъ 6), Оренбургская (4 изъ 7), Самарская (5 изъ 12). Были и губерніи, гдѣ по особымъ мѣстнымъ условіямъ никакой блокъ не былъ возможенъ, и прошли почти исключительно крестьянскіе депутаты, какъ, напр., Тамбовская, Подольская, Ставропольская. Изъ ряда губерній, гдѣ въ городской и земледѣльческой средѣ не было почвы для „блока“, наиболѣе лѣвымъ депутатомъ оказывался выбранный отъ крестьянской куріи.

2. Встрѣча депутатовъ въ Спб. и образованіе группы.

Результаты выборовъ заставили задуматься центральныхъ руководителей крестьянскихъ организацій и совершенно измѣнить свою тактику въ отношеніи первой Думы. Раньше всего это сознали уцѣлѣвшіе послѣ разгрома дѣятели всероссійскаго крестьянскаго союза, принявшіе на себя задачу облегчить о ъединеніе крестьянскихъ депутатовъ и создать для этого благопріятныя внѣшнія условія. Они вошли въ сношенія съ тѣми изъ числа избранныхъ депутатовъ, у которыхъ были ранѣе связи съ крестьянскимъ союзомъ, затѣмъ и съ тѣми, на которыхъ молва указывала, какъ на видныхъ борцовъ за общее дѣло. Они сняли въ Петроградѣ, по соглашенію съ этими депутатами, особое помѣщеніе у самаго Николаевскаго вокзала, на Невскомъ, д. 110, и создали нѣчто вродѣ клуба для взаимнаго ознакомленія пріѣзжихъ членовъ Думы изъ крестьянъ. Въ газетахъ появилось особое заявленіе за подписью сначала трехъ членовъ Думы Аладьина, Онипко и Шапошникова, ранѣе другихъ прибывшихъ въ столицу, и со средины апрѣля въ „крестьянскомъ клубѣ“ (какъ его потомъ называли) начались собесѣдованія по вопросу о томъ, какъ повести дѣло въ Думѣ. Сначала имѣлось въ виду во время этихъ бесѣдъ сплотить воедино только депутатовъ-крестьянъ. Первые разговоры сосредоточились на вопросѣ о землѣ и другихъ крестьян-

*) Приводимыя здѣсь цифры имѣютъ въ виду принадлежность къ группѣ въ моментъ открытія занятій Думы; происшедшія впослѣдствіи перегруппировки не стоятъ уже въ связи съ выборами.

**) Подробности о выборахъ по этой губерніи см. въ книгѣ: Т. Локоть— „Первая Дума“, Москва, 1906, стр. 15—57, 78—106.

скихъ нуждахъ. Было даже опасеніе, что чрезмѣрное участіе интеллигенціи въ средѣ группы можетъ отпугнуть кой-кого изъ вновь прибывшихъ крестьянъ, особенно тѣхъ, которые прошли подъ неопредѣленнымъ флагомъ „безпартійныхъ“, кто раньше еще мало разбирался въ вопросахъ политическихъ, въ различіяхъ между партіями, программами и пр.

Сплоченіе внѣ-партійныхъ, еще не опредѣлившихся депутатовъ-крестьянъ имѣло въ тотъ моментъ, по мнѣнію первыхъ организаторовъ, особенно существенное значеніе еще и потому, что отвлекало эти „нетронутые“ элементы, отъ другой опасности—быть вовлеченными въ кругъ вліянія справа.

Для правыхъ круговъ и еще въ большей степени для высшей администраціи было далеко не безразлично, куда примкнетъ масса еще не опредѣлившихся крестьянъ-депутатовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ теперь документально установлено *) желая обезпечить извѣстное вліяніе на съѣзжавшихся впервые въ столицу крестьянскихъ депутатовъ, заготовило заранѣе для нихъ по удешевленнымъ цѣнамъ квартиры на Кирочной улицѣ, 52. По имени депутата отъ Гродненской губерніи, бывшаго земскаго начальника Ерогина, принявшаго на себя, по соглашенію съ министерствомъ, попеченіе надъ членами Думы изъ крестьянъ, эти квартиры получили свое названіе „ерогинскаго общежитія“ (или „казенной живопырни“). Самое слово „ерогинецъ“, обозначавшее сначала обитателя этого общежитія, получило въ теченіе думской сессіи смыслъ обиднаго эпитета и указывало на приверженность къ правительству, на готовность ради дешевой квартиры и обѣда измѣнить крестьянскому дѣлу. Со стороны Ерогина и стоявшей за его спиною организаціи предпринималось все возможное для того, чтобы заполучить въ „живопырню“ значительное количество депутатовъ - крестьянъ. Всѣмъ губернаторамъ были посланы соотвѣтственные циркуляры, и уже на мѣстахъ крестьяне предупреждались, что имѣются подходящія для нихъ и доступныя по цѣнамъ комнаты. Какъ только комнаты стали заполняться, появились агитаторы справа, заговорили о томъ, что отъ нихъ, крестьянъ, ждутъ поддержки порядку, что они должны въ Думѣ противостоять крамолѣ, защитить царя и отечество отъ бунтовщиковъ, инородцевъ и жидовъ, а объ крестьянахъ уже правительство позаботится. Болѣе чуткіе крестьяне сразу почувствовали что-то неладное, иные еще колебались. Но какъ только до нихъ дошли слухи о томъ, что въ другомъ мѣстѣ (т.-е. на Невскомъ, 110) тоже собираются депутаты отъ крестьянъ,—всѣ потянулись туда... Они убѣдились,—какъ характерно описываетъ Танъ

---

*) Между прочимъ, вполнѣ откровенное признаніе объ оффиціальномъ происхожденіи общежитія далъ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи смотритель общежитія В. А. Евсѣевъ, вовремя слѣдств. производства откровенно подтвердившій, что 13-го апрѣля 1906 г. м-во вн. дѣлъ командировало его завѣдывать въ качествѣ хозяина 4-мя квартирами, нанятыми м-вомъ на его имя для членовъ Госуд. Думы изъ крестьянъ.

въ своихъ очеркахъ, — что въ крестьянскомъ клубѣ на Невскомъ „пахнетъ мужикомъ и никакого подвоха нѣтъ", *) они не только стали посѣщать ежедневныя собранія, но и другихъ привели. Всѣ попытки Ерогина и К° удержать своихъ постояльцевъ или проникнуть въ клубъ и тамъ произвести расколъ, ни къ чему не привели... Организаторамъ группы не стоило большого труда разоблачить всю подоплеку ерогинской живоцырни,—и ряды обитателей каменнаго общежитія быстро растаяли; въ разгаръ думскихъ занятій въ этомъ общежитіи осталось едва десятка полтора.

А между тѣмъ, число депутатовъ, желавшихъ участвовать въ бесѣдахъ на Невскомъ, 110, все росло. Начиная со средины апрѣля, послѣ каждаго извѣщенія въ газетахъ, подписывавшагося, кромѣ названныхъ трехъ, еще и Аникинымъ, прибывали все новые и новые люди. За первые дни установилась хорошая атмосфера взаимнаго довѣрія, всѣхъ скрѣпляло сознаніе великаго дѣла. Бесѣды не ограничились только крестьянскими темами. Не прошло и 2 – 3 дней, какъ всѣмъ стало ясно, что интересы крестьянства тѣсно переплетаются съ интересами всего народа, всѣхъ круговъ общества. Мысль эту поддерживали руководившіе первыми бесѣдами дѣятели крестьянскаго союза, желавшіе, однако, сохранить за группою названіе крестьянской. Узость такого наименованія, однако, иллюстрировали своимъ примѣромъ выдвинувшіеся въ первыхъ бесѣдахъ болѣе сознательные депутаты Аладьинъ, Шапошниковъ, Кутомановъ, Бусловъ, Заболотный; всѣ они, хотя и были крестьянскаго происхожденія и даже проходили большей частью по крестьянской куріи, однако, по существу, по своей профессіи, степени образованія и развитія, были чистыми интеллигентами, только идейно сочувствовавшими крестьянину-хлѣборобу, а сами уже не живившіе его міросозерцаніемъ и укладомъ. По ихъ предположенію, въ группу должны были бы войти, всѣ кто попалъ въ Думу, или какъ непосредственно крестьянами избранный, или же прошелъ въ депутаты по соглашенію или блоку съ крестьянами. Группа имѣла бы такимъ образомъ право считать себя партіей крестьянскихъ депутатовъ. Еще болѣе рѣшительно и опредѣленно необходимость объединиться съ другими депутатами того же направленія была формулирована, когда за недѣлю до открытія Думы пріѣхали саратовскіе депутаты (Жилкинъ, Аникинъ, Бондаревъ и др.), уже на выборахъ организовавшіе, какъ они выражались, „объединеніе всѣхъ трудящихся". По иниціативѣ Аникина, ясностью и силою своей рѣчи сразу расположившаго къ себѣ крестьянскую аудиторію, рѣшено было что въ группу могутъ вступать не только крестьяне, но и всѣ кто стоитъ за трудовой народъ, кто живетъ своимъ трудомъ и можетъ проникнуться интересами трудящихся. „Русское освободительное движеніе,—гласилъ одинъ изъ первыхъ тезисовъ принятыхъ

*) Танъ, „Мужики въ Государств. Думѣ" М. 1907.

той въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ программы,—выдвинуло впередъ на сцену исторіи трудящіеся классы народа: крестьянство, фабрично-заводскихъ рабочихъ, а также интеллигентныхъ тружениковъ; эти трудящіеся классы больше всѣхъ страдаютъ отъ безправія, насилія, нищеты и гнета... Члены Госуд. Думы, избранные широкими трудовыми слоями населенія, объединяются въ парламентскую трудовую группу". Быстро установилось въ обиходѣ названіе „трудовиковъ", перешедшее затѣмъ въ печать и оффиціальную номенклатуру.

3. Выработка платформы группы.

Въ наименованіе новой думской группы упоминаніе о ея крестьянскомъ характерѣ не было включено, но для того, чтобы подчеркнуть тѣсную связь группы съ землею и трудовымъ крестьянствомъ, постановлено было въ программу группы на первое мѣсто, тотчасъ послѣ требованія объ амнистіи, поставить земельный вопросъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общій результатъ всѣхъ предшествовавшихъ совѣщаній, принято было рѣшеніе внести на обсужденіе Государственной Думы законопроектъ объ аграрной реформѣ въ первую же очередь. Къ обсужденію земельной программы (въ концѣ апрѣля и первой половинѣ мая), а также другихъ частей платформы привлечены были какъ группа „Русск. Ботатства" въ лицѣ Н. Ф. Анненскаго, В. А. Мякотина и А. В. Пѣшехонова, такъ и группа идеологовъ „с.-р." въ лицѣ Чернова, Бунакова и др. Постоянное участіе принимали также дѣятели крестьянскаго союза, въ томъ числѣ А. Л. Караваевъ (впослѣдствіи лидеръ трудовой фракціи во 2-й Думѣ). Были попытки вліять на первоначальную организацію группы и со стороны представителей кадетской партіи. Въ первыхъ собраніяхъ выступилъ съ подробнымъ докладомъ о взглядахъ партіи к.-д. Ф. И. Родичевъ. Нѣкоторые депутаты изъ этой партіи, особенно Медвѣдевъ, Гужовскій и др. прилагали не мало усилій къ тому, что-бы побудить группу войти въ болѣе тѣсное организаціонное единеніе съ фракціей к.-д., но эти старанія не встрѣтили отклика.

Расширеніе задачъ группы и установленіе ея безсословности сразу привлекло въ ея составъ значительное число депутатовъ. Количественный составъ группы за пять дней до открытія Думы быстро возросъ до 130 человѣкъ, усердно посѣщавшихъ собранія группы: тутъ былъ почти весь составъ съѣхавшихся крестьянъ, тутъ были и внѣпартійные всѣхъ цвѣтовъ; явились и депутаты рабочихъ курій, интеллигенты „беззаглавцы" съ платформою „лѣвѣе к.-д.". Но по мѣрѣ того, какъ шло дальнѣйшее обсужденіе программы, оказалось, что извѣстные вопросы кореннымъ образомъ раздѣляютъ нѣкоторые элементы слагавшейся организаціи. Эти вопросы послужили оселкомъ для испытанія тѣхъ, кто не могъ подойти для группы и могъ лишь нарушать своимъ присутствіемъ ея единство.

Раньше всего различіе сказалось на земельномъ вопросѣ. Крестьянскимъ депутатамъ центральной и восточной Россіи не трудно было столковаться по этому пункту: мысль о необходимости кореннымъ образомъ разрѣшить вопросъ, путемъ принудительнаго отчужденія всѣхъ видовъ поземельной собственности и образованія народнаго земельнаго фонда для предоставленія земли въ пользованіе лично обрабатывающихъ землю, являлась уже для нихъ не новою. Она была уже предметомъ долгихъ бесѣдъ на собраніяхъ и съѣздахъ крестьянскихъ союзовъ, о такомъ рѣшеніи говорили на предвыборныхъ собраніяхъ. Умы были подготовлены къ этому рѣшенію пропагандою партійныхъ работниковъ, народническою литературою, на которой воспиталась также почти вся вошедшая въ группу интеллигенція. Но въ аудиторіи находилась часть депутатовъ, которая не сразу сдавалась на такое универсальное рѣшеніе вопроса. То были, прежде всего, крестьяне западныхъ губерній: въ виду слабаго развитія общиннаго быта и распространенности подворнаго владѣнія, ихъ смущалъ цѣлый рядъ соображеній: и опасеніе предъ возможностью уничтоженія крестьянской частной собственности, и непривычный для мѣстнаго крестьянства институтъ общиннаго пользованія землею, незнакомство съ практикою общинныхъ передѣловъ и многое другое. Наряду съ тѣмъ, у литовцевъ, латышей, украинцевъ являлись еще опасанія, можно ли отдавать въ общегосударственное распоряженіе, т. е. въ руки правительства, ихъ національное достояніе, основу ихъ будущей автономіи... Только часть возражавшихъ удалось убѣдить тѣмъ, что всю реформу предполагается произвести не иначе, какъ путемъ передачи подготовки ея на мѣста, а указаніе способовъ ея осуществленія оставить въ рукахъ мѣстныхъ комитетовъ, избранныхъ на основѣ всеобщаго голосованія. Другіе боялись длительности реформы: „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“, а „пока мужику ничегоне достанется, земля же все будетъ дорожать“. Въ связи съ этими указаніями, въ программѣ были включены требованія, чтобы „впредь до окончательнаго установленія новыхъ формъ землепользованія“ было немедленно приступлено, между прочимъ, къ регулированію арендныхъ сдѣлокъ, къ закрытію дворянскаго и крестьянскаго банковъ, „способствующихъ искусственному повышенію цѣнъ на землюи непомѣрному росту долговъ, лежащихъ на землѣ“. Депутатомъ отъ Черниговской губерніи, проф. Т. В. Локотемъ, была развита предъ присутствующими программа разрѣшенія аграрнаго вопроса въ духѣ идей россійской соціалъ-демократической партіи, но она не встрѣтила въ собраніи отклика. Много страстныхъ дебатовъ возбудилъ вопросъ о выкупѣ и оцѣнкѣ, но онъ былъ снятъ съ очереди и разрѣшеніе его также въ значительной мѣрѣ предоставлено будущимъ мѣстнымъ комитетамъ. Полнаго единодушія по земельному пункту такъ и не удалось достигнуть, и послѣ принятія этого пункта программы многіе депутаты (часть крестьянъ западной полосы, литовскіе ксендзы, остзейцы) перестали посѣщать собранія группы.

Другимъ спорнымъ пунктомъ, на которомъ часть примыкавшихъ сначала депутатовъ опять разошлась съ организаторами группы,—былъ вопросъ національный. Когда дошла очередь до формулировки равноправія, докладчикъ выработаннаго въ комиссіи проекта программы Аникинъ предложилъ формулу: „Отмѣна сословій и всѣхъ ограничительныхъ законовъ и правилъ, существующихъ для отдѣльныхъ народностей, исповѣданій и языковъ". Изъ среды „ерогинскихъ" крестьянъ, до того продолжавшихъ сердно посѣщать собранія, поднялось нѣсколько человѣкъ и указывало, что въ такомъ видѣ этого пункта принять нельзя, что необходима какая-либо оговорка относительно евреевъ: „нельзя же жидовъ во всемъ равнять съ нами". Замѣчаніе ерогинцевъ не встрѣтило сочувствія. Въ залѣ поднялся шумъ. Предсѣдательствовавшій въ собраніи Аладьинъ разъяснилъ, что хотя по ходу собранія видно неодобреніе большинствомъ предлагаемой поправки, но парламентскій обычай требуетъ постановки ея на баллотировку. Присутствовавшіе депутаты-евреи (Брамсонъ, Якубсонъ), указавъ на тяжелое положеніе трудовыхъ массъ еврейства, сдавленныхъ двойнымъ бременемъ, требовали подробнаго обсужденія вопроса и установленія яснаго къ нему отношенія со стороны группы вообще, и крестьянъ-депутатовъ, въ частности. Одинъ за другимъ подымались съ мѣстъ крестьяне и горячо возставали противъ поправки ерогинцевъ. Въ этомъ же духѣ высказывались интеллигенты группы: С. Рыжковъ, Я. Борисовъ, Т. Локоть. *) И когда затѣмъ вопросъ былъ поставленъ на баллотировку въ двойной формулировкѣ—нужны ли вообще ограниченія по происхожденію и исповѣданію, и нужны ли въ частности ограниченія по отношенію къ евреямъ,—то при баллотировкѣ первой формулы за ограниченія не поднялась ни одна рука, а при второмъ вопросѣ (о евреяхъ особо) поднялось съ мѣстъ 3 человѣка и человѣкъ 10 воздержались, остальные 101 голосовали за равноправіе безусловное.

Этимъ какъ-будто инцидентъ былъ исчерпанъ, но въ дѣйствительности послѣдствія его еще долго давали себя чувствовать. Возвратившіеся въ свое общежитіе ерогинцы разсказали о происшедшемъ. Группировавшіеся около общежитія члены погромныхъ организацій и дѣятели „союза русскаго народа" воспользовались случаемъ, чтобъ повести противъ зарождавшейся группы агитацію подъ флагомъ антисемитизма. Отнынѣ, по ихъ словамъ, ясно, что группа „продалась жидамъ", что предводители группы не кто иные, какъ „ставленники жидовъ", и что все крестьянство состоявшимся рѣшеніемъ обрекается на кабалу жидамъ. Взбудораженные этими толками обитатели общежитія, часть которыхъ

*) Депутатъ Локоть, впослѣдствіи (въ 1909 году) отрекшійся отъ группы и съ проповѣдью антисемитизма перешедшій въ лагерь націоналистовъ, въ эпоху первой думы особенно восторгался терпимымъ и справедливымъ отношеніемъ простыхъ крестьянъ-трудовиковъ къ еврейскому вопросу: см. книгу „Первая Дума", М. 1906, стр. 284—288, также стр. 91—96.

не хотѣла порывать съ группой и колебалась, посовѣщались между собой, поговорили съ другими крестьянами и вступили въ переговоры съ Аникинымъ и Жилкинымъ: правда-ли, что группу жиды одолѣли и нельзя ли обойтись безъ пункта о еврейскомъ равноправіи? Несмотря на всѣ данныя имъ разъясненія, они остались при своемъ и пригрозили, что въ случаѣ сохраненія этого пункта они не только выйдутъ изъ состава группы, но и другихъ отговорятъ. Кончилось тѣмъ, что пропасть между группою и настоящими ерогинцами послѣ этого еще болѣе углубилась. На дальнѣйшихъ собраніяхъ уже не досчитывались человѣкъ 20—30, прочно засѣвшихъ впослѣдствіи въ правый уголъ думскаго зала.

Составъ группы, такимъ образомъ, постепенно очищался отъ ненадежныхъ элементовъ и становился болѣе однороднымъ.

Остальныя части программы проходили уже безъ всякихъ существенныхъ разногласій. Отмѣна смертной казни и исключительныхъ положеній, немедленное проведеніе законовъ для обезпеченія неприкосновенности личности и всѣхъ гражданскихъ свободъ, сформированіе отвѣтственнаго министерства изъ среды парламентскаго большинства, реформа земскихъ и городскихъ учрежденій на основѣ 4-хъ-членной формулы и проведеніе въ жизнь новаго избирательнаго закона для новой Думы на тѣхъ же основаніяхъ,—все это не возбуждало споровъ. Когда зашла рѣчь о разрѣшеніи рабочаго вопроса, то примкнувшимъ къ группѣ рабочимъ предложено было самимъ, въ своей средѣ, намѣтить эту часть программы *). Послѣ совѣщанія съ представителями партіи с.-д., группа рабочихъ явилась съ формулировкой ряда требованій о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, объ обязательномъ еженедѣльномъ отдыхѣ въ 42 часа, о надлежащей охранѣ труда, государственномъ страхованіи, обязательномъ внѣшкольномъ образованіи, учрежденіи примирительныхъ камеръ съ равнымъ числомъ представителей изъ среды рабочихъ союзовъ и т. д. Все это было принято цѣликомъ и включено въ основную программу группы.

4. Первые тактическіе шаги группы и ея лидеры.

Разрабатывая свою программу сначала въ предварительныхъ совѣщаніяхъ ранѣе прибывшихъ депутатовъ, а затѣмъ и въ полномъ составѣ 100-членной группы, трудовики первой Думы столкнулись съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ изъ области *тактики*. Заняться ли въ Думѣ въ первую очередь законодательною работою,

*) Указаніе гг. М. Б—ова и Ф. Дана въ книгѣ „Рабочіе депутаты въ первой Госуд. Думѣ“, что въ первоначальной программѣ трудовой группы „о рабочемъ вопросѣ говорилось въ *самыхъ общихъ чертахъ*“, что она не могла удовлетворить депутатовъ-рабочихъ, и что поэтому эта часть программы была расширена и болѣе подробноразработана (стр. 64), не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

отвѣчать ли и какъ отвѣчать на идущія изъ среды населенія требованія (объ амнистіи, отмѣнѣ казней, арестовъ и т. п.), реагировать ли на дѣйствія властей и низшей администраціи, затрагивавшія, какъ права всей Думы, такъ и права и достоинство отдѣльныхъ членовъ Думы?

Занять въ вопросахъ тактики опредѣленную позицію было тѣмъ труднѣе, что и самый составъ группы, только что образовавшейся, былъ крайне пестрый. Наряду съ людьми, имѣвшими въ своемъ прошломъ опытъ широкаго общественнаго дѣла, успѣвшими пострадать за свои убѣжденія и идейно связанными съ опредѣленными теченіями,—здѣсь были люди, впервые вступавшіе въ такое отвѣтственное дѣло, стоявшіе внѣ всякихъ политическихъ традицій, чуждые вопросовъ парламентской техники, едва разбиравшіеся во всемъ происходящемъ. Наряду съ энтузіастами, готовыми душу отдать за народное дѣло, рвавшимися въ бой и искавшими подвиговъ самопожертвованія, были средніе люди, связанные воспоминаніями объ оставленныхъ на мѣстахъ семьяхъ, искавшіе мирныхъ способовъ, реальныхъ возможностей. Задача осложнялась еще тѣмъ, что по сложившейся идеологіи передовой интеллигенціи все, что могло бы напоминать какую-либо „органическую“ работу въ Думѣ, заранѣе признавалось отступленіемъ, измѣною. Всѣ усилія первой Думы должны были, по этой идеологіи, идти на то, чтобы организовать вокругъ думской трибуны народныя массы и подготовлять ихъ къ будущимъ событіямъ. А между тѣмъ, на низахъ народныхъ и въ широкихъ кругахъ общества отъ Думы ждали разрѣшенія чуть ли не всѣхъ острыхъ вопросовъ современности, ждали и требовали новыхъ законовъ, немедленнаго облегченія народной нужды и т. д.

Считаясь со всѣми этими настроеніями, авторы программы должны были установить и ближайшій тактическій планъ: „Спокойная, планомѣрная и органическая“ работа въ русскомъ парламентѣ,—говорится по этому поводу въ программѣ,—возможна лишь при полной гражданской свободѣ, при полномъ развитіи конституціонныхъ началъ и въ Думѣ, избранной по 4-членной формулѣ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, „учитывая данный историческій моментъ, трудовая группа признаетъ теперешнюю Госуд. Думу,—несмотря на всю уродливость условій, при которыхъ она собрана,—*единственнымъ авторитетнымъ учрежденіемъ* въ Россіи, имѣющимъ право на немедленное проведеніе въ жизнь тѣхъ неотложныхъ реформъ, которыя могутъ создать условія для правильнаго обнаруженія воли народа и безъ которыхъ странѣ грозитъ полное разложеніе и междуусобная война“. Поэтому группа включила въ свою программу только очерченный выше кругъ законовъ.

Но время шло, и событія развертывались скорѣй, чѣмъ можно было предполагать. Группа едва успѣла сформироваться для предстоящихъ работъ въ Думѣ, какъ ей уже пришлось начать дѣятельность *во-внѣ*. Сначала поводомъ служили мелкіе уколы со

стороны администраціи, наносившіеся отдѣльнымъ депутатамъ въ видѣ, напр., обысковъ на вокзалѣ, задержанія въ дорогѣ и т. п. Узнавая о каждомъ такомъ случаѣ, группа делегировала къ властямъ уполномоченныхъ лицъ для объясненій. За 4 дня до начала думской сессіи произошло событіе болѣе крупнаго калибра, сразу мѣнявшее соотношеніе органовъ власти и пресѣкавшее возможность мирной, плодотворной работы: обнародована была новая редакція „Основныхъ законовъ", отнимавшая у Госуд. Думы цѣлый рядъ правъ по пересмотру старыхъ законовъ и изданію новыхъ. Группа считала долгомъ откликнуться на это событіе, и принятая по поводу него резолюція 26 апрѣля была первымъ заявленіемъ во-внѣ, исходившимъ отъ группы, какъ таковой. „Мы, представители трудящихся массъ,—говорилось въ этой резолюціи,—посланы въ Гос. Думу съ порученіемъ законодательнымъ путемъ добиться для народа свободы, правъ и земли. Народъ, измученный нищетой, безправіемъ, произволомъ и насиліемъ, выражаетъ непреклонную волю самъ, чрезъ выборныхъ людей, устроить свою жизнь". Напомнивъ затѣмъ, что манифестъ 17-го октября торжественно призналъ за народомъ это право, и сопоставляя это обѣщаніе со смысломъ изданныхъ законовъ, которые „отнимаютъ у народныхъ представителей послѣднія права на самостоятельную законодательную работу",—группа считается съ тѣмъ, что этотъ актъ правительства «неизбѣжно влечетъ за собою рѣшительный разрывъ».

Моментъ открытія Думы приближался, а группѣ и ея руководителямъ предстояло еще преодолѣть рядъ серьезныхъ практическихъ затрудненій для подготовки первыхъ думскихъ дней: на очереди стояли волновавшій депутатовъ вопросъ о присягѣ, выборъ предсѣдателя Думы, выборъ остального состава президіума, способъ заявленія своего отношенія къ амнистіи, установленіе внутренней дисциплины, предварительная разработка всѣхъ думскихъ дѣлъ. По нѣкоторымъ пунктамъ линія поведенія совпадала съ тою, какую избрали одновременно организовавшіе свою фракцію лидеры к.-д. Такъ, не вызывалъ особыхъ споровъ кандидатъ, предложенный ими въ предсѣдатели Думы (С. А. Моромцевъ) *). Съ небольшими поправками принятъ былъ и текстъ резолюціи по поводу присяги. Гораздо труднѣе былъ вопросъ, какъ наладить на будущее время дѣла въ группѣ, обезпечить единство голосованія и выступленій.

Забота объ этомъ собственно должна была лежать на комитетѣ группы.

Первоначальный временный комитетъ группы составился изъ

*) О первой встрѣчѣ трудовой группы съ Муромцевымъ и дальнѣйшемъ ея отношеніи къ нему см. ст. С. И. Бондарева: „Воспоминанія депутата-трудовика" въ сборникѣ „Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ", изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1911, стр. 276.

Аладьина, Аникина. Бондарева, Буслова, Ершова, Жилкина, Локотя, Назаренко, Пустовойтова, Рыжкова и Шапошникова. То были люди, обратившіе на себя ранѣе другихъ вниманіе группы. Дружной работѣ этого первоначальнаго состава мѣшало въ извѣстной степени то, что тутъ были люди совершенно различныхъ взглядовъ на тактику въ Думѣ. Такъ, глубокая пропасть лежала между взглядами Назаренко, Пустовойтова, отчасти и Шапошникова, довольно близко примыкавшихъ по своему міросозерцанію къ партіи к.-д., и тактикою Аникина, Аладьина, Бондарева. Представитель рабочихъ Ершовъ считалъ себя только временнымъ членомъ комитета впредь до образованія особой соціалъ-демократической фракціи *) и уже тогда находился подъ вліяніемъ организаціи с.-д. Къ воззрѣніямъ, исходившимъ изъ этой организаціи, ближе другихъ стояли Локоть и Буслова. Что касается Жилкина и Рыжкова, то они играли въ этомъ составѣ роль примиряющаго и объединяющаго элемента.

Строго говоря, съ точки зрѣнія правильнаго, выдержаннаго руководительства группою и наблюденія за ходомъ преній въ Думѣ, комитетъ группы ни въ старомъ, ни въ обновленномъ составѣ далеко не всегда стоялъ на высотѣ. Не имѣя ни того опыта и знаній, ни того запаса подготовительныхъ матеріаловъ, ни постояннаго состава одинакомыслящихъ совѣтниковъ, которыми располагалъ комитетъ кадетской фракціи, они естественно не могли ковкуррировать въ этомъ отношеніи съ лидерами фракціи „Народной свободы“. Къ тому же лидерамъ трудовой группы приходилось постоянно отвлекаться внѣдумскими дѣлами: принимать являвшіяся къ нимъ делегаціи отъ разныхъ организацій и союзовъ, ходоковъ отъ сельскихъ обществъ, лично участвовать въ различныхъ внѣдумскихъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ, выѣзжать на происходившіе въ то время учительскій и крестьянскій съѣзды и т. д. При такомъ положеніи вещей они, конечно, не могли дать ни того „неослабнаго участія въ направленіи парламентскаго производства“, ни того „своевременнаго вмѣшательства для содѣйствія правильному, съ точки зрѣнія группы или партіи, рѣшенію дѣлъ“, о которыхъ говоритъ Муромцевъ, какъ о необходимыхъ аттрибутахъ фракціонной организаціи **).

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ развивалась думская работа и устанавливалась физіономія трудовой группы, въ качествѣ крайней лѣвой парламентской фракціи, явно ведущей боевую линію,—отъ нея откалывались всѣ нерѣшительные элементы и въ то же время тѣснѣе смыкались лѣвѣе настроенные члены. Къ нимъ присоединялись вновь пріѣзжавшіе депутаты, проходившіе уже на

*) Впервые о своемъ самостоятельномъ выступленіи рабочіе заявили въ засѣданіи 3-го мая при обсужденіи адреса (рѣчь Михайличенко).

**) Первая Государственная Дума. Изд. Муханова и Набокова. Спб., 1907. Вып. 1, стр. 179.

окраинахъ, либо какъ крайніе лѣвые, а иногда даже съ мандатомъ примкнуть именно къ трудовой фракціи. Допускавшееся вначалѣ одновременное посѣщеніе кадетской и трудовой фракціи было признано несовмѣстимымъ, и части крестьянъ пришлось сдѣлать окончательный выборъ. Въ результатѣ всего этого болѣе рѣшительные, близкіе къ народническимъ теченіямъ депутаты получали въ группѣ явный перевѣсъ. Когда 22-го мая предстояло переизбраніе временнаго комитета въ постоянный, и численный составъ комитета былъ сокращенъ съ 11 до 8, изъ прежняго состава остались: Аникинъ, Жилкинъ, Бондаревъ, Рыжковъ и вновь вошли: сравнительно менѣе извѣстные по думской работѣ, но признававшіеся, повидимому, надежными въ смыслѣ большей рѣшительности воззрѣній на думскую тактику: Борисовъ (Ставроп. губ.), Субботинъ (Тверской губ.), Ульяновъ (Сарат. губ.), а также Остроносовъ (Черниг. губ.), какъ представитель внѣгаргійныхъ рабочихъ, оставшихся вѣрными группѣ и послѣ образованія особой с.-д. фракціи. Во вновь образовавшійся комитетъ не попалъ даже Аладьинъ хотя производившее выборы собраніе просило, по прежнему, возлагать на него отвѣтственныя выступленія и считать его однимъ изъ лидеровъ группы.

Тѣмъ не менѣе приходится удивляться той массѣ силъ и энергіи, которую затрачивали перводумскіе лидеры*), чтобы вспахать эту цѣлину, чтобы заставить еще не сплотившееся сборище людей, совершенно къ парламентской дѣятельности не подготовленныхъ, сообща и дружно голосовать, выдвигать въ нужные моменты надлежащихъ ораторовъ, наладить систематическое участіе всей группы въ текущей думской работѣ и—что было въ первой Думѣ особенно важно—своевременно и живо откликаться на шедшіе изъ страны призывы, на событія въ Думѣ и странѣ.

Благодаря усиліямъ руководителей и еще болѣе благодаря объединявшему всѣхъ членовъ настроенію, трудовая группа съ первыхъ же шаговъ заняла совершенно опредѣленную позицію, какъ въ самой Думѣ, такъ и въ тѣхъ совѣщательныхъ собраніяхъ всей оппозиціи, гдѣ принимались наиболѣе отвѣтственныя рѣшенія. За дѣятельностью группы и ея рѣшеніями съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили всѣ партіи, всѣ органы прессы; самая же многочисленная въ Думѣ фракція—„Народной свободы“, какъ видно изъ признаній, печатно сдѣланныхъ впослѣдствіи ея лидерами**),—во всѣхъ своихъ предположеніяхъ заранѣе считалась съ этимъ настроеніемъ и *приноравливала къ нему свои рѣшенія*, охотно соглашалась на редакціонныя поправки, лишь бы демонстрировать единство оппозиціи.

Такимъ желаніемъ, повидимому, продиктованы были глав-

*) Ср. у Тана „Мужики въ Госуд. Думѣ“, стр. 47—48.

**) „Первая Госуд. Дума“, вып. I. Статьи И. Петрункевича, В. Гессена, М. Винавера, П. Новгородцева и др.

нѣйшіе шаги кадетской тактики въ первые дни, и это обстоятельство въ извѣстной мѣрѣ облегчало задачу первыхъ соглашеній. Вотъ почему не встрѣтили особыхъ возраженій предложенія кадетовъ о декларацiи относительно пониманія текста присяги *), о выступленіи въ первый же день одного изъ старѣйшихъ депутатовъ съ заявленіемъ объ амнистіи, о немедленной разработкѣ отвѣтнаго адреса съ изложеніемъ объединяющихъ всю Думу требованій, объ избраніи остальной части президіума и т. д.

Но степень „приноровленія“ кадетовъ къ болѣе рѣшительному настроенію новой группы была далеко не во всѣхъ вопросахъ одинакова. Уже на первыхъ шагахъ это чувствовалось, и дѣло не обошлось безъ тактическихъ ошибокъ со стороны молодой, неопытной парламентской организаціи.

Одну изъ такихъ ошибокъ нѣкоторые въ свое время усматривали въ томъ, что при открытіи Думы трудовая группа предоставила говорить объ амнистіи только представителю партіи к.-д. Какъ ни была умѣстна первая рѣчь объ амнистіи И. И. Петрункевича, какъ ни велико было одобреніе, которымъ она была встрѣчена,—но въ нее прорвались чуждыя трудовикамъ ноты вродѣ фразы о томъ, что „тысячи рукъ *протягиваются къ намъ* съ надеждой и *мольбой*“ (Стенографическій отчетъ Первой Государственной Думы, стр. 3). Такая фраза не могла бы сорваться съ устъ человѣка, болѣе близкаго къ психологіи политическихъ борцовъ. Отъ имени трудовой группы вопросъ объ амнистіи могъ бы быть поставленъ только на ту почву, на какую его перенесли рѣчи Авинкина, Аладьина и др. въ слѣдующемъ засѣданіи. Въ печати указывалось тогда, что моментъ, когда впечатлѣніе такихъ заявленій было бы особенно сильнымъ, оказался упущеннымъ и упущеннымъ въ ущербъ тому впечатлѣнію, которое сразу должно было произвести въ странѣ появленіе на исторической аренѣ новыхъ людей, новыхъ представителей народныхъ массъ.

Группѣ ставилось далѣе въ укоръ, что она не использовала своего положенія въ началѣ сессіи, чтобы обезпечить себѣ большее вліяніе на участіе въ президіумѣ Думы. Членамъ группы казалось тогда, что трудовикамъ, какъ таковымъ, нечего гнаться за почетными функціями, за внѣшнимъ успѣхомъ, а важно вліять по существу. Другіе находили, что избраніе наиболѣе видныхъ ея представителей ослабитъ составъ активныхъ лидеровъ. Третьи полагали даже, что лучше избрать видныхъ членовъ президіума изъ состава партій к.-д. съ тѣмъ только, чтобы трудовая группа участвовала въ ихъ подборѣ, а „если еще мы сами предложимъ кандидата,—разсуждали сторонники этого взгляда,—то онъ тамъ будетъ отстаивать или разъяснять *нашу* точку зрѣнія, *наши* инте-

*) На этомъ документѣ имѣется уже подпись 71 члена парламентской трудовой группы. Подробности объ этомъ у Локотя—„Первая Дума, въ т. Винавера—„Конфликты въ первой Думѣ“. (Перв. Госуд. Дума, вып. 1).

росы, будетъ склонять к.-д. къ единенію и уступкамъ". И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ соображеній, трудовая группа рѣшается на актъ самоотверженія: со всею торжественностью И. В. Жилкинъ заявляетъ на соединенномъ собраніи обѣихъ фракцій, что трудовая группа согласна уступить мѣста обоихъ товарищей предсѣдателя депутатамъ к.-д. и, съ своей стороны, на постъ одного изъ нихъ предлагаетъ проф. Н. А. Гредескула. Поскольку это имя являлось напоминаніемъ о томившемся въ изгнаніи депутатѣ, избранномъ вопреки волѣ мѣстныхъ властей и прямо съ мѣста ссылки, Архангельской губерніи, возвращенномъ въ Таврическій дворецъ,—однимъ словомъ, поскольку рѣчь шла о *демонстраціи*, такой выборъ имѣлъ свое безспорное значеніе. Но трудовой группѣ это избраніе ничего не принесло: проф. Гредескулъ никогда не информировалъ группу относительно предстоящихъ занятій, ни разу не использовалъ своего вліянія въ президіумѣ для содѣйствія проведенію хотя бы формальныхъ предложеній группы.

Обнаружилося со всею ясностью, что избрать представителемъ своихъ интересовъ въ парламентской борьбѣ человѣка изъ другой партіи, не только неестественно, но прямо нецѣлесообразно. За время $2^1/_2$ мѣсячнаго существованія Думы отсутствіе въ президіумѣ *своего* человѣка давала не разъ себя чувствовать и было условіемъ, въ значительной мѣрѣ тормозившимъ парламентскую работу группы. Группа не разъ оказывалась въ совершенномъ невѣдѣніи относительно плановъ президіума, о распредѣленіи занятій; постановка на очередь возникавшихъ по ея иниціативѣ предложеній (наприм., о комиссіи для разслѣдованія) запаздывала, необходимость избранія кандидатовъ въ комиссіи заставала группу врасплохъ, группа испытывала затрудненія въ обезпеченіи матеріаломъ своихъ фракціонныхъ комиссій и т. п. Наконецъ, отсутствіе въ президіумѣ рѣшительныхъ элементовъ содѣйствовало тому, что въ историческіе дни роспуска Думы и слѣдовавшихъ затѣмъ выборгскихъ и теріокскихъ событій роль президіума совершенно отошла на задній планъ...

Пробѣлъ въ президіумѣ не могъ быть восполненъ тѣмъ, что среди пяти товарищей секретаря были двое изъ трудовой группы. Близкаго касательства къ направленію дѣлъ въ президіумѣ ни одинъ изъ товарищей секретаря, и въ частности избранные отъ трудовой группы (тг. Шапошниковъ и Рыжковъ) не имѣли.

5. Думскія выступленія группъ въ первые дни.

Основныя разногласія между взглядами группы и партіи к.-д. на задачи Думы и ея работы сказались въ первые же дни. Прежде всего это проявилось въ установленіи *темпа* работы для Думы. Отражая настроеніе страны, переживавшей томительное ожиданіе, трудовики первой Думы не могли мириться съ тою детальной,

кропотливой разработкой парламентской техники, которою склонны были заняться государствовѣды изъ кадетской партіи (какъ гг. Кокошкинъ, Котляревскій, Набоковъ), а еще въ большей мѣрѣ умѣренные элементы Думы, какъ Острогорскій, графъ Гейденъ и др.

29 апрѣля, въ первый дѣловой день думской жизни, при первомъ же выступленіи съ трибуны представителя трудовиковъ (Аникина), прозвучало это желаніе безъ задержекъ установить все, что можетъ *упростить* парламентскую процедуру выборовъ въ президіумъ, и „поскорѣе перейти къ вопросамъ болѣе существеннымъ“ (Стеногр. отч. I Госуд. Думы, стр. 14). Бондаревъ и Сѣдельниковъ еще дальше развивали эту мысль: не отрицая важности этихъ технико-организаціонныхъ вопросовъ, они, однако, находили углубленіе въ эти вопросы несоотвѣтствующимъ историческому моменту: „Не столько форма должна увлекать насъ,—говорилъ Бондаревъ,—сколько содержаніе жизни, и эта жизнь, какъ только мы встрѣчаемся съ ней, со всѣхъ сторонъ говоритъ намъ о себѣ“; онъ стоитъ за самый краткій способъ выборовъ, чтобы скорѣе съ болѣе сосредоточенными силами перейти къ насущнымъ вопросамъ изстрадавшихся людей и измучившейся родины (С. о., стр. 14).

И группа послѣдовательно отклоняла всѣ попытки справа растянуть пренія по формальнымъ вопросамъ второстепеннаго свойства.

Въ смыслѣ желанія работать, работать безъ отдыха, безъ перерыва, группа была дѣйствительно *трудовою* въ полномъ смыслѣ слова. Когда возникалъ вопросъ, продолжать ли засѣданіе или нѣтъ, отложить ли пренія, назначить ли перерывъ, — настроеніе группы всегда было *одно*: продолжать, не щадя силъ. Это сказалось на засѣданіи 29 апрѣля, когда въ разсчеты правой входило растянуть обсужденіе, и когда даже многіе изъ кадетовъ склонны были, подъ вліяніемъ усталости, назначить перерывъ. Но часовъ нельзя было терять, и лишь благодаря тому, что вся трудовая группа, какъ одинъ человѣкъ, двинулась въ лѣвую дверь, чтобъ поддержать мысль о непрерывности работъ, получилось большинство 213 голосовъ противъ 202, сразу рѣшившее, что первой Думѣ время дорого. То же повторялось неоднократно (С. о., стр. 40,70, 72, 73). Характерно предложеніе Жилкина 30-го апрѣля: „Нужно *умолять* комиссію, чтобъ она, собравшись *немедленно*, приступила къ занятіямъ. Пусть она *работаетъ день и ночь*, но *завтра* долженъ быть представленъ проектъ адреса“ (С. о., стр. 41). А когда адресъ былъ предъявленъ, то 4-го мая отъ имени группы Куриленко предлагалъ не дѣлать перерывовъ, пока адресъ не будетъ законченъ (С. о., стр. 184). Эту тактику группа продолжала и впослѣдствіи.

Первое, чего трудовики желали настойчиво добиваться въ

Думѣ, на чемъ они желали сосредоточить вниманіе страны, было требованіе *амнистіи*.

Въ вопросѣ объ амнистіи трудовая группа не могла остаться на плоскости, на которой, повидимому, желали удержать Думу лидеры кадетовъ. И неудивительно, что среди членовъ группы необходимость, неотложность амнистіи ощущались ближе, и сильнѣе. Возвращеніе изъятыхъ изъ обращенія, отрѣзанныхъ отъ общественной работы бывшихъ товарищей и соратниковъ, а для нѣкоторыхъ даже руководителей и вдохновителей, было не только душевною потребностью. Важно было и признаніе непреступнымъ всего того, за что мстительное самовластіе низшаго и высшаго начальства покарало этихъ людей. Существенно было и скорѣйшее появленіе на политической аренѣ этихъ дѣятелей, дарованія и силы которыхъ совершенно пропадали для страны въ тюрьмѣ и ссылкѣ.

Ораторамъ трудовой группы не пришлось, правда, быть иниціаторами по постановкѣ вопроса объ амнистіи. Руководители партіи констит.-дем. успѣли во-время такъ поставить дѣло, что не только на первомъ засѣданіи заговорилъ объ амнистіи одинъ изъ ихъ лидеровъ (И. И. Петрункевичъ), но и на второмъ засѣданіи (29 апрѣля) первымъ развивалъ эту идею другой видный ораторъ партіи—Ф. И. Родичевъ. Но, заговоривъ о дарованіи милости, о прощеніи, Родичевъ внесъ въ свою рѣчь ноту, которая оказалась совершенно несовмѣстимою ни со взглядами на амнистію передовыхъ круговъ русскаго общества, ни съ настроеніемъ значительной части депутатовъ-трудовиковъ. И рядъ ораторовъ, выдвинутыхъ трудовой группой, горячо возсталъ противъ такой постановки вопроса. С. В. Аникинъ, со свойственною ему простотой, ясностью и силой, указалъ, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о милосердіи, о прощеніи заблудшихъ,—надо говорить о справедливости, объ освобожденіи невинныхъ (С. о., стр. 25). Обрисовавъ обстановку, при которой у насъ забираютъ, содержатъ и ссылаютъ, онъ продолжалъ: „голосъ народа требуетъ этой справедливости, и не должно быть неправды, не должно быть насилія“. И чтобы освѣтить, въ какой мѣрѣ амнистіею широко затрагиваются интересы крестьянства, онъ далъ нѣсколько штриховъ новаго крестьянскаго горя: „тысячи,—сказалъ онъ,—можетъ быть, десятки тысячъ крестьянъ—нашего брата – сидятъ въ тюрьмахъ“. Со ссылками на документы онъ указалъ, что привлеченные по этого рода дѣламъ крестьяне содержатся хуже каторжныхъ, ихъ кормятъ хуже всѣхъ воровъ и разбойниковъ, ихъ оскорбляютъ, ихъ унижаютъ... „Вмѣстѣ съ нами,—закончилъ онъ,—страдаетъ все русское крестьянство, и амнистіи для аграрниковъ оно требуетъ, какъ акта справедливости для всего крестьянства“ (С. о. стр. 25).

На такую же точку зрѣнія сталъ и болѣе мирно настроенный

Жилкинъ. „Не можетъ народъ просить, не можетъ онъ жаловаться однѣми слезами, когда его братья, отцы, сестры, матери сейчасъ, въ настоящую минуту, томятся въ тюрьмахъ, по рудникамъ далекой Сибири“ (С. о., стр. 26). Аладьинъ шелъ еще дальше. Взывая къ послѣдней возможности примирить власть съ народнымъ представительствомъ, онъ говорилъ: „Возьмите дѣло въ свои руки и не заставьте насъ взять его въ свои собственныя“.

Какъ и Аладьинъ, другіе члены группы указывали, что амнистія является вмѣстѣ съ тѣмъ и актомъ примиренія и нѣкоторые сравнивали моментъ изданія амнистіи съ заключеніемъ мира или „серьезнаго перемирія“ послѣ войны,—а разъ устанавливается перемиріе, всѣ заложники, всѣ плѣнные должны возвратиться къ своимъ (Шапошниковъ, Заболотный).

Но болѣе всего въ рѣчахъ членовъ группы, особенно депутатовъ отъ крестьянъ и отъ рабочихъ, подчеркивалась та мысль, что амнистія есть первый долгъ этой Думы, которая даже самымъ своимъ существованіемъ обязана тѣмъ, для освобожденія которыхъ теперь нуженъ актъ объ амнистіи. „Они,—говорилъ Г. Н. Шапошниковъ,—томятся въ тюрьмахъ не потому, что они преступники, а потому, что они борцы, потому что добивались того, чего мы здѣсь добиваемся... Эти люди сдѣлали больше, чѣмъ мы сдѣлаемъ здѣсь, сидя въ Думѣ“.

Непосредственнаго результата всѣ эти рѣчи, какъ извѣстно, не имѣли. Ждали, что 1-го мая послѣдуетъ актъ, идущій навстрѣчу пожеланіямъ народнаго представительства,—но этого не произошло. Была принята единодушно резолюція, чтобы во всеподданнѣйшій адресъ включено было заявленіе о безусловной необходимости нынѣ же объявить полную амнистію по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ.

По иниціативѣ одного изъ членовъ трудовой группы (Заболотнаго), была внесена въ эту резолюцію и оговорка по другому волновавшему въ то время умы вопросу: о пріостановкѣ казней впредь даже до изданія закона объ отмѣнѣ смертной казни (С. о., стр. 27).

Произнесенныя въ первый день рѣчи депутатовъ-трудовиковъ встрѣчены были съ величайшимъ сочувствіемъ съ самыхъ различныхъ сторонъ, воспроизводились цѣликомъ въ печати и оживленно комментировались.

Если первыя выступленія трудовиковъ по этому вопросу носили вполнѣ выдержанный характеръ и другъ другу не противорѣчили, то слѣдующій день неожиданно принесъ осложненія, грозившія единству группы и ея цѣльности. Въ виду крайне напряженнаго нервнаго настроенія, стоявшаго въ рядахъ группы,—настроенія, подымавшагося еще въ виду слуховъ объ ожидаемыхъ 1-го мая волненіяхъ, всѣхъ занималъ вопросъ, какъ же будетъ осуществлено единодушное желаніе Думы о немедленной амнистіи. И вотъ, подъ вліяніемъ со стороны, помимо лидеровъ группы, къ

предсѣдателю Думы поступило два предложенія, совершенно несовпадавшія съ тѣмъ путемъ, какой первоначально былъ намѣченъ Думою. Одно изъ этихъ предложеній—отъ рабочаго Чурикова—говорило о посылкѣ телеграммы Государю Императору съ просьбой объ освобожденіи; другое—отъ Корнильева *)—о выраженіи Государю воли Думы чрезъ своего предсѣдателя. Въ средѣ фракціи к.-д. эти два предложенія вызвали крайнее волненіе и безпокойство, и носившееся въ воздухѣ, всѣхъ смущавшее слово „конфликтъ“ сорвалось впервые съ устъ ихъ ораторовъ. Въ средѣ же трудовой группы эти самостоятельно внесенныя предложенія общаго единодушія не встрѣтили. Крестьяне не желали ускорять конфликта, пока еще не выяснена земельная нужда и не поставленъ во всю ширь аграрный вопросъ; наиболѣе сознательные и послѣдовательные члены группы находили, что считанные дни Думы должны быть использованы для провозвѣщенія всѣхъ народныхъ требованій, конфликта на одномъ вопросѣ на мѣстахъ не оцѣнятъ и не поймутъ. „Надо стремиться,—заявилъ Жилкинъ, обращаясь съ думской трибуны къ „товарищамъ крестьянамъ и товарищамъ рабочимъ“,—полностью выразить *всѣ* наши желанія“, и если *послѣ этого* все-таки все произойдетъ не по нашему желанію, то тогда уже будетъ не наша вина“ (С. о., стр. 40—41). Огромное большинство группы пошло при голосованіи за своимъ вождемъ, и Дума отвергла оба предложенія. Но общее смятеніе, которое внесено было этими предложеніями въ ходъ занятій Думы, въ ряды самой фракціи,—было для молодой группы наглядными примѣромъ тяжкихъ неудобствъ, проистекающихъ для думской работы отъ такихъ партизанскихъ выступленій, сдѣланныхъ безъ вѣдома комитета группы.

6. Отвѣтный адресъ.

Ближайшая очередная задача, стоявшая передъ первою Думою,—это было составленіе всеподданнѣйшаго адреса въ отвѣтъ на произнесенную передъ открытіемъ Думы тронную рѣчь.

Трудовая группа приняла въ этомъ дѣлѣ самое активное участіе. Въ составѣ комиссіи 33-хъ по выработкѣ проекта адреса, избранной 30-го апрѣля, вошелъ весь составъ временнаго комитета группы. Еще до оффиціальнаго избранія комиссіи происходили частные переговоры по этому предмету между лидерами

*) По незнакомству съ составомъ группы, ежедневно пополнявшейся новыми людьми, И. В. Жилкинъ въ своей рѣчи, а вслѣдъ за нимъ и кадетскіе лѣтописцы первой Думы (Первая Государственная Дума. стр. 197) назвали Корнильева крестьяниномъ, между тѣмъ, въ дѣйствительности это былъ земскій врачъ Вятской губ. Корнильевъ, во все время существованія группы, находился на крайнемъ лѣвомъ ея флангѣ. Онъ же былъ убѣжденнымъ сторонникомъ тактики обструкціи по отношенію къ министрамъ послѣ 15-го мая.

группы (Аладьинымъ, Аникинымъ, Жилкинымъ) и представителями к.-д. (Винавером, Кокошкинымъ и Милюковымъ). Со стороны к.-д. былъ предложенъ заготовленный ими проектъ адреса, по поводу котораго представители группы не считали, однако, возможнымъ высказать какія-либо окончательныя сужденія, такъ какъ вопросъ еще ни въ комитетѣ группы, ни въ самой группѣ не обсуждался. Они ограничились только общими замѣчаніями, что въ проектѣ очень много условнаго въ изложеніи, что мѣста, относящіяся къ земельному и рабочему вопросу, надо выразить въ возможно наиболѣе рѣшительной формѣ, но не отрицали, что въ общемъ самое построеніе адреса и основное содержаніе отвѣчаетъ назначенію *). Руководители группы сохранили за собою право самостоятельнаго отношенія къ этому отвѣтственному дѣлу и къ началу засѣданій комиссіи подготовили, при участіи сочувствовавшихъ группѣ лицъ, свой проектъ адреса **). Когда проектъ былъ прочитанъ въ думской комиссіи, руководимой кадетами, большинство нашло его „блѣднымъ и тягучимъ“ и наотрѣзъ отказалось положить его въ основу будущаго текста и отстаивало цѣликомъ проектъ, исходящій изъ партіи к.-д. Дѣйствительная причина отклоненія была, однако, не во внѣшней формѣ проекта трудовиковъ, съ которой стилисты кадетской партіи легко справились бы путемъ редакціонныхъ измѣненій. Коренная разница между обоими проектами была прежде всего въ той „прямотѣ и искренности“, съ которою авторы подходили къ задачѣ. Проектъ трудовиковъ съ большею рѣзкостью рисовалъ царящій въ странѣ произволъ и незаконность ряда актовъ, получившихъ уже высшую санкцію. Далѣе, проектъ раскрывалъ скобки по самымъ спорнымъ и больнымъ вопросамъ: давалъ полную формулу всеобщаго избирательнаго права, развивалъ безъ намековъ способы разрѣшенія аграрной нужды и національнаго вопроса, становился въ опредѣленное отрицательное отношеніе къ существованію Государственнаго Совѣта, говорилъ о контролѣ Думы надъ государственнымъ хозяйствомъ и т. д. Проектъ заканчивался указаніемъ на необходимость произвести намѣченныя законодательныя работы „съ надлежащею быстротою и рѣшительностью“ и увѣренностью въ утвержденіи ихъ Верховною Властью. Все это, какъ показали пренія въ Думѣ, не могло встрѣтить отклика среди руководящихъ круговъ партіи к.-д., а тѣмъ болѣе разныхъ умѣренныхъ и внѣпартійныхъ элементовъ справа, заполнившихъ почти треть комиссіи.

---

*) Изложеніе того, что происходило на этомъ совѣщаніи, равно какъ и описаніе хода занятій въ комиссіи, сдѣланы въ цитированной выше статьѣ „Конфликты въ первой Госуд. Думѣ“ (Перв. Гос. Дума, вып. 1, стр. 199-204), по свидѣтельству бывшихъ членовъ комитета, крайне односторонне и въ частностяхъ прямо неточно.

**) Полный текстъ этого проекта напечатанъ въ книгѣ: А. Львовичъ,— „Партіи и крестьянство въ Госуд. Думѣ,“ СПБ. 1906, стр. 98—104, и въ брошюрѣ В. Ш. „Трудовая группа въ Государств. Думѣ,“ СПБ. 1906, стр. 3-6.

Въ своемъ стремленіи дать первоначальному проекту адреса большую опредѣленность, депутаты-трудовики встрѣтили поддержку со стороны части кадетскихъ депутатовъ (особенно Сафонова и З. Френкеля). Совмѣстно съ послѣдними проведены были весьма существенныя поправки, между прочимъ о томъ, чтобы ясно обозначить, какимъ способомъ предполагается удовлетворить острую земельную нужду, и чтобы указано было на необходимость обращенія на этотъ предметъ казенныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель, а равно принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ. Относительно рабочаго вопроса введено было, по предложенію Аладьина, указаніе, что первымъ шагомъ по пути мѣръ къ улучшенію положенія рабочихъ должно быть „обезпеченіе имъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы организаціи самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія".

Со стороны трудовиковъ внесена была (Бондаревымъ) еще одна поправка, по поводу которой кадеты упрекали трудовую группу чуть ли не въ измѣнѣ лозунгамъ лѣвой оппозиціи, а именно лозунгу воздержанія отъ органической работы. Это было предложеніе о включеніи въ адресъ упоминанія о томъ, что Дума „употребитъ всѣ усилія для поднятія народнаго просвѣщенія и прежде всего озаботится выработкой закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи". Тщетно взывали кадеты къ „лѣвымъ" убѣжденіямъ трудовиковъ, указывали, что вставка испортитъ общій тонъ адреса, что эта тема, можетъ быть, и встрѣтитъ сочувствіе въ правительственныхъ кругахъ и поведетъ къ разнымъ неудобствамъ *) и т. д. Трудовики остались при своемъ. Подобно тому, какъ въ свое время близость къ жизни и практическое чутье подсказали имъ необходимость участвовать въ выборахъ, не взирая на запретъ, провозглашенный близкими имъ по духу и настроенію партіями,—такъ и теперь въ вопросѣ объ органической работѣ они не считали себя связанными никакими условными рамками. Уже постановкою аграрнаго вопроса была пробита брешь въ ортодоксальной доктринѣ объ органической работѣ. Потребность во всеобщемъ обученіи была настолько назрѣвшею, великою нуждою народною, что подчеркнуть ее въ столь важномъ историческомъ документѣ являлось прямымъ велѣніемъ совѣсти. И трудовиковъ не отпугало даже то, что провести эту вставку пришлось въ комиссіи при помощи гг. Гейдена и правыхъ.

Особенно значительныхъ поправокъ трудовики и не могли разсчитывать провести въ комиссіи, гдѣ ихъ, неопытныхъ и неискушенныхъ ни въ оффиціальномъ стилѣ, ни въ редактированіи подобныхъ документовъ, подавляли своимъ научнымъ авторитетомъ и привычною діалектикою ученые юристы, опытные политики

*) „Перв. Госуд. Дума," изд. Муханова и Набокова. Выпускъ I, стр. 204.

и земскіе дѣятели кадетской партіи. Такъ было на первыхъ порахъ и въ другихъ комиссіяхъ. Въ общихъ собраніяхъ Думы, выступая уже послѣ обсужденія каждаго вопроса на фракціонномъ засѣданіи составомъ всей группы, депутаты-трудовики говорили гораздо свободнѣе и увѣреннѣе. И основное впечатлѣніе рѣчей на общихъ собраніяхъ Думы таково, что съ текстомъ адреса мирились, но вполнѣ онъ группы не удовлетворилъ. „Я представляю себѣ,— говорилъ Меркуловъ – (С. о., стр. 133),—автора доклада, со скрещенными руками и поникшей головой, молящаго о пощадѣ, просящаго о милости... По прочтеніи доклада, получается впечатлѣніе оборванности, неполности, такъ и кажется, что нужно еще что-то сказать, нѣчто послѣднее, рѣшительное“.

Выходя на думскую трибуну, лидеры группы не отрицали, что въ адресѣ нѣтъ желаннаго имъ тона, но находили, что даже въ такомъ видѣ это будетъ благовѣстомъ для страны и трудящихся классовъ (Бондаревъ, С. о., стр. 96). Если бы адресъ былъ дѣйствительно выраженіемъ народной воли, крикомъ наболѣвшей народной нужды и горя, тогда форма нашего адреса была бы совершенно иная... „народъ относится къ главнѣйшимъ пожеланіямъ, которыя выражены въ адресѣ, гораздо категоричнѣе, гораздо требовательнѣе“ (Локоть, С. о., стр. 123). Не преувеличивая значенія адреса, они совѣтуютъ своимъ товарищамъ по группѣ „не настаивать на полнотѣ програмной части и не боятся, что умолчаніемъ будетъ дѣйствительно что-нибудь потеряно въ глазахъ народа“ (С. о., стр. 125). Стремительный Аладьинъ и тотъ видѣлъ на этотъ разъ неизбѣжность, во имя достиженія единодушнаго вотума всей Думы, удовлетвориться компромиссной формой и принятіемъ болѣе эластичной редакціи (С. о., стр. 199). Даже непримиримые противники Аладьина не отрицали, что рѣчь его обнаружила чуткость въ пониманіи политическихъ задачъ момента *).

Резюмируя свои впечатлѣнія по поводу адреса, наиболѣе объективный изъ писателей лѣваго лагеря, В. Г. Короленко, признаетъ, что если адресъ и составленъ сухо, безъ темперамента и подъема, то объясняется это особенностями коллективной работы, когда „каждое слово взвѣшивается съ разныхъ точекъ зрѣнія“, и каждый оборотъ долженъ сглаживать рядъ еще неразрѣшенныхъ противорѣчій. „Выраженія адреса сдержанны, лишены тѣхъ византійскихъ условностей, которыми наболѣвшая практика снабжаетъ обыкновенно подобныя обращенія. Требованія страны поставлены ясно. Въ общемъ, адресъ „лѣвѣе“, чѣмъ ждали отъ „кадетской Думы“ **).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при постатейномъ чтеніи адреса, со стороны трудовиковъ сдѣланъ былъ рядъ попытокъ внести измѣненія болѣе соотвѣтствовавшія воззрѣніямъ группы. Особенно много по-

*) Ср. *Мошлянскій*—„Первая Государственная Дума“. Спб. 1907, стр. 29.
**) Русское Богатство 1906 г., Май, ст. „Вмѣсто хроники“, стр. 143.

трачено было усилій ораторами группы Заболотнымъ (С. о., стр. 92, 143—144); Бусловымъ (С. о., стр. 101); Литвиновымъ (С. о., стр. 132); Аникинымъ (С. о., стр. 142—143); Онипко (С. о., стр. 143), чтобы добиться раскрытія формулы избирательнаго права и прямо указать, что выборы должны быть не только всеобщими, но и прямыми, равными, тайными, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія. „Этотъ лозунгъ,—говорилъ Аникинъ отъ имени меньшинства комиссіи, требовавшей раскрытія формулы,—объединилъ милліоны русскихъ людей; во имя этого лозунга тысячи умирали на улицахъ, десятки тысячъ сидятъ въ тюрьмахъ... Мы признаемъ его не какъ красивое только слово, но какъ самую насущную потребность русской жизни, безъ которой напрасны всѣ утраты, напрасна вся борьба". Но кадеты отстояли первоначальную редакцію.

Болѣе удачною была попытка Литвинова (С. о., стр., 185—186) включить въ адресъ упоминаніе о правѣ петицій. „Правительство,—говорилъ онъ,—вводя статью о воспрещеніи являться въ Думу депутаціямъ, представлять письменныя и словесныя объясненія, имѣло въ виду зажать народу ротъ". Передъ его отъѣздомъ крестьяне спрашивали его: „Какъ же это такъ? Наши братья будутъ сидѣть въ Думѣ, а мы не можемъ къ нимъ не только придти и попросить, но даже не можемъ написать имъ и выяснить наши нужды". По мнѣнію оратора, Дума должна всѣми силами стараться не прерывать связи съ избирателями. Поддержанное М. М. Ковалевскимъ, это предложеніе было принято и включено въ адресъ.

Принята была также поправка о включеніи въ перечень подлежащихъ распредѣленію земель случайно пропущенной категоріи „земель церковныхъ". Группа поддержала также всѣ внесенныя М. М. Ковалевскимъ поправки, клонившіяся къ установленію контроля народнаго представительства надъ взиманіемъ и расходованіемъ народныхъ средствъ.

Трудовиками весьма настойчиво проводилась мысль о болѣе рѣшительномъ указаніи на совершенную ненужность Государственнаго Совѣта. Вполнѣ сознательно отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что въ борьбѣ за дѣло народа это учрежденіе явится однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ,—депутаты-трудовики направляютъ въ эту сторону всѣ свои стрѣлы. „Указаніе на то, что Государственный Совѣтъ есть средостѣніе,—сказалъ Рыжковъ (С. о., стр. 83),—не есть укоръ, а есть большая справедливость; это есть указаніе на то, что въ новую постройку ставятся гнилыя и старыя бревна, которыя будутъ портить все зданіе". „Въ прошломъ,—развивалъ ту же мысль Заболотный (С. о., стр. 169),—это было административное учрежденіе. Это былъ душитель народныхъ правъ. Въ настоящее время это то же старое испорченное пиво, только сдобренное новымъ хмѣлемъ. Но, господа, сколько вы ни добавляйте хмѣля, а старое пиво не сдѣлается лучше". „Если мы оставимъ

Государственный Совѣтъ,—полагалъ Кукановъ, (С. о., стр. 173),— то работа Госуд. Думы будетъ урѣзана, уничтожена и, можетъ быть, сведена на нѣтъ, на мелочи". Въ томъ же духѣ говорили Литвиновъ (С. о., 132), Меркуловъ (С. о., стр. 174), Назаренко (С. о., стр. 180).

Крестьянскіе депутаты заговорили по поводу адреса и о другихъ жгучихъ нуждахъ деревни: о беззаконіяхъ администраціи по отношенію къ сельскимъ сходамъ, о понудительной высылкѣ крестьянъ (Куриленко—С. о., стр. 133), о василіяхъ полиціи, о созданіи гражданской стражи и устраненіи арміи отъ обязанностей полицейской службы (поправка Кутоманова—С. о., стр. 162—163).

Тесля (С. о., стр. 135), Онацкій и др. подчеркнули необходимость вспомнить объ улучшеніи быта солдатъ. Эта мысль встрѣтила поддержку со стороны проф. Е. Н. Щепкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ упорное противодѣйствіе со стороны авторовъ проекта и умѣренной части Думы. Вопросъ дважды баллотировался, и Дума, наконецъ, склонилась къ тому, чтобы вставить это пожеланіе.

Обсужденіе отвѣтнаго адреса было закончено. Рѣшено было какъ извѣстно, представить адресъ черезъ делегацію, въ составѣ думскаго президіума, — но въ пріемѣ делегаціи было отказано. Предсѣдатель Думы получилъ отъ предсѣдателя совѣта министровъ отвѣтъ, что адресъ долженъ быть представленъ не лично, а при всеподданнѣйшей запискѣ. Извѣстіе объ этомъ отказѣ произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Пошли возбужденные толки какъ въ кругахъ кадетской партіи, такъ и среди трудовиковъ. Экстренно собравшись по этому поводу въ помѣщеніи Думы 8-го мая, до начала думскаго засѣданія, группа остановилась уже было на рѣшеніи дать выраженіе охватившему всѣхъ депутатовъ чувству въ опредѣленной резолюціи, и изъ двухъ предложенныхъ резолюцій— Буслова и Ульянова—первая уже была одобрена собраніемъ. Извѣстіе о предстоящемъ въ Думѣ провозглашеніи резолюціи дошло до штаба кадетской фракціи, гдѣ уже состоялось рѣшеніе „не раздувать инцидента", а ограничиться краткимъ, сухимъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ въ томъ смыслѣ, что „значеніе отвѣта на тронную рѣчь заключается въ его содержаніи, а не въ способѣ его представленія". Не сомнѣваясь въ томъ, что принятіе такого перехода въ Думѣ обезпечено, главари фракціи боялись, однако, не самаго чтенія формулы трудовиковъ, боялись могущихъ возникнуть по поводу ея треній. Пущены были въ ходъ героическія средства, чтобъ воздѣйствовать на трудовиковъ: убѣждали ихъ по одиночкѣ, убѣждали земляки земляковъ, а когда и это не помогло, предсѣдательствовавшій тогда въ засѣданіи кадетской фракціи Винаверъ явился на собраніе трудовой группы съ просьбою выслушать особаго делегата, котораго избрала по этому поводу ихъ фракція для переговоровъ съ трудовиками.

Этого делегата кадеты избрали не изъ своей среды, думской фракціи, а направили въ группу не состоявшаго депутатомъ, но

принимавшаго самое близкое участіе въ дѣлахъ фракціи — П. Н. Милюкова. Милюковъ пустилъ въ ходъ всѣ свои дипломатическія способности и просилъ „не создавать конфликта“ на этомъ вопросѣ: если конфликтъ неизбѣженъ, ужъ пусть лучше потомъ — послѣ разговоровъ о землѣ, о волѣ, а не то не поймутъ ни на мѣстахъ, ни въ Западной Европѣ. Въ пренія съ Милюковымъ не вступали, слова его мало кого поколебали,—но чрезвычайность его появленія, свидѣтельствовавшая о тревогѣ, овладѣвшей кадетами, экстренность этой мѣры заставили осторожные элементы группы задуматься. Къ тому же, весь вопросъ засталъ группу врасплохъ. Кто-то вспомнилъ: чего въ самомъ дѣлѣ трудовикамъ на внѣшнюю сторону обижаться... Рѣшено было своей формулы не выдвигать, противъ кадетскаго перехода къ очереднымъ дѣламъ не спорить, но свою точку зрѣнія на происшедшій инцидентъ все-таки въ Думѣ освѣтить.

Послѣднюю задачу взялъ на себя Аладьинъ. „Въ первой русской Думѣ, – сказалъ онъ (С. о., стр. 246—247),—въ первый разъ русскій народъ, послѣ десятковъ лѣтъ страданій, нашелъ возможность собраться вмѣстѣ и черезъ своихъ лучшихъ людей—а это не только мое мнѣніе, но и мнѣніе Верховной Власти—сформировать то, чѣмъ хочетъ жить русскій народъ. Если насъ избрала вся Россія, если она въ наши руки отдала свои судьбы, то я думаю, у насъ, если и нѣтъ формальныхъ правъ, то, по крайней мѣрѣ, есть полное моральное право быть выслушанными, и выслушанными безъ замедленія. Когда послѣ рѣчей, наконецъ, добрались до перваго реальнаго, дѣйствительнаго шага, когда можно было опредѣленно выразить наши нужды, наши требованія, въ этотъ самый моментъ мы слышимъ, что наша депутація не принята. На нашемъ пути воздвигнуто препятствіе, несомнѣнно, крупное, но недостаточное для того, чтобы остановить насъ въ нашей созидательной работѣ. Поэтому я и обращаюсь къ тому народу, который послалъ меня сюда, и говорю: смотрите, ваши представители будутъ продолжать работать, но ихъ работа будетъ такова, что они на каждомъ шагу будутъ встрѣчать препятствія, о которыя, можетъ быть, разобьется вся ихъ энергія“.

Переходъ къ очереднымъ дѣламъ былъ принятъ, Дума занялась разсмотрѣніемъ поступившихъ докладовъ,—но группа долго еще не могла успокоиться по поводу перваго конфликта. Особенно близко приняли это къ сердцу входившіе въ группу крестьяне *), которые еще вѣрили въ мирный выходъ изъ положенія и сохранили въ душѣ лояльныя чувства.

Дальнѣйшая судьба адреса принесла скоро новое разочарованіе.

---

*) Подробности о впечатлѣніяхъ крестьянъ см. С. Варшавскій, — „Жизнь и труды первой Государственной Думы“. М. 1907, стр. 48—49.

7. Вотумъ недовѣрія министерству.

13-го мая въ Государственную Думу явился въ полномъ составѣ весь совѣтъ министровъ, во главѣ съ предсѣдателемъ И. Л. Горемыкинъ. Послѣдній прочель извѣстную декларацію, смыслъ которой сводился прежде всего къ указанію, что цѣлаго ряда предметовъ, затронутыхъ въ адресѣ, Государственная Дума даже касаться не вправѣ. Далѣе, опредѣленно заявлялось, что разрѣшеніе земельнаго вопроса на предполагаемыхъ Думою началахъ „безусловно недопустимо", что амнистіи дано не будетъ, что пересмотръ избирательнаго закона несвоевременъ, что правительство намѣрено для успокоенія страны проявлять твердую и дѣятельную исполнительную власть и т. д.

Общій духъ этой декларації, которая должна была служить отвѣтомъ на всеподданнѣйшій адресъ, уже былъ, по проникавшимъ въ общество слухамъ, извѣстенъ заранѣе. Думскія фракціи дѣятельно готовились встрѣтить представителей совѣта министровъ. Съ ранняго утра трудовая группа была уже въ полномъ сборѣ и остановилась на мысли, что Дума на такой отвѣтъ можетъ реагировать только *вотированіемъ министерству своего недовѣрія и требованіемъ его отставки.*

Это былъ шагъ новый, внушавшій многимъ даже тогда серьезныя опасенія; въ средѣ группы раздались скептическіе голоса, но большинство настояло на такомъ именно рѣшеніи.

Во фракціи к.-д. готовилось въ это время нѣсколько формулъ, но мысль о выраженіи недовѣрія министерству тамъ сначала не возникала. На соединенномъ совѣщаніи, устроенномъ во время перерыва думскаго засѣданія, рѣшено было выработать общую резолюцію, въ основу которой положена была формула трудовой группы.

Независимо отъ намѣченной формулы, нѣсколько ораторовъ группы должны были дать должный отвѣтъ на вызывающій тонъ декларації.

По поводу заявленій объ особомъ попеченіи, которое министерство обѣщалось удѣлять крестьянству, въ связи со взглядами министерства на собственность, Аникинъ сказалъ: „Да, крестьянство до сихъ поръ видѣло попеченія, но теперь крестьянство пришло сюда и... сказало, что ему нужны воля и земля... Крестьянство, потребовавъ землю, указало откуда эту землю оно желаетъ взять. Но крестьянство сказало, что оно желаетъ взять путемъ *законнымъ*". Крестьянство думаетъ что разъ оно послало своихъ представителей въ законодательное учрежденіе, „такой законъ будетъ изданъ, и крестьянство будетъ удовлетворено". Указывая затѣмъ на заинтересованность властей въ правахъ „собственности", Аникинъ приводитъ рядъ примѣровъ самаго безцеремоннаго насильственнаго и хищническаго отношенія къ крестьянской собственности. „Мы,—заявилъ онъ подъ шумное одобреніе думы,—противъ

такого сохраненія собственности". Обращаясь къ предположеніямъ министерства о переселеніи, онъ продолжалъ: „Я бы предложилъ переселиться въ далекія степи хотя бы тѣмъ людямъ, которымъ скоро въ Россіи нечего будетъ дѣлать. Пусть они переселяются туда, разводятъ хутора и садятъ капусту" (С. о., стр. 328).„ Мы, крестьяне, требуемъ права на трудъ, желаемъ приложить свой трудъ къ землѣ... Если Россіи не суждено еще ввергнуться въ новый потокъ революціи, то и эти земли должны быть отданы въ руки трудового народа *законодательнымъ* порядкомъ. Мы хотимъ, чтобъ министерство было изъ среды народа, чтобы оно подчинялось волѣ народной. Только послѣ тѣхъ полномочій, которыя народные представители ему дадутъ, оно можетъ вырабатывать законы. Всякое другое министерство не можетъ быть терпимо: *«или мы, или они"* (С. о., стр. 329).

„Они. — говорилъ Аладьинъ,—должны брать у насъ то, что мы, представители страны, находимъ нужнымъ, необходимымъ, неотложнымъ для страны. А они явились сюда диктовать намъ, представителямъ страны, поучать насъ". Указавъ затѣмъ на то, что въ странѣ растетъ недовольство, что въ ней накопились громадныя силы „въ видѣ матеріала, готоваго прорваться, способнаго поддержать Думу въ ея требованіяхъ", ораторъ находилъ, что „только Дума пока сдерживаетъ этотъ горючій матеріалъ" (С. о., стр. 332). Послѣднюю мысль въ своеобразной, истинно-народной формѣ развилъ въ особой рѣчи, ставшей потомъ исторической, тамбовскій крестьянинъ Лосевъ.

„Это министерство, подъ руками котораго мы находимся, какъ безотвѣтныя и безсловесныя животныя, принесло намъ бумагу и говоритъ, что удовлетвореніе нашихъ нуждъ „недопустимо". Этотъ листокъ помутилъ глаза и сердца тѣхъ крестьянъ, которые ждали, что осуществитъ намъ Дума... Нынѣ я получилъ себѣ грустное впечатлѣніе, и теперича, дорогіе мои, я опять вижу свое несчастное положеніе... Я хорошо знаю, что стомилліонное крестьянство имѣло бы громадную силу, если бы дать въ его руки такіе способы, при которыхъ оно могло бы расти и развиваться... Мы сильны, но всѣми хитростями и козняками мы ослѣплены, и поэтому насъ берутъ на это зрѣлище, какъ Самсона брали филистимляне. Знаете, что сдѣлалъ Самсонъ въ послѣдній моментъ, когда онъ пришелъ въ безвыходное положеніе? Онъ сказалъ вожаку: „подведи меня къ колоннамъ и дай мнѣ ощупать ихъ". И опершись правой рукой въ одну, а лѣвой въ другую колонну, онъ опрокинулъ столбы, на которыхъ было устроено зрѣлище съ тѣми многими тысячами, которые пришли смотрѣть на него, и сказалъ: „умри, душа моя, со всѣми ними". Это онъ сдѣлалъ потому, что ему тошно стало жить, сильному, но слѣпому, и они умерли подъ градомъ камней и развалинами. Все трудовое крестьянство поставлено теперь въ такое критическое положеніе, что его сдѣлали, какъ этого жалкаго слѣпого Самсона. Но я одно долженъ сказать вамъ, я не ручаюсь за то, выдержитъ ли этотъ несчастный Самсонъ или такъ же упрется и скажетъ: умри, душа моя, съ филистимлянами".

Внося послѣ всего этого, послѣ не менѣе рѣшительныхъ рѣчей лидеровъ другихъ партій (Набокова и Родичева, Максима Ковалевскаго и даже гр. Гейдена), формулу о выраженіи министерству недовѣрія, Жилкинъ вправѣ былъ въ тотъ день сказать: „мини-

стерство выступило здѣсь съ намѣреніемъ дать урокъ Госуд. Думѣ, но получила мощный отпоръ, суровый, заслуженный".

Послѣ того, какъ формула о недовѣріи была принята въ Думѣ и внѣ Думы, ожидали чрезвычайныхъ событій. Пошли слухи про переговоры объ образованіи кадетскаго министерства, но никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Дипломатическіе „переговоры" ничѣмъ не кончились,—и передъ Думой вообще, и трудовой группой въ частности, сталъ роковой вопросъ, *какъ быть дальше?* Мириться ли съ фактомъ, что министерство не уходитъ, и продолжать ли въ строго установленныхъ рамкахъ законодательную работу, или настаивать на требованіи объ удаленіи министерства и искать иного выхода? И въ чемъ его искать?

Въ тактикѣ главныхъ двухъ думскихъ фракцій—кадетской и трудовой—все яснѣе обозначается съ этого момента коренная разница въ связи со взглядомъ на ближайшія задачи Думы. Все яснѣе намѣчается съ одной стороны, желаніе кадетовъ сохранить занятія Думы въ руслѣ „законодательствованія", выработки и обсужденія законопроектовъ. Все рѣзче, съ другой стороны, выступаетъ наростающее среди трудовиковъ настроеніе отчаянія, желаніе подчеркнуть разрывъ съ министерствомъ и использовать Думу для вліянія на населеніе и его организацію.

„Послѣ того какъ Госуд. Дума выразила недовѣріе министерству,—говорилъ Онипко,—выразила пожеланіе чтобы оно немедленно подало въ отставку, Госуд. Дума не должна болѣе считать представителей министерства своими людьми, а посторонними. Настоящее министерство должно являться теперь и для нашей изстрадавшейся отъ ихъ беззаконія страны постороннимъ лицомъ" (С. о. стр. 534).

Но жизнь страны и за нею жизнь Думы слагались такимъ образомъ, что ни та, ни другая фракція не могли цѣликомъ проводить *только одну линію поведенія*. Обѣ часто расходившіяся между собою фракціи находили общую почву, когда на думской аренѣ появлялся *общій врагъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость откликаться на каждое предстоявшее думѣ дѣло заставляла всѣ безъ различія думскія группы быть готовыми къ думскимъ преніямъ—законодательнымъ и незаконодательнымъ, — проявлять свое отношеніе къ назрѣвшимъ вопросамъ и участвовать въ общей работѣ.

8. Отношеніе къ законодательной работѣ.

На *законодательную* дѣятельность въ первой Думѣ Трудовая группа не могла смотрѣть глазами партіи „Народной свободы", не могла мириться съ мыслью, что единственный „языкъ Думы—языкъ законовъ", какъ говорили съ думской каѳедры кадетскіе ораторы. Группа при этомъ отнюдь не отрицала необходимости законодательной работы. Какъ видно будетъ изъ приводимыхъ

ниже данныхъ, членами ея вложена была въ эту отрасль думской работы огромная масса труда. Но группа ясно видѣла, какъ правительство относилось къ исходящимъ отъ Думы предложеніямъ, и неизбѣжно приходила къ выводу, что выраженныя въ формѣ закона постановленія Думы не имѣютъ никакихъ шансовъ получить дальнѣйшую санкцію. Смыслъ своей законодательной работы трудовики усматривали не въ томъ, что законопроекты въ установленный срокъ прочтутся министрами, а въ томъ, что „судьбу этихъ законовъ,—какъ говорилъ Аникинъ,—будетъ рѣшать вся страна", которая скажетъ о нихъ „свое мощное, властное слово".

Первыя же попытки Думы провести отмѣну смертной казни, придерживаясь вполнѣ формальныхъ рамокъ думскаго дѣлопроизводства, встрѣтили, какъ извѣстно, со стороны министерства явный отпоръ и даже, въ извѣстной мѣрѣ, обструкцію. Представители всѣхъ вѣдомствъ прислали письменныя заявленія о невозможности сократить предусмотрѣнный Положеніемъ о Госуд. Думѣ срокъ, о необходимости разработать матеріалы и т. д. При видѣ этого у трудовиковъ естественно зародилась мысль: нуженъ ли въ данный моментъ для народа и страны, прислушивавшейся къ каждому шагу Думы, весь этотъ механизмъ законодательныхъ проволочекъ? Не трудно было предвидѣть,—по всему настроенію министерства и его вызывающему образу дѣйствій,—что даже при условіи обожданія всего установленнаго ст. 55—57 «Учр. о Госуд. Думѣ» срока и по выслушаніи отзывовъ министерства, законопроектамъ Думы по всѣмъ болѣе существеннымъ вопросамъ никакъ не дойти до страны въ видѣ санкціонированнаго закона... А между тѣмъ, при напряженномъ состояніи страны, для населенія было далеко не безразлично, *какъ* рѣшала Дума волнующіе страну вопросы, *съ какими законами* она выступала въ первую очередь. Поэтому, когда отъ министерства, въ отвѣтъ на жгучій вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, получилась лишь сухая отписка съ предложеніемъ отсрочить разсмотрѣніе законопроекта,—цѣлый рядъ ораторовъ-трудовиковъ настаивалъ, чтобы Дума *немедленно разсмотрѣла* законопроектъ и приняла его.

„Въ нормальное время,—говорилъ Якубсонъ,—и законы принимаются нормальнымъ путемъ, но теперь время ненормальное. Теперь законы принимаются только такимъ путемъ, который Дума признаетъ для себя достойнымъ". (С. о., стр. 644 и слѣд.). Возражая кадетамъ, предлагавшимъ ограничиться въ этомъ случаѣ резолюціей, Аникинъ и Аладьинъ требовали отъ Думы послѣдовательности и немедленнаго разсмотрѣнія закона, независимо отъ существованія параграфовъ, удобныхъ единственно для министровъ, въ цѣляхъ „обузданія Госуд. Думы". „Все равно, всѣ эти параграфы написаны не нами, они написаны для того, чтобы не дать намъ дѣлать ровно ничего... чтобъ остановить „всю нашу дѣятельность". Проводя ту же точку зрѣнія, Аладьинъ и Локоть опа-

сались, что резолюція не подѣйствуетъ на совѣсть министровъ, а народу покажется только „насмѣшкой“ надъ его страданіями (С. о. стр. 646). Предлагалось поэтому отъ имени группы, что,—такъ какъ отмѣта смертной казни „отвѣчаетъ глубоко сознанному требованію страны и интересамъ ея успокоенія“,—постановка на очередь законопроекта объ отмѣнѣ казни должна быть признана неотложною *).

При такомъ воззрѣніи на законодательную дѣятельность, среди группы не могла встрѣтить сочувствія предложенная партіей народной свободы мѣра для ускоренія и упрощенія законодательной работы,—мѣра, казавшаяся лидерамъ этой партіи чуть ли не счастливымъ откровеніемъ, навсегда избавляющимъ Думу отъ мукъ страданія и чуть ли не переносящимъ „центръ тяжести“ въ руки Думы, увеличивающимъ ея реальную силу и т. п. **). Рѣчь шла объ измѣненіи въ законодательномъ порядкѣ статей 55—57 „Учр. Госуд. Думы“, стоявшихъ поперекъ дороги стремленіямъ Думы къ скорѣйшему проведенію новыхъ законовъ. Предлагалось сократить срокъ, установленный для обожданія заключенія министровъ, съ одного мѣсяца до одной недѣли и избирать комиссію для разсмотрѣнія законопроекта тотчасъ послѣ вступленія его въ Думу.

Въ отвѣтъ на рѣчи авторовъ этой мѣры (деп. Винавера, Котляревскаго, Родичева и др.), трудовики выяснили передъ Думой всю палліативность и слабость этого средства. Самое проведеніе проектируемыхъ измѣненій въ законодательномъ порядкѣ, вѣдь, также требовало обычныхъ сроковъ, требовало путешествія проекта по четыремъ и болѣе инстанціямъ и могло, въ концѣ-концовъ, остаться безрезультатнымъ. Представлялось вообще крайне несообразнымъ ожидать спасенія отъ новой редакціи нѣсколькихъ второстепенныхъ параграфовъ парламентскаго распорядка. Аникинъ находилъ непримиримое противорѣчіе между позиціей, которую заняла Дума въ отношеніи министерства, требуя выхода его въ отставку, и подобными шагами. „Если мы будемъ входить сейчасъ съ измѣненіями такихъ мелочей, то тѣмъ самымъ мы покажемъ, что мы можемъ заниматься только мелочами и тѣмъ самымъ дадимъ возможность этимъ господамъ (указываетъ на министерскія скамьи) продолжать сидѣть здѣсь сколько угодно. Не пойдетъ же Дума на конфликтъ изъ-за § 56“ (С. о., стр. 593). Аладьинъ счелъ нужнымъ напомнить съ трибуны, что „вопросъ о томъ, какъ *про-*

*) По настоянію лидеровъ партіи к.-д., Дума однако отвергла немедленное разсмотрѣніе и ограничилась принятіемъ формулы Набокова о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ съ заявленіемъ, что дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ является попраніемъ основныхъ нравственныхъ началъ и т. п.

**) Первая Госуд. Дума, изд. Муханова и Набокова. Выпускъ II-й стр. 7.

водить законы, рѣшается только однимъ реальнымъ соотношеніемъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя сталкиваются за Думой, а не въ Думѣ"... До того времени, „когда вопросъ пойдетъ здѣсь о той реальной силѣ, которая позволитъ диктовать министрамъ ультиматумы", трудовая группа не могла признать эти предложенія серьезными; „пройдутъ ли они или не пройдутъ, ни характеръ нашей работы, ни способъ отъ того не измѣнятся. Измѣненія произойдутъ во всякомъ случаѣ не отъ того, что мѣсяцъ будетъ обращенъ въ недѣлю" (С. о., стр. 596—597).

Правильность этихъ взглядовъ вполнѣ подтвердилъ дальнѣйшій ходъ событій, и не даромъ сами к.-д., хотя и добились въ Думѣ одобренія своего предложенія, должны были потомъ отъ него отказаться и не дать ему хода. А между тѣмъ Родичевъ, убѣждая въ свое время трудовую группу голосовать за этотъ законопроектъ, взывалъ: „Это—первый камень въ созиданіи русской конституціи; его отвергаютъ зиждущіе, а онъ можетъ сдѣлаться главою дѣла" (С. о., стр. 601).

Не отрицая желательности того, чтобы Дума вообще занималась изданіемъ законовъ, группа свой взглядъ на эту задачу устами Аладьина опредѣляла такъ: „Мы думаемъ, что нужно издавать законы, но не для министерства того или другого: нѣтъ, нужно въ законѣ *формулировать ясно и опредѣленно, чего мы хотимъ*, а въ этомъ видѣ представить *тѣмъ, которые послали насъ сюда*, дать имъ усвоить, что мы за нихъ боремся"... (С. о., стр. 597).

Различіе было и въ самомъ *методѣ* разработки законовъ, ихъ формулировкѣ и *содержаніи*.

Не желая „грѣшить отвлеченнымъ радикализмомъ", — говорили о себѣ идеологи партіи к.-д.*) — они въ своихъ проектахъ исходили изъ „задачъ реальной политики" и „вмѣстѣ съ признаніемъ общаго начала" считали „необходимымъ допускать его неизбѣжныя *ограниченія*, вытекающія изъ практическаго требованія согласованія свободы каждаго со свободою всѣхъ остальныхъ". Но за критерій этого послѣдняго соображенія—о свободѣ всѣхъ остальныхъ—въ проектахъ к.-д. принималось не что иное, какъ *усмотрѣніе подлежащей власти*. И въ концѣ концовъ получалась такая формулировка законовъ, при которой интересы отдѣльныхъ лицъ противопоставлялись не интересамъ общаго блага, а распоряженіямъ мѣстныхъ административныхъ органовъ. Населеніе въ массѣ предполагалось законодателями изъ фракціи к.-д. недостаточно зрѣлымъ и неспособнымъ соблюсти необходимый въ государственныхъ интересахъ порядокъ, а коррективомъ являлись мѣры предупрежденія и пресѣченія со стороны власть имущихъ. Такъ было и въ первоначальной редакціи законопроектовъ о неприкосновенности

*) Первая Госуд. Дума. Выпускъ II-ой, стр. 19—20.

личности, о свободѣ союзовъ, но особенно замѣтно это сказалось въ законопроектѣ о свободѣ собраній.

9. Критика законопроектовъ о неприкосновенности личности, свободѣ союзовъ и собраній.

Изъ внесенныхъ партіей к.-д. законопроектовъ о гражданскихъ свободахъ, первымъ получилъ движеніе проектъ общаго закона о *неприкосновенности личности*. Уже при предварительномъ обсужденіи этого законопроекта въ общемъ собраніи Думы 14 мая, автору настоящаго очерка, говорившему по порученію группы, пришлось указать на общее впечатлѣніе этого документа. Хотя текстъ законопроекта въ редакціи к.-д. и представляетъ значительный шагъ впередъ, но ясно, что авторы его не могли отрѣшиться отъ старыхъ традицій и слишкомъ расширили права мѣстной, близкой къ населенію власти. На отдѣльныхъ примѣрахъ поясняло сь, что нельзя давать мѣстнымъ административнымъ органамъ такой просторъ усмотрѣнія: нельзя, наприм., предоставить полицейской власти задерживать лицъ, нуждающихся въ особомъ попеченіи и защитѣ, или задерживать подъ предлогомъ удостовѣренія личности; что при созданіи новыхъ гарантій личности необходимо отрѣшиться отъ „стиля и опасной терминологіи ублюдочныхъ законовъ стараго времени“ (С. о., стр. 362 — 363). И яркою иллюстраціею къ этой рѣчи служило повѣствованіе крестьянскаго депутата Окунева, обрисовавшаго царящій въ деревнѣ произволъ и необходимость новаго закона именно въ виду того, что „запуганное, забитое трудовое крестьянство всякую звѣзду на шапкѣ считаетъ начальствомъ, и всякая звѣзда считаетъ своею непремѣнною обязанностью заявить себя съ этой стороны“ (С. о., стр. 358).

На сдѣланныя по поводу первоначальнаго проекта о неприкосновенности личности замѣчанія, законовѣды господствующей партіи обижались, возражали съ трибуны и затѣмъ писали, что только „тенденціозная“ критика могла усмотрѣть въ нихъ отзвуки старой системы, репрессивныхъ ограниченій, слѣды народобоязни и невѣрія въ свободу.

Но стоило законопроекту перейти въ спеціальную комиссію, такъ называемую „комиссію 15“, гдѣ предсѣдательствовалъ графъ Гейденъ и гдѣ сами кадеты были въ преобладающемъ большинствѣ, а трудовиковъ было только двое (П. И. Семеновъ и пишущій эти строки) изъ пятнадцати,—какъ оказалось, что комиссія вынуждена была выбрасывать одно за другимъ неловкія выраженія, пережитки старины, которыми полна была первоначальная редакція. Большинствомъ комиссіи была также признана справедливость многихъ указаній членовъ-трудовиковъ по существу проекта. Такъ, на основаніи замѣчаній трудовой группы, введена была болѣе широкая и ясная формулировка основного пункта (ст. 1), что „никто

не можеть быть наказанъ безъ суда", упрощены и болѣе категорически выражены общія начала о недопустимости ограниченія свободы безъ точнаго постановленія судебной власти (ст. 3—11), внесены нѣкоторыя поправки примѣнительно къ условіямъ крестьянской жизни и т. д.

Не согласилось только большинство комиссіи съ тѣми поправками юристовъ трудовой группы, которыя имѣли цѣлью съузить кругъ усмотрѣнія мѣстной власти, относительно задержанія подозрѣваемыхъ въ преступленіи, только тяжкими преступленіями (по поводу ст. 4-ой законопроекта)—ограничить примѣненіе военнаго суда даже въ военное время*) (статья 1). Тщетно представители группы предлагали также не вводить въ законъ, какъ поводъ къ задержанію, такихъ растяжимыхъ условій, какъ „незаконное нарушеніе свободы другихъ лицъ" или „нарушеніе общественной благопристойности" (ст. 5), устранить всякія стѣсненія для иностранцевъ, усилить отвѣтственность должностныхъ лицъ за попраніе свободы личности и т. д.

Когда въ той же комиссіи сталъ на очередь законъ объ отмѣнѣ смертной казни, члены-трудовики дѣлали тщетныя попытки убѣдить большинство въ необходимости поставить точку на „і" и указать въ самомъ текстѣ закона, что дѣйствіе его должно распространяться и на военные кодексы, и на военные суды. Лишь тогда, когда вопросъ дошелъ до общаго собранія Думы и путемъ агитаціи въ кулуарахъ, удалось убѣдить кадетовъ, не входившихъ въ комиссію (въ томъ числѣ военнаго юриста Шольпа), въ необходимости этихъ оговорокъ,—въ послѣднюю минуту большинство сдалось, и предложенная Шольпомъ, по указанію трудовиковъ, поправка была принята.

По поводу участія трудовиковъ въ „комиссіи 15-ти", членъ докладчикъ этой комиссіи, проф. П. И. Новгородцевъ, печатно удостовѣрилъ, что „отстаивая свою точку зрѣнія, юристы трудовой группы способствовали болѣе ясной постановкѣ вопроса... Не всегда,—говоритъ онъ,—возможно было принять ихъ указанія полностью, но зато всегда эти указанія заставляли комиссію сознательнѣе проводить точку зрѣнія, соотвѣтствующую исходнымъ пунктамъ ея работы **).

При предварительномъ разсмотрѣніи выработаннаго кадетами *законопроекта о союзахъ*, трудовой группѣ пришлось встрѣтиться опять съ тѣми же хроническими дефектами ихъ законодательнаго творчества. Работавшая при трудовой фракціи юридическая комиссія нашла въ этомъ законопроектѣ не только крайнее несовершенство формы, открывающее большое поприще для толкованій

*) Перв. Госуд. Дума, вып. II, стр. 156.
**) Тамъ же, стр. 15—16.

въ направленіи, неблагопріятномъ для свободы союзовъ; не только архаизмы о „цѣляхъ, противныхъ добрымъ нравамъ“ или чрезвычайно опасный критерій о несоотвѣтствіи дѣйствующимъ уголовнымъ законамъ (ст. 2 и 4), но и весьма нежелательныя особенности по существу.

Отъ вниманія депутатовъ-трудовиковъ не могло ускользнуть, что вводился какой-то странный способъ закрытія союзовъ путемъ двойной гильотины—сношенія полиціи съ прокуратурой и затѣмъ разсмотрѣнія дѣла въ гражданскомъ отдѣленіи суда, съ одной стороны, наряду съ привлеченіемъ членовъ союза къ уголовному суду—съ другой (ст. 4—6). Ихъ не могъ не смутить крайне сложный и всѣмъ опытомъ прошлаго осужденный способъ регистраціи союзовъ. Такъ, по проекту регистрація должна была производиться установленіемъ, далекимъ отъ жизни, отъ большинства населенныхъ пунктовъ губерній и совершенно чуждымъ сельскому и рабочему населенію, а именно: старшимъ нотаріусомъ окружнаго суда (ст. 9—16).

И при наилучшихъ, можетъ быть, намѣреніяхъ авторовъ проекта,—судя по ихъ предисловію,—они лишали широкіе круги населенія наиболѣе цѣннаго при учрежденіи полноправныхъ союзовъ: *общедоступности*, *несложности* формальностей. Уже напередъ въ кредитъ вотируя довѣріе будущимъ органамъ полиціи и прокурорскаго надзора, они отводили имъ усмотрѣнію и вмѣшательству слишкомъ много мѣста въ ущербъ свободѣ народныхъ массъ и правамъ созидаемыхъ ими коллективовъ...

Всѣ эти указанія трудовой группы остались въ нѣдрахъ собранія фракціи и только отчасти проникли въ повременную печать, но до думской трибуны уже не дошли.

Въ наиболѣе полной, рѣшительной формѣ трудовики могли отмѣтить характерныя особенности законодательныхъ предположеній, шедшихъ изъ кадетской фракціи, на примѣрѣ *законопроекта о собраніяхъ*.

Въ виду важности вопроса, группа выслала на защиту своихъ воззрѣній цѣлый рядъ ораторовъ. Всѣ они, одинъ за другимъ, рѣзко подчеркивали коренные недостатки внесеннаго проекта. Въ отличіе отъ соціалъ-демократовъ, желавшихъ свести вообще весь законъ къ 2—3 положеніямъ, большинство ораторовъ-трудовиковъ допускали возможность болѣе подробной регламентаціи, но находили, что именно подробности носятъ въ редакціи кадетскаго законопроекта *крайне односторонній* характеръ, что онѣ направлены противъ правъ и свободы народа. Депутаты-трудовики первые съ трибуны указали на главный, коренной пробѣлъ проекта, а именно, что онъ, вопреки лучшимъ западнымъ образцамъ, сохраняетъ за полицейскимъ чиномъ широкое право закрывать собраніе *помимо избраннаго собраніемъ бюро* и при условіяхъ, довольно туманно вы-

раженныхъ. (С. о., стр. 1406 — 1407). Они же первые указали на желательность приблизить законодательство о собраніяхъ къ американской системѣ, возможно менѣе регламентирующей народную платформу (Брамсонъ). Эти два возраженія, какъ извѣстно, были поддержаны и развиты съ трибуны проф. М. М. Ковалевскимъ (С. о., стр. 1458—1460).

Какъ люди, вышедшіе сами изъ массы, въ частности, изъ среды желѣзнодорожныхъ служащихъ (Бусловъ, С. о., стр. 1414), они освѣтили со всѣхъ сторонъ незнаніе авторами проекта бытовыхъ условій, практики собраній въ отношеніи мѣста. На основаніи опыта они указывали, какъ опасно предоставлять чинамъ полиціи толковать, что значитъ „собираться мирно“, предоставлять имъ мѣры принужденія для удаленія собравшихся (Куриленко, С. о., стр. 1430), какъ излишне и неумѣстно ограниченіе пользованія площадями.

Они не могли не упрекнуть авторовъ законопроекта въ оторванности проекта отъ русской дѣйствительности.

„Въ цѣломъ рядѣ красивыхъ свободолюбивыхъ фразъ, авторы проекта заявляютъ, что представители мѣстной власти еще долго не сумѣютъ „проникнуться уваженіемъ къ свободѣ собраній“, что долголѣтняя привычка администраціи не столько считаться съ закономъ, сколько съ видами правительства, всегда будетъ сказываться“, что „общество и администрація исторически впитали въ себя взаимное недовѣріе“, и что поэтому „необходимо сократить область усмотрѣнія администраціи и тѣмъ уменьшить поводы для столкновеній“ между обществомъ и низшими элементами администраціи. А въ то же время право казнить и миловать на собраніи, право установить, что собраніе созвано на ненадлежащемъ мѣстѣ, что оно „угрожаетъ общественной безопасности“, предоставлено именно органамъ мѣстной полиціи. Вскрывая недоговоренные, но подразумѣвающіеся мотивы такой двойственности, говорившіе съ трибуны представители трудовой группы приходили къ заключенію, что, „повидимому, авторы не полагаются на политическую зрѣлость народа, не надѣются на то, что „общество само сумѣетъ сохранить свой порядокъ“.

„Этотъ законъ,—говорилъ Масловъ (С. о., стр. 1434)—словно предназначенъ для „людей, которые не понимаютъ еще своихъ гражданскихъ правъ, которыхъ нужно опекать и за которыми нужно присматривать... Считаютъ, что народъ, которому предлагаютъ дать этотъ законъ, еще младенецъ, что онъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не предупредить его, что онъ можетъ принести себѣ вредъ“. Но какъ примирить,—спрашиваетъ Бусловъ,—такое недовѣріе къ народнымъ силамъ, такую робость въ охраненіи правъ народа съ торжественными заявленіями о „развитіи политической самодѣятельности общества и о свободѣ собраній, какъ о средствѣ политическаго воспитанія народныхъ массъ“. (С. о.,

стр. 1414, рѣчь Буслова; стр. 1434,—рѣчь Маслова; стр. 1452 — 1455 Баратова) .„Получается,—пришлось мнѣ тогда указать: заколдованный кругъ, созданный старой системой, что надо кого-то опекать, оберегать, охранять... За свободу собранiи пострадали уже сотни и тысячи людей, которымъ, можетъ быть, было бы мѣсто въ этомъ залѣ, и которые теперь томятся по тюрьмамъ. Пока освободить ихъ мы не въ силахъ, а куемъ уже цѣпи для будущихъ борцовъ“ (С. о., стр. 1407). „Спуститесь, съ высотъ вашихъ академическихъ кафедръ, присмотритесь къ жизни народныхъ массъ и ихъ потребности въ свободномъ общенiи, чтобы убѣдиться, что нѣтъ никакой надобности въ тѣхъ лишнихъ рамкахъ и преградахъ, въ которыя вы хотите, словно на прокрустово ложе, уложить свободную мысль народа и его свободное слово“ (С. о., стр. 1468).

Послѣ того, какъ въ рѣчахъ Шершеневича и Винавера кадеты пытались защитить свои позиціи, пробовали ссылаться и на то, что они имѣли въ виду черносотенныя собранiя, признавались въ несовершенствѣ редакціи, изъявляли готовность на всякія частичныя поправки, — выступилъ 20-го іюня занявшій уже въ то время видное положеніе въ группѣ депутатъ отъ Кубанской области В. И. Лунинъ*). Онъ отмѣтилъ, что если бы объясненія и уступки, сдѣланныя въ извѣстныхъ рѣчахъ кадетскихъ лидеровъ (въ частности Винавера), были сдѣланы при самомъ внесеніи проекта, то споръ дѣйствительно сократился бы (С. о., стр. 1537). „Но, — мягко заявилъ Лунинъ,—объясненіе возникло только теперь—*и его не было вначалѣ*“. Онъ готовъ вѣрить въ искренность желаній партіи народной свободы, но текстъ законопроекта указываетъ, что партія сама, инстинктивно, можетъ быть, — допускаетъ Лунинъ,—неумышленно „подрубаетъ тотъ сукъ, на которомъ сидитъ“. Указавъ на отдѣльныхъ примѣрахъ, какъ недалеко ушла формулировка проекта отъ выраженій дѣйствующаго закона о собранiяхъ, Лунинъ приходитъ къ заключенію, что въ настоящемъ его видѣ законъ будетъ давать „достаточное оружіе для всякаго министерства, для всякаго класса, который захочетъ, такъ или иначе, порабощать другой классъ“ (С. о., стр. 1539). Ораторъ понимаетъ, почему проектъ далъ поводъ нѣкоторымъ думать, что тутъ не совсѣмъ искренно желаютъ свободы; „надо,—закончилъ Лунинъ,— побольше довѣрять разуму народа, тогда и законы будетъ легче составлять и разумнѣе они будутъ“ (С. о., стр. 1540).

---

*) Въ виду поздняго пріѣзда, это была его единственная рѣчь съ думской трибуны. Слѣдующая его публичная рѣчь, обратившая на себя вниманіе, была уже со скамьи подсудимыхъ (декабрь 1907 года).

10. Законопроекты группы и участіе въ законодательныхъ комиссіяхъ.

Исходя изъ очерченнаго выше взгляда на законодательную работу въ Думѣ, трудовая группа, съ своей стороны, подготовила въ теченіе сессіи рядъ собственныхъ законопроектовъ.

Во главѣ ихъ стоитъ, внесенная 23 мая такъ называемая „Записка 104-хъ“ (С. о., стр. 560—562) о земельномъ устройствѣ. Въ разработкѣ ея—какъ уже указывалось,—приняли близкое участіе представители Крестьянскаго Союза, А. В. Пѣшехоновъ, Н. Ѳ. Анненскій и другіе члены группы „Русскаго Богатства“. Разсмотрѣнію ея былъ посвященъ рядъ засѣданій фракціи съ участіемъ приглашенныхъ свѣдущихъ лицъ. Какъ бы дополненіемъ къ запискѣ послужилъ проектъ учрежденія земельныхъ комитетовъ (С. о., стр. 588—589 и 672—673), послужившій предметомъ весьма оживленныхъ преній въ Думѣ*).

Далѣе, по иниціативѣ украинскихъ членовъ группы, былъ разработанъ и внесенъ въ Думу законопроектъ объ *урегулированіи труда сельско-хозяйственныхъ рабочихъ*.

При участіи членовъ юридической комиссіи, были, кромѣ того, составлены слѣдующіе законопроекты:

1. Проектъ закона объ *амнистіи*.

2. Избирательный законъ для органовъ *мѣстнаго самоуправленія*;

3. Параллельная редакція законопроекта о *неприкосновенности* личности.

и 4. Подготовлялись матеріалы для законопроекта объ *улучшеніи условій прохожденія военной службы*.

Въ основу законопроекта объ амнистіи положена была работа по этому предмету соціалъ-политическаго клуба. Особаго вниманія требовалъ при этомъ вопросъ о правѣ Госуд. Думы вносить и разсматривать законъ объ амнистіи. Юристы кадетской фракціи

*) Въ своемъ обзорѣ законодательныхъ работъ первой Думы профессоръ П. И. Новгородцевъ отмѣчаетъ, что проектъ этотъ былъ признанъ Думою непріемлемымъ (Перв. Госуд. Дума, вып. II, стр 5). Авторъ повидимому упустилъ изъ виду, что иниціаторы законопроекта, устами Аладьина (С. о., стр. 673), сами сняли его. Въ примѣчаніи къ стр. 12 той же книги профессоръ Новгородцевъ повторяетъ ту же ошибку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, перечисляя внесенные группою въ Думу законопроекты, онъ почему то совершенно опускаетъ „Записку 104-хъ“ (съ основными положеніями земельной реформы), хотя въ тоже время объ однорукой запискѣ, исходившей отъ к.-д., въ текстѣ упоминается.

Къ свѣдѣнію того же автора необходимо указать, что внесенный 8 іюня проектъ закона о землѣ за подписью 33 членовъ, проводившій идею соціализаціи земли, отнюдь не являлся законодательнымъ предположеніемъ, исходившимъ отъ *группы, какъ таковой*. Этотъ проектъ только выражалъ воззрѣнія нѣкоторыхъ ея членовъ, о чемъ предсѣдатель группы, И. В. Жилкинъ, совершенно опредѣленно въ Думѣ заявилъ съ трибуны (С. о., стр. 1148).

стояли на той точкѣ зрѣнія, что послѣ изданія 23 апрѣля 1906 года Основныхъ законовъ амнистію слѣдуетъ считать прерогативой Верховной Власти, и разработка закона объ амнистіи не можетъ входить въ кругъ вѣдѣнія Думы. Юридическая комиссія трудовой группы имѣла по этому поводу крайне характерное совѣщаніе съ командированными въ трудовую группу для объясненій юристами фракціи к.-д. гг. Набоковымъ и Петражицкимъ.

Снова съ полною яркостью выступило, что мотивы юридическіе были только почетнымъ прикрытіемъ, а въ дѣйствительности партіей к.-д. руководило опасеніе конфликта на этомъ остромъ, щепетильномъ вопросѣ. Всѣ сомнѣнія и опасенія кадетскихъ юристовъ были доложены общему собранію фракціи, которое единодушно высказалось за то, что внесеніе законопроекта объ амнистіи является не только естественнымъ правомъ, но и прямою обязанностью перваго народнаго представительства, что дальше откладывать его изъ-за соображеній тактическихъ не слѣдуетъ. Находили, что это—дѣло чести и достоинства, особенно для той части Думы, которая наиболѣе связана по своему составу и настроенію съ томящимися въ тюрьмѣ и ссылкѣ борцами за народное дѣло.

Какъ разъ наканунѣ роспуска, 8 іюля, въ помѣщеніи фракціи по Невскому пр. до 2 часовъ ночи засѣдала юридическая комиссія, чтобъ редактировать въ окончательномъ видѣ сложный и отвѣтственный законопроектъ объ амнистіи и объяснительную къ нему записку. На слѣдующій день предполагалось приступить къ собиранію подписей, а на 10 іюля была уже назначена подача законопроекта предсѣдателю Думы. Указъ о роспускѣ иначе рѣшилъ его судьбу *).

Необходимость выдвинуть въ первую очередь законодательныхъ работъ организацію *мѣстнаго самоуправленія* особенно ощущалась группою послѣ того, какъ ея предложеніе о земельныхъ комитетахъ было несочувственно встрѣчено думскимъ большинствомъ. Въ основу работъ положенъ былъ проектъ, составленный В. В. Водовозовымъ, который вообще, принималъ втеченіе всей сессіи дѣятельное участіе на законодательныхъ работахъ фракціи. Разбору проекта посвященъ былъ рядъ засѣданій какъ комитета фракціи, такъ и юридической комиссіи, а въ концѣ іюня и въ началѣ іюля нѣсколько общихъ собраній фракціи.

За составленіе законодательнаго предположенія для улучшенія *условій службы и жизни въ войскахъ* группа взялась въ виду стекавшихся къ ней заявленій изъ разныхъ военныхъ частей о

---

*) Впослѣдствіи, во время 2-й Думы, готовый законопроектъ получилъ снова движеніе и былъ оффиціально представленъ въ Госуд. Думу. Къ тому же времени соображенія перводумской трудовой фракціи нашли подкрѣпленіе какъ въ литературѣ (въ книгѣ П. И. Люблинскаго: О правѣ амнистіи, Спб. 1907, и появившихся по ея поводу отзывахъ), такъ и въ общемъ собраніи Спб. Юридическаго Общества (10 марта 1907 года).

лишеніяхъ, безправіи тяготахъ, выпадающихъ на долю военнослужащихъ, Намѣчены были лишь основные пункты новаго законопроекта. Какъ только въ печати появилось сообщеніе о предположеніи группы заняться этимъ вопросомъ, въ группу стали обращаться, какъ отдѣльные солдаты, такъ и офицеры съ предложеніемъ матеріаловъ, наблюденій и услугъ по разработкѣ этого вопроса. 9-е іюля пресѣкло по серединѣ и эту работу.

О крайне внимательномъ отношеніи группы къ законодательной работѣ, о напряженіи силъ и затратѣ большой энергіи на посильное участіе въ ней свидѣтельствуютъ также занятія членовъ группы въ думскихъ комиссіяхъ. Со стороны руководителей партіи к.-д., а тѣмъ болѣе со стороны такъ называемыхъ „умѣренныхъ“ элементовъ Думы замѣчалось на первыхъ порахъ чрезвычайно скептическое и недовѣрчивое, порою прямо враждебное, отношеніе участію трудовиковъ въ этихъ комиссіяхъ. Были попытки сократить число членовъ отъ группы, ихъ старались оттѣснять отъ вліянія на ходъ дѣлъ комиссій и т. д. Но когда пришлось, уже послѣ роспуска Думы, подводить итоги дѣятельности комиссій, взглядъ долженъ былъ совершенно измѣниться. „Въ общемъ направленіи работъ законодательныхъ комиссій,—признаютъ обозрѣватели изъ лагеря к.-д.,—принесло значительную долю пользы участіе въ нихъ представителей трудовой группы *). Сколько разъ, согласно заявленіямъ представителей трудовой группы, формулы статей законопроектовъ пересматривались снова и снова, пока комиссіи не приходили къ окончательному заключенію **).

Въ *аграрной* комиссіи изъ общаго состава 88 членовъ трудовиковъ было 25. О работахъ депутатовъ-трудовиковъ въ этой комиссіи сохранилось посмертное засвидѣтельствованіе покойнаго М. Я. Герценштейна. Со словъ покойнаго и, на основаніи ознакомленія съ матеріалами аграрной комиссіи и ея подкомиссій, проф. А. А. Кауфманъ констатируетъ ***), что представители трудовой группы, оставаясь на почвѣ своей программы, не только „не уклонялись отъ общаго строго дѣлового тона, сразу установившагося при комиссійномъ обсужденіи“, но замѣчанія ихъ „во многомъ содѣйствовали уясненію обсуждавшихся комиссіей вопросовъ и достиженію согласованныхъ рѣшеній“ (см., напр., протоколы VII и VIII засѣданій комиссіи).

Особенно цѣнны были въ этомъ отношеніи труды казанскаго депутата прис. пов. К. В. Лаврскаго (онъ же былъ однимъ изъ членовъ комиссіи 3-хъ, редактировавшей наиболѣе спорные вопросы), указанія могилевскаго депутата Ѳ. Е. Буслова, оренбург-

---

*) Первая Госуд. Дума, вып. II, стр. 15—16.

**) Тамъ же, стр. 16 (ст. проф. П. И. Новгородцева).

***) Тамъ же, вып. III, стр. 54. (Отмѣчаемъ кстати неточность, вкравшуюся у автора въ цитированіи мнѣнія деп. Бочарова (стр. 47 и 89): послѣдній никогда въ трудовой группѣ не состоялъ, а числился среди правыхъ).

скаго депутата Т. И. Сѣдельникова. По предложенію А. Ф. Аладьина было,—по свидѣтельству того же Кауфмана,—произведено „цѣлесообразное распредѣленіе подготовительной работы между подкомиссіями *), комиссія расчленила работу и образовала въ первую очередь подкомиссію для выработки плана работъ по аграрному вопросу,—подкомиссію, продолжавшую затѣмъ (подъ предсѣдательствомъ М. Я. Герценштейна) свою работу по выясненію основныхъ началъ земельной реформы; сдѣлана была попытка составить сводку общихъ положеній, извлеченныхъ изъ всѣхъ представленныхъ въ Думу земельныхъ программъ.

Кромѣ названныхъ членовъ въ составъ аграрной комиссіи отъ трудовиковъ вошли: Аникинъ, Т. Волковъ, Ворсобинъ, Враговъ, Заболотный, Зубченко, Кукановъ, Куриленко, Лопасъ, Лосевъ, Лысенко, Меркуловъ, Онацкій, П. Поповъ, Семеновъ, Субботинъ, Сѣдельниковъ, Тумбусовъ, Ульяновъ, Шапошниковъ, Штефанюкъ, Эльдархановъ.

Съ большимъ вниманіемъ трудовики отнеслись также къ комиссіи для разсмотрѣнія законопроекта *о гражданскомъ равенствѣ*. Это былъ единственный изъ законопроектовъ, разработанныхъ фракціей к.-д., подъ которымъ трудовики сочли возможнымъ присоединить и свои подписи. При установленіи—во время общихъ преній—задачъ этой комиссіи, группа стояла за то, что при выработкѣ закона необходимо упростить задачу, а не разсматривать каждую привиллегію и каждое ограниченіе въ отдѣльности (Заболотный—с. о., стр. 1098). Сословія должны быть совершенно упразднены (Локоть—с. о., стр. 1052—4). Должно быть установлено „единое званіе россійскаго гражданина со всѣми правами, свойственными гражданамъ свободнаго полноправнаго народа“ (Заболотный—с. о., стр. 1098). Въ противовѣсъ крестьянамъ справа, выступившимъ по этому поводу съ осужденіемъ женскаго равноправія, представители трудовиковъ указали на ростъ самосознанія у крестьянскихъ женщинъ и протестовали противъ „позорнаго рабства своихъ сестеръ“ (с. о., стр. 1099 и 1100). Въ образовавшуюся для вопросовъ гражданскаго равенства комиссію трудовики делегировали выдвинувшагося уже въ это время въ группѣ кубанскаго депутата В. И. Лунина, неоднократно выступавшаго отъ имени группы по вопросамъ равноправія (женскаго, еврейскаго)—С. М. Рыжкова, юристовъ Л. М. Брамсона, Я. Е. Дица, Н. И. Семенова и земскаго врача А. Андреева. Лунинъ и Рыжковъ были избраны секретарями комиссіи, и оставшіеся въ дѣлахъ комиссіи обстоятельные протоколы В. И. Лунина даютъ полное отраженіе происходившаго въ комиссіи.

Въ другихъ законодательныхъ комиссіяхъ трудовики были представлены слѣдующими лицами. Въ *бюджетную* комиссію вошли Аникинъ, Бусловъ, Жилкинъ, Корнильевъ, Куриленко, Ло-

*) Первая Госуд. Дума, вып. III, стр. 24.

коть, Червоненкисъ. Въ *финансовую*: Бондаревъ, Возовикъ, Кириленко (секретарь комиссіи), Локоть, Недоносковъ, Рыжковъ, Шапошниковъ. Въ *контрольную* (по исполненію государственной росписи): кн. Баратовъ, Враговъ, Литвиновъ, Окуневъ, Притула, Тесля, Якубсонъ. Въ *продовольственную*: И. О. Кузнецовъ, Окуневъ, Пустовойтовъ. Въ комиссію по закону о *собраніяхъ*: Лунинъ и Недоносковъ.

Главную тяжесть трудовъ по разработкѣ законопроектовъ, исходившихъ отъ группы и подготовленію матеріаловъ для всесторонняго разсмотрѣнія проектовъ, исходившихъ отъ другихъ партій, несла состоявшая при группѣ юридическая комиссія. Она приступила къ работѣ съ перваго же дня существованія Думы и интенсивно продолжала ее въ теченіе всей сессіи, засѣдая по 2 и 3 раза въ недѣлю. Кромѣ депутатовъ-юристовъ въ ней принимали постоянное участіе въ качествѣ представителя с.-д. партіи С. М. Джапаридзе, а изъ приглашенныхъ для содѣйствія группѣ столичныхъ юристовъ: Е. А. Андреевскій, Л. Н. Андронниковъ, В.Е. Афанасьевъ, М. В. Бернштамъ, В. В. Водовозовъ, Ф. А. Волькенштейнъ, А. И. Гуковскій, В. Я. Гуревичъ, В. С. Елпатьевскій, А. С. Зарудный, М. А. Кроль, М. Д. Ратнеръ и Н. Д. Соколовъ. Засѣданія комиссіи происходили открыто въ помѣщеніи фракціи и постоянно посѣщались также членами комитета фракціи и другими депутатами-трудовиками (не изъ юристовъ), и пренія принимали часто весьма оживленный характеръ, способствуя выясненію тактики группы и ея задачъ въ отношеніи законодательныхъ работъ Думы.

Кромѣ разсмотрѣнія законопроектовъ юридическая комиссія привлекалась также къ разработкѣ другихъ возникшихъ въ Думѣ юридическихъ вопросовъ. Такъ, замѣчаніями комиссіи группа воспользовалась для выступленій при разсмотрѣніи въ Думѣ наказа, при формулированіи ряда запросовъ; комиссіею было редактировано—по порученію группы—извѣстное заявленіе объ образованіи комиссіи для разслѣдованія дѣйствій должностныхъ лицъ; ею же разсматривались поступавшія въ группу съ мѣстъ просьбы о юридической помощи и т. д.

Сдѣланнаго краткаго очерка работъ группы въ области законодательства достаточно, чтобы судить, насколько неправы были въ своихъ нападкахъ на группу и лидеры к.-д., и другіе вторившіе имъ обозрѣватели, будто группа „отвергла *всякую парламентскую борьбу*, всѣ ея способы, всякую законодательную работу“ *) и что „трудовая группа въ цѣломъ не имѣла яснаго представленія о роли конституціонныхъ учрежденій, о способѣ ихъ дѣйствій... что кропотливая законодательная работа имъ казалась безцѣльной тратой

*) Перв. Госуд. Дума, вып. I, стр. 43.

времени" *). Безцѣльность чрезмѣрнаго увлеченія въ сторону „законодательствованія" группа дѣйствительно подчеркивала въ своихъ рѣчахъ, но должную дань этой формѣ думской работы группа несла съ полнымъ сознаніемъ ея необходимости.

Второстепенное же мѣсто, которое группа, несомнѣнно, отводила вопросамъ законодательства, объясняется совершенно особымъ взглядомъ группы на свои задачи въ Думѣ и связанную съ этимъ *тактику*.

11. Думская тактика и запросы.

Основною чертою, проходившею красною нитью черезъ всю *тактику* трудовой группы, было желаніе использовать думскую трибуну для обращенія къ странѣ, для воздѣйствія—„черезъ головы депутатовъ" — на чутко прислушивавшееся къ Думѣ населеніе. „Депутаты, вышедшіе изъ народа,—говоритъ Бондаревъ **)—знали непосредственно, въ какой темнотѣ держался и продолжалъ держаться народъ; какъ мѣстныя власти вырывали всякую свободу, преслѣдовали всякое свободное слово. Съ созывомъ Думы только кучка депутатовъ вдругъ оказалось свободной и неприкосновенной, и они считали своимъ прямымъ долгомъ *воспользоваться Думой „чтобъ свободное слово о правахъ*, о землѣ, о насиліяхъ надъ народомъ, *летѣло туда — въ глубь несвободной страны*, будя уснувшихъ, освѣщая тьму". Естественно было также у депутатовъ стремленіе установить при помощи думскаго слова *духовную связь между собою и широкими кругами избирателей*; высшимъ судомъ для трудовой группы былъ самъ народъ: его интересы и нужды, его сужденіе о трудахъ депутатовъ, ихъ рѣчахъ и образѣ дѣйствій—вотъ что руководило трудовиками въ направленіи своей думской дѣятельности.

Вотъ почему депутаты-трудовики вносили въ пренія по всѣмъ вопросамъ свое слово о мужицкомъ горѣ, деревенскомъ безправіи; вотъ почему они пользовались каждымъ поводомъ, чтобы освѣщать передъ страною создавшееся положеніе. Вотъ почему, наконецъ, группа такъ дорожила *правомъ запросовъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ властей* и содѣйствовала тому, что первая Дума посвятила запросамъ и разоблаченіямъ творящагося въ странѣ безправія столько времени и вниманія.

Матеріалъ для запросовъ поступалъ въ группу непрерывно: и путемъ писемъ, телеграммъ, и непосредственно, чрезъ ходоковъ. Все это были просьбы, полныя наивной вѣры во всемогущество Думы, просьбы о защитѣ, объ освобожденіи, о покараніи виновныхъ. И депутаты-трудовики предъявляли Думѣ запросы. Первый

*) Тамъ же, стр. 90.

**) С. Бонаревъ и Субботинъ, „Тактика трудовой группы и роспускъ первой Госуд. Думы", СПБ. 1907. Стр. 7.

запросъ по поводу примѣненія смертной казни былъ составленъ при участіи депутатовъ к.-д. на основаніи телеграммы, полученной въ трудовой группѣ. Второй запросъ о *смертной казни*, съ указаніемъ что военное правосудіе остается глухимъ къ голосу народной совѣсти, и съ требованіемъ „довольно казней"—исходилъ прямо отъ трудовой группы (С. о., стр. 800—801). По иниціативѣ же трудовой группы предъявленъ былъ рядъ запросовъ о высылкѣ и устраненіи стоящей близко къ народу интеллигенціи (учителей, фельдшеровъ, врачей), о насиліяхъ надъ отдѣльными крестьянами или сельскими сходами. Отъ группы исходили запросы о преслѣдованіи крестьянскаго союза, о мѣрахъ противъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, о репрессіяхъ въ отношеніи погременной печати.

Большею частью запросы подписывались совмѣстно съ другими группами. Таковъ былъ, между прочимъ, запросъ о *Бѣлостокскомъ погромѣ*,—о дѣлѣ, къ которому группа отнеслась особенно серьезно и рѣшила подойти не съ обычной мѣркой.

Какъ только былъ внесенъ запросъ о погромѣ въ Бѣлостокѣ, непосредственно послѣ двухъ докладчиковъ (Набокова и Левина), группа постановила выпустить своихъ ораторовъ: одного—крестьянина той же мѣстности, гдѣ разыгрывался погромъ, Жуковскаго, другого—знакомаго съ погромами иного района, депутата Екатеринославской губ. Рыжкова. Оба не только засвидѣтельствовали, что подобные погромы являются исключительно дѣломъ покровительствуемой свыше кѣмъ-то черной сотни, „чтобы возмутить,—по слоамъ Жуковскаго, — одну партію противъ другой", но и протестовали противъ самой мысли о возникновеніи погрома на почвѣ національной нетерпимости. „Когда мнѣ говорятъ,—заявилъ Рыжковъ (С. о., стр. 955),—что погромъ есть результатъ племенной вражды, я говорю, что это—грубая ложь". „Это клевета, злая клевета на весь русскій народъ" (С. о., стр. 956). Между крестьянами и горожанами-евреями,—говорилъ Жуковскій, (С. о., стр. 955)—„у насъ нѣтъ никакой розни, всѣ живутъ даже однимъ духомъ, всѣ одинаково угнетены". Рыжковъ обрисовалъ передъ Думой обстановку, при которой происходили погромы въ Екатеринославской губерніи, и указалъ на провокаціонную роль, которую въ этихъ погромахъ сыграли мѣстные органы власти. Сталкиваясь непосредственно съ рабочимъ людомъ въ донецкомъ промышленномъ районѣ, ораторъ на примѣрѣ своего города (Луганска), показалъ, что тамъ (С. о., стр. 956) „погромъ не принялъ ужасающихъ размѣровъ, благодаря безоружнымъ рабочимъ, которые гнали погромщиковъ подъ страхомъ быть самимъ разстрѣлянными". Согласно рѣшенію группы, Рыжковъ (С. о., стр. 956) намѣчаетъ практическій выходъ. „Намъ нужно настаивать на томъ, чтобы была назначена слѣдственная комиссія, въ которую вошли бы и представители Думы. Пусть она *на мѣстѣ* узнаетъ всю подкладку погрома"... Эту мысль развилъ дальше Аладьинъ (С. о., стр. 957): „Не нужно,—говорилъ онъ—ждать и не нужно *просить*

образовать комиссію"; онъ предложилъ командировать *немедленно* въ Бѣлостокъ делегацію изъ состава комиссіи по разслѣдованію незаконо̀мѣрныхъ дѣйствій власти. „Когда народъ вышелъ на улицу или когда льется кровь народа, — мѣсто народныхъ представителей или, по крайней мѣрѣ, ихъ делегатовъ, быть съ народомъ немедленно".

Помимо непосредственнаго значенія этой мѣры по отношенію къ погрому, группа видѣла въ ней и возможность путемъ прецедента использовать и ввести въ обиходъ серьезное право Думы— производить, путемъ делегированія своихъ членовъ, разслѣдованія на мѣстахъ. Характерно, что именно эта форма крайне смущала лидеровъ партіи к.-д. Когда до начала преній по запросу о Бѣлостокѣ имъ была предложена мысль о командировкѣ на мѣсто, они, „сочувствуя въ принципѣ", уклонились отъ выдвиганія этой мысли и въ кулуарахъ высказали рядъ тактическихъ опасеній, боялись даже возраженій въ средѣ самой Думы. Это не помѣшало впослѣдствіи руководителямъ партіи устами И. И. Петрункевича признать, что командировка бѣлостокской делегаціи „составляетъ особую заслугу" Думы и „свидѣтельствуетъ, какъ раздвигала она стѣны дворца, чтобы видѣть жизнь въ ея непосредственности, а не изъ бумажныхъ протоколовъ бюрократическихъ канцелярій" *).

Предложеніе о командировкѣ комиссіи, какъ извѣстно, было принято единогласно, и въ тотъ же день, 2-го іюля, приведено было въ исполненіе. Въ трехчленную делегацію, наряду съ двумя представителями к.-д., вошелъ и трудовикъ В. Р. Якубсонъ (одинъ изъ еврейскихъ депутатовъ Гродненской губ.). Сказанная Якубсономъ по возвращеніи рѣчь (С. о., стр. 1631—1642) дала яркое описаніе происшедшаго и произвела сильное впечатлѣніе. Въ преніяхъ по Бѣлостокскому погрому трудовики одинъ за другимъ—Николаевскій (С. о., стр. 1789—1791), Зубченко (С. о., стр. 1807), Баратовъ (С. о., стр. 1833—1836) и др.—выступали съ сообщеніями, какъ происходили погромы въ ихъ мѣстности. Трудовики собирались принять значительное участіе и въ дальнѣйшемъ освѣщеніи вопроса и только ради сокращенія преній, по соглашенію съ к.-д., сняли своихъ ораторовъ съ очереди. Резолюція, которую первоначально поддерживали трудовики, существенно отличалась отъ кадетской тѣмъ, что она рѣзче ставила обвиненіе, и въ ней указывалось на необходимость предоставить разгромляемымъ право вооруженной самообороны. Когда эта формула была отвергнута, трудовики, въ интересахъ единства, присоединились къ резолюціи, исходившей отъ думскаго центра.

Независимо отъ предъявленія отдѣльныхъ запросовъ, группа сочла необходимымъ поставить вопросъ о разслѣдованіи должностныхъ преступленій во всей широтѣ. Въ засѣданіи 25 мая группа

---

*) Первая Госуд. Дума, изд. Муханова и Набокова, Вып. I, стр. 97.

подала заявленіе предсѣдателю, въ которомъ указываетъ на вопіющее противорѣчіе въ русской жизни: съ одной стороны, дѣйствуетъ новая общественно-политическая сила—Государственная Дума, желающая установить въ странѣ право и справедливость, съ другой—продолжается работа прежней самовластной бюрократіи. Могутъ ли представители народа съ должнымъ спокойствіемъ обсуждать здѣсь законопроекты, когда за стѣнами Думы по прежнему царятъ произволъ и насиліе. Къ числу актовъ, требующихъ разслѣдованія, группа относитъ безчисленныя ссылки и аресты послѣ октября 1905 г., карательныя экспедиціи, погромы, казни. „Беззаконія—говорится въ этомъ заявленіи,—не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не будутъ преданы суду виновники ихъ. Народъ требуетъ возмездія за допущенныя злоупотребленія, за поруганную честь, за пролитую кровь". Группа предлагала поэтому для разслѣдованія преступленій, совершенныхъ должностными лицами со времени Манифеста 17-го октября образовать особую парламентскую комиссію изъ 33-хъ лицъ.

Знавшіе о готовившемся заявленіи лидеры к.-д. постарались во время смягчить и ослабить значеніе предложенной мѣры. Они „поспѣшили", какъ сами признавали потомъ въ перечнѣ своихъ заслугъ *), внести еще до подачи этого заявленія другое однородное, гдѣ говорилось только о комиссіи „для сосредоточенія въ ней всѣхъ поступающихъ въ Государственную Думу данныхъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ администраціи, для провѣрки достовѣрности подобныхъ случаевъ и принятія соотвѣтствующихъ мѣръ для привлеченія къ отвѣтственности представителей администраціи, которые окажутся виновными въ незаконныхъ дѣйствіяхъ (С. о., стр. 356). Этимъ, утѣшали себя вожди к.-д., дѣло „введено въ конституціонныя рамки" и оправдался разсчетъ, что „по разъ проложенному руслу потекутъ уже и всякія другія предложенія въ той же области, откуда бы они не исходили".

Въ составъ „комиссіи 33-хъ", или „запросной", какъ ее впослѣдствіи окрестили, отъ трудовиковъ вошли: Аладьинъ, Жигиль, Кубилисъ, Локоть, Рыжковъ, Ульяновъ, Якубсонъ. Заявленіе трудовой группы было передано въ эту комиссію, но не какъ объектъ главной, основной задачи, а какъ одна изъ „текущихъ бумагъ". Въ виду накопленія неотложныхъ запросовъ и недолгаго существованія Думы, къ осуществленію намѣченныхъ въ заявленіи разслѣдованій не могло быть приступлено.

Но картинъ произвола и насилія рѣчи думскихъ ораторовъ, и трудовиковъ въ частности, дали и безъ того достаточно. Черпая изъ непосредственныхъ наблюденій, крестьяне были неистощимы, тѣмъ болѣе, что въ составѣ группы многіе сами были жертвами погромовъ, военныхъ усмиреній, сельскихъ экзекуцій, высылокъ,

*) См. ст. М. Винавера — „Конфликты въ первой Думѣ", въ сборникѣ Уханова и Набокова, стр. 232—234.

произвольныхъ арестовъ и т. д. *). И рѣчи трудовиковъ, вовлекая въ разоблаченія депутатовъ изъ другихъ фракцій, переплетаясь съ этими рѣчами, пополняясь свѣжимъ матеріаломъ послѣднихъ дней,—разростались въ безконечный обвинительный актъ противъ власть имущихъ.

Способствуя такому направленію думской дѣятельности, трудовики, чутьемъ людей, близкихъ народу, какъ бы сознавали, что другой благодарной задачи для Думы нѣтъ. Они какъ бы оправдывали образное сравненіе талантливаго писателя, которому Таврическій дворецъ представлялся огромной фабрикой, гдѣ народные представители должны были выковать новыя основы жизни. Уже поставленъ и пущъ въ ходъ новый двигатель, но кѣмъ-то похищены приводы... Двигатель работаетъ на всѣхъ, парахъ, а въ жизни ничто не двигается въ соотвѣтствіи съ его работой... И такъ какъ правительство успѣло обезсилить русскій парламентъ, который само созвало, то „вмѣсто творческой работы, Дума стала гигантской трибуной, съ которой, какъ тревожный набатъ, раздается всенародное обличеніе того же правительства“ **). Даже И. И. Петрункевичъ, сокрушавшійся объ увлеченіи Думы въ сторону запросовъ и обвиняющій въ этомъ трудовую группу, долженъ былъ признать **) что въ „запросахъ отражалась лишь малая доля неправды, творившейся въ то время на протяженіи всей Россіи“ и „непрестанное напоминаніе о ней было и необходимо, и неизбѣжно“. Соглашается онъ и съ тѣмъ, что „въ нихъ неизмѣнно звучалъ протестующій голосъ, напоминавшій о человѣчности, о правѣ и справедливости, и единственныя стѣны, гдѣ этотъ голосъ, задушенный и молчавшій цѣлые вѣка, могъ, наконецъ, свободно раздаваться и быть услышаннымъ,—были стѣны Думы; отсюда онъ разносился по всей странѣ и поддерживалъ завѣтныя надежды народа“—и *эту задачу*,—не отрицаетъ онъ,—„*выполнила трудовая группа*“.

12. Тактика „организаціи населенія“; отраженіе крестьянскаго самосознанія и отношеніе къ парламентской техникѣ.

Но мало было вскрыть язвы стараго строя. Необходимо было призвать населеніе къ отстаиванію новыхъ формъ жизни, нужна была *организація широкихъ слоевъ населенія, мобилизація всѣхъ живыхъ силъ народа*. И депутаты-трудовики, не вѣря въ возможность добыть „землы и волю“ одними лишь бумажными резолюціями или законодательной работой, въ значительной мѣрѣ безпочвенной, неустанно подчеркивали въ своихъ рѣчахъ, что послѣднее слово при-

*) Ср. біографіи въ изданномъ т-вомъ „Возрожденіе“, при содѣйствіи группы, „Альбомъ депутатовъ Госуд. Думы“. Спб. 1906.

**) „Русск. Богат.“, май 1906 г. Ст. В. Короленко, ст. 143.

***) Сборникъ Муханова и Набокова, стр. 231.

надлежитъ *самому* народу; что одна Дума безсильна, нужна самодѣятельность и борьба за стѣнами Думы. Депутаты-трудовики говорили это на митингахъ, заявляли это въ своихъ органахъ печати, писали объ этомъ на мѣста. Группа проводила въ этомъ отношеніи тотъ лозунгъ, который шелъ изъ всѣхъ круговъ лѣвой русской интеллигенціи.

„Безплодность работъ Думы,—заявлялось съ этой стороны,—начинаетъ утомлять и раздражать наиболѣе активные элементы населенія". „Всѣ оппозиціонныя партіи Думы должны подновить свою связь со своими единомышленниками внѣ стѣнъ Думы"... „Для спокойной парламентской работы еще не настало время. Пока правительство будетъ идти старымъ путемъ... предъ представителями народа только одна задача: мобилизація всѣхъ силъ народа *).

Вотъ чѣмъ объясняется и тактика группы въ послѣдніе дни существованія Думы въ дѣлѣ объ *обращеніи къ населенію* по земельному вопросу. Группа вначалѣ охотно принялась совмѣстно съ кадетами за составленіе обращенія. Группа не только находила такое обращеніе чрезвычайно желательнымъ, въ цѣляхъ опроверженія исходившихъ отъ министерства ложныхъ сообщеній, но, въ виду создавшагося тупика и безвыходности положенія, привѣтствовала самую мысль о непосредственной апелляціи къ народу. Защищая сначала въ Думѣ эту мысль отъ нападокъ со стороны умѣренныхъ элементовъ, группа, однако, не могла остаться въ этомъ дѣлѣ до конца въ союзѣ съ к.-д. По первоначальной редакціи имѣлось въ виду только разъяснить крестьянству истинное отношеніе Думы къ земельному вопросу и изложить ходъ работъ земельной комиссіи. Но когда, по иниціативѣ И. И. Петрункевича, весь текстъ этого обращенія былъ переработанъ и заключительныя слова обращенія сводились къ просьбѣ объ успокоеніи, группа должна была воздержаться отъ голосованія такой редакціи. Группѣ послѣ этого пришлось вынести резолюцію, что настоящая Госуд. Дума не можетъ взять на себя „призыва населенія къ мирному и спокойному ожиданію окончанія работъ Думы; что, напротивъ того, Дума должна сосредоточить вокругъ себя сочувствіе всего населенія и особенно подчеркнуть свою надежду на помощь и поддержку организованнаго народа".

Руководители кадетской фракціи склонны были обвинять группу въ томъ, что ея воздержаніе отъ голосованія доказало безсиліе Думы и отсутствіе у нея единодушія, и что въ этомъ правительство почерпало силу и увѣренность для предпринятаго черезъ нѣсколько дней роспуска **). Какъ это утвержденіе, такъ и

*) „Безъ заглавія", политическій еженедѣльникъ 1906. № 1 6 (отъ 14 мая) стр. 111—112.

**) Первая Госуд. Дума, ст. „Конфликты въ 1-ой Государст. Думѣ", стр. 274.

рядъ другихъ нареканій на группу свидѣтельствуютъ о крайней односторонности и даже совершенно не понятной, въ устахъ лидеровъ к.-д., наивности. Причинъ и поводовъ для роспуска, давно ожидавшагося, было такъ много, что усматривать главный поводъ въ воздержаніи трудовиковъ можно только по логикѣ мельника изъ крыловской басни...

Установленію живого и тѣснаго общенія со страною посвящено было много вниманія со стороны группы. Группа стремилась использовать въ цѣляхъ такого общенія всѣ представлявшіяся возможности. И когда, напр., въ Думѣ обсуждался вопросъ о продовольственной помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, группа устами Галецкаго, *) Аладьина и друг. настаивала на томъ, чтобы необходимыя средства были предоставлены въ распоряженіе Думской комиссіи съ привлеченіемъ къ дѣлу мѣстныхъ организацій и общественныхъ силъ **). Тѣми же соображеніями руководилась группа, внося предложеніе о командировкѣ депутатовъ на мѣсто по поводу событій на Бѣлостокѣ, поддерживая мысль о необходимости возможно болѣе широкаго распространенія стенографическихъ отчетовъ Думы (С. о., стр. 1760 — 1765, особенно рѣчи Галецкаго).

Еще въ болѣе широкой формѣ группа предполагала осуществить мысль объ организаціи населенія путемъ немедленнаго *учрежденія земельныхъ комитетовъ*. Предполагалось, что именно такая мѣра, если ***) бы она была надлежащимъ образомъ проведена, скорѣе и прочнѣе могла бы закрѣпить связь населенія съ Думой и—выражаясь словами Бондарева—„спаять крестьянство въ прочную силу, съ которой нельзя бы не считаться“. Говоря о распыленности крестьянства, Аладьинъ доказывалъ, что именно избранные всѣмъ населеніемъ земельные комитеты дадутъ возможность сгруппировать эти силы, „вызвать ихъ изъ хаоса, въ которомъ они теперь находятся, сорганизовать ихъ, сдѣлать ихъ способными защищать свои жизненные интересы“...

---

*) Любопытно, что этотъ депутатъ, вначалѣ сессіи входившій въ составъ фракціи „к.-д.“ и сознательно раздѣлявшій ея программу, ко второй половинѣ сессіи окончательно рѣшилъ порвать съ партіей к.-д. и послѣ сношенія со своими архангельскими избирателями, перешелъ къ трудовикамъ.

**) Авторы книги „Рабочіе депутаты въ первой Госуд. Думѣ“, гг. Б—овъ и Данъ, почему-то дѣлаютъ группѣ упрекъ, что въ этомъ вопросѣ группа обнаружила „непростительную слабость“, что представители ея принимали слабое участіе въ преніяхъ, и что предложеніе кадетовъ прошло только благодаря группѣ (стр. 133) Неправильность этого упрека лучше всего доказывается стенограммами тѣхъ думскихъ засѣданій, въ которыхъ вопросъ былъ поставленъ впервые. Настойчивостью и рѣзкостью постановки вопроса отличались именно рѣчи Аладьина и Галецкаго. Въ поддержкѣ трудовиковъ для проведенія своей формулы кадеты не нуждались, ибо съ ними въ этомъ вопросѣ голосовали за одно умѣренные элементы Думы. Группа, какъ таковая, вотировала противъ кадетскаго предложенія.

***) Бондаревъ. „Тактика трудовой группы“, стр. 14.

Предложеніе о земельныхъ комитетахъ не встрѣтило сочувствія въ средѣ думскаго большинства, и это лишній разъ подчеркнуло ту грань, которая явно раздѣляла тактику представителей группы отъ поведенія к.-д.

Въ цѣляхъ привлеченія симпатій населенія къ Думѣ и сосредоточенія ея вниманія на наиболѣе остромъ вопросѣ народной жизни—земельномъ,—трудовики стояли за всестороннее его освѣщеніе въ Думѣ, а именно въ публичныхъ, гласныхъ, общихъ засѣданіяхъ всей Думы—до сдачи въ комиссію. Трудовики поэтому долго противились стремленію фракціи к.-д. поскорѣе снять этотъ вопросъ и устами своего сочлена, стараго народника, казанскаго присяжнаго повѣреннаго Лавровскаго дали мотивировку своего отношенія. „Въ деревняхъ, говорилъ Лавровскій—объ этомъ вопросѣ разговариваютъ и никогда не устаютъ слушать“ (С. о., стр. 875).

Будучи группою преимущественно крестьянскою по составу, Трудовая фракція первой Думы, естественно выносила на трибуну отраженіе *новыхъ теченій въ деревнѣ*, и въ рѣчахъ депутатовъ-крестьянъ сказывалось, прежде всего, растущее въ крестьянской средѣ самосознаніе.

По поводу исходившихъ справа заявленій о томъ, что весь вопль о малоземельи поднятъ крестьянствомъ только благодаря вліянію агитаціи лѣвыхъ партій, Окуневъ (депутатъ отъ крестьянъ Тамбовской губерніи) съ волненіемъ отвѣчаетъ съ трибуны: „до слезъ обидно за мужика, когда вдумаешься въ подобныя рѣчи,—за мужика, который чуть-лишь тысячелѣтія переносилъ на спинѣ своей все бремя паразитства кучи людей, которые жмутъ, давятъ, высасываютъ все, что можно высосать изъ захудалаго тѣла, и, въ концѣ концовъ, его же обвиняютъ въ его бѣдности. За мужика, который перенесъ на своей спинѣ бремя позорнаго крѣпостничества когда его имѣли право продавать, дарить и мѣнять на охотничьихъ собакъ, который всю свою жизнь находится подъ давленіемъ со стороны этой кучки и который считаетъ за праздникъ тотъ день, когда наѣдается досыта, и еще за большій праздникъ, когда ему приходится одѣться тепло“.

Въ томъ же духѣ говорилъ черниговскій Остроносовъ (С. о., стр. 868), рязанскій Черниковъ (С. о. стр. 990), и Шапошниковъ, надѣющійся, что крестьянство „останется въ живыхъ, прозрѣетъ и создастъ новое царство, царство правды и труда“.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій на этомъ вопросѣ остановился Сѣдельниковъ, напомнивъ, что вся роскошь, золото, бриллианты, которые крестьянскіе депутаты видѣли во дворцахъ, что всѣ огромныя столичныя зданія—откуда это явилось, если это не *ихъ, крестьянъ, труда*, не ихъ потъ, ихъ достояніе“ (С. о., стр. 28). Еще рѣзче выразилъ настроеніе сознательнаго крестьянства депутатъ отъ крестьянъ Кіевской губерніи, Зубченко: онъ не можетъ считаться со ссылкой на законы о собственности, которые,—по его

словамъ,—написаны тогда, когда люди и земли дарились направо и налѣво извѣстнымъ любимцамъ; они написаны еще во время рабства, когда людей продавали съ торговъ, какъ собственность. Намъ, крестьянамъ, страннымъ кажется,—отвѣчаетъ онъ на слова Стишинскаго,—что государственные дѣятели вмѣсто того, чтобы защищать священныя права трудящагося человѣка, стремятся поддерживать крѣпостническіе законы о земельной собственности, которые порабощаютъ человѣка и дѣлаютъ его рабомъ". Онъ не понимаетъ опасеній о паденіи культуры при фактическомъ уравненіи крестьянъ въ правахъ. Современная культура представляется ему культурою ложною: „она, говоритъ онъ, направлена прямо къ обѣдненію народа и народному упадку. Что мы видимъ на яву? Съ одной стороны, невиданная, неслыханная, непомѣрная роскошь, золоченные роскошные дворцы, съ другой—обнищавшій народъ и голодная смерть... того именно класса населенія, который своимъ трудомъ создаетъ и дворцы, и города, и желѣзныя дороги, и академіи, и университеты. И этотъ самый народъ, который все въ Россіи создаетъ, не имѣетъ для своихъ дѣтей школы. Развѣ это правильная культура? Развѣ такая культура выгодна для государства?" (С. о. стр. 987 — 988). (Ср. также рѣчь Кондрашука стр. 940—941).

Должна быть,—по словамъ Куриленко,—забота о томъ, чтобы крестьянинъ могъ *жить, какъ человѣкъ*. То, что Набоковъ опредѣлилъ исторической формулой: „власть исполнительная да подчинится власти законодательной", простой подольскій крестьянинъ-трудовикъ (Штефанкъ) выразилъ словами: „министры забываютъ, что они наши служители, исполнители нашего закона, что они отъ насъ получаютъ деньги, которыя мы, бѣдные, своимъ трудомъ добываемъ" (С. о., стр. 929).

Внося запросъ о крестьянскомъ союзѣ, давшій яркую картину мирной работы союза и жестокихъ преслѣдованій, его постигшихъ, вожди группы освѣтили во всей широтѣ вопросъ о роли крестьянства и необходимости для него широкой организаціи. „Какъ никакъ,—сказалъ Жилкинъ,—наша Россія почти вся крестьянская... На крестьянахъ держится главное могущество Россіи... Изъ крестьянъ выходитъ главная масса въ тѣ войска, которыя продолжаютъ охранять тотъ или другой строй, защищать Россію отъ внѣшнихъ враговъ. Крестьянская Россія даетъ людей во всѣ учрежденія и предпріятія. На крестьянской Россіи держится и настоящій государственный строй" (С. о., стр. 1363). Поэтому зарождающаяся въ крестьянскихъ союзахъ организація сельскаго населенія имѣетъ огромное значеніе, она заслуживаетъ только поощренія со стороны народнаго представительства.

Дополнивъ текстъ запроса яркимъ очеркомъ крестьянскихъ союзовъ, Аникинъ доказалъ, что образованіе ихъ не только не вызывало разстройства мѣстной жизни, но было лучшей гарантіей отъ тѣхъ эксцессовъ, въ видѣ поджоговъ, грабежей, съ которыми

связано было неорганизованное крестьянское движеніе въ другихъ мѣстахъ. „Почему эти господа,—спрашивалъ Аникинъ,—признаютъ союзъ крупныхъ дворянъ, который заключенъ для защиты дворянской земельной собственности? Почему они хотятъ, чтобы дворянство сохраняло въ своихъ рукахъ землю, а не хотятъ, чтобы крестьянство объединилось, чтобы добыть эти земли путемъ законнымъ?“ Возлагая всѣ свои надежды на дальнѣйшую организацію крестьянства, трудовики призывали Думу принятіемъ запроса сказать во всеуслышаніе крестьянскихъ массъ новое слово: что организація крестьянскихъ союзовъ есть одинъ изъ путей къ обновленію русской жизни (С. о., стр. 1363), что Дума сочувствуетъ его прекраснымъ высшимъ цѣлямъ, что въ такой организаціи крестьянства чувствуется нужда неотложная. Дѣлу свободы оно пойдетъ только на пользу, а на ряду съ крестьянствомъ и въ единеніи съ нимъ пусть организуются и другіе трудящіеся, и другіе классы населенія,—всѣ для борьбы за общее дѣло.

При всей неизбѣжности грядущей борьбы, исканіе *мирнаго*, безкровнаго выхода постоянно слышится въ рѣчахъ трудовиковъ-перводумцевъ. Не говоря уже о Жилкинѣ, съ первой же рѣчи заявившемъ о своемъ мирномъ настроеніи (С. о., стр. 26) и часто возвращающемся къ этой темѣ, не говоря о курскомъ депутатѣ, неизмѣнно осторожномъ Шапошниковѣ (С. о., стр. 27), даже бурный, вызывающій Аладьинъ не разъ заканчиваетъ свои рѣзкія филиппики мольбою: „пощадите нашу родину“ или заявленіями: „я пришелъ сюда, какъ и всѣ вы, со страстнымъ желаніемъ избавить мою родину отъ тяжкихъ испытаній пути революціи“ (С. о., стр. 331), „мирной работой, если только еще можно, спасти родину“ (тамъ же). „Народъ насъ послалъ,—говорилъ Заболотный,—какъ парламентеровъ, указать, что на Руси не должно быть больше войны, на Руси долженъ быть миръ (С. о., стр. 27).

Рядовые члены группы — крестьяне — выставили вдохновеннымъ выразителемъ такого настроенія тамбовскаго депутата Лосева. „Въ борьбѣ за существованіе, — съ отчаяніемъ говорилъ орловскій депутатъ Кукановъ,—черствѣютъ, грубѣютъ и ожесточаются сердца, и наша задача заключается въ томъ, чтобы если не совсѣмъ уничтожить, то свести до минимума сумму человѣческаго страданія“ (С. о., стр. 846).

Но даже наиболѣе мирно настроенные элементы группы не видѣли при создавшихся условіяхъ другого исхода, какъ непосредственная борьба народа за свои права. Такъ, скончавшійся посреди думской сессіи депутатъ симбирской губерніи Адреяновъ, неизмѣнно стоявшій за то, что надо избѣгать конфликтовъ, возражавшій противъ употребленія всякихъ сильныхъ словъ, говорилъ: „Нѣтъ, мы должны сначала испробовать всѣ мирныя средства, прося настойчиво и твердо, не роняя своего достоинства, и если наши нужды, и правовыя, и земельныя, и другія, не будутъ удовлетворены, то народъ принужденъ будетъ осуществить свои права

силою“ (С. о., стр. 46). „Если намъ,—сказалъ, послѣ цѣлаго ряда оговорокъ, умѣренный Шапошниковъ (С. о., стр. 986),—по принужденію придется уступить мѣсто, наше крестьянство вынуждено будетъ вновь поднять аграрную войну, и если прольется кровь, она падетъ на головы тѣхъ, которые во время не хотѣли одуматься“...

При общемъ взглядѣ на первую думскую аудиторію, даже съ *внѣшней стороны* нетрудно было отличить трудовую группу отъ другихъ парламентскихъ фракцій. Особенно въ тѣхъ засѣданіяхъ, на которыя являлись представители министерства Горемыкина. Считая ихъ послѣ выраженія недовѣрія „посторонними“, члены трудовой группы одно время пытались бойкотировать ихъ: при появленіи на кафедрѣ кого-либо изъ состава кабинета, трудовики подымались съ мѣстъ и шумно оставляли залу. Но послѣ того, какъ министры, вопреки единодушному настроенію думы, продолжали безсудныя казни,—такой пассивный бойкотъ представлялся недостаточно замѣтнымъ: трудовики рѣшили оставаться на мѣстахъ, но по адресу занимавшихъ кафедру министровъ неслись съ лѣваго фланга залы крики негодованія: „палачъ“, „убійца“, „погромщикъ“, „въ отставку, въ отставку“. Сурово языкъ жизни,—объясняетъ эту тактику группы Бондаревъ*),—сколько боли, страданія и негодованія накопилось въ душѣ трудового народа... Его боль и гнѣвъ принесли его депутаты, и передъ лицомъ тѣхъ, кто посылалъ въ страну насиліе и произволъ, неудержимо закипало горячее чувство и неудержимо прорывалось въ шумныхъ движеніяхъ и рѣзкомъ языкѣ, который прямо называетъ вещи ихъ именами».

Особенно бурную форму негодованіе трудовой группы получило, какъ извѣстно, въ засѣданіи 19-го іюня, когда отъ имени военнаго министерства явился для дачи отвѣта по вопросу о смертной казни главный военный прокуроръ Павловъ, завѣдомый сторонникъ этого института и рьяный исполнитель смертныхъ приговоровъ. Его закидали эпитетами „палачъ“, „убійца“, криками „долой“ и не дали даже закончить первой фразы. „Взрывъ негодованія,—объяснялъ поведеніе группы Аникинъ (С. о., стр. 1482),—вылился при появленіи на этомъ священномъ мѣстѣ человѣка, котораго вся жизнь есть кровь и убійство... Пусть же страна знаетъ, что Госуд. Дума имѣетъ своей цѣлью здѣсь рѣшать дѣла мирныя, и всякій видъ крови, и всякій видъ кроваваго, ужаснаго, что появляется здѣсь, возмущаетъ насъ, и мы при этомъ не можемъ работать“... И не лишено интереса, что такіе уравновѣшенные представители думскаго центра, какъ Кузьминъ-Караваевъ,

---

*) С. Бондаревъ и И. Субботинъ — „Тактика трудовой группы и роспускъ первой Госуд. Думы“. Спб. 1907. Стр. 6.

Петражицкій и Винаверъ, тогда же признали, что они вполнѣ понимаютъ это негодованіе и ту форму, въ которую оно вылилось (С. о., стр. 1482—1483).

Печать того времени правильно подмѣтила, что „когда говорятъ трудовики, они менѣе всего учитываютъ реальныя отношенія силъ самой Думы и поневолѣ должны оказаться въ коллизіи съ остальной частью Думы. Всѣ они,—какъ справедливо указывалось *), — „говорятъ не этимъ скамьямъ, не тѣмъ хорамъ, не тѣмъ ложамъ справа и слѣва, а говорятъ они туда, въ глубину страны, которая шлетъ имъ наказы и телеграммы, загорѣлыхъ и запыленныхъ ходоковъ, и учитываютъ они реальныя отношенія силъ только тамъ, въ глубинѣ полей, степей, лѣсовъ".

Такимъ пониманіемъ положенія объясняется и столь смущавшая корректныхъ парламентаріевъ терминологія. „Изъ того, что поля, степи и лѣса, пославшія трудовиковъ, никогда не втягивались въ процессъ сотрудничества съ правительствомъ, всегда были только объектомъ воздѣйствія—вытекали и большая освобожденность мысли, и меньшая связанность методовъ, которыя проявила трудовая группа **).

Въ настоящее время, когда въ смыслѣ рѣзкости формы парламентаріями типа Пуришкевича и Маркова 2-го уже побиты всѣ рекорды, на вопросѣ объ эксцессахъ трудовиковъ первой Думы въ способахъ выраженія останавливаться не приходится. Въ этомъ отношеніи самыя грозныя филиппики Аладьина, суровыя изобличенія Аникина и раздававшіяся съ лѣвыхъ скамей восклицанія кажутся теперь блѣдными, — но въ свое время на нихъ тыкали пальцемъ, и даже коллеги по Думѣ, товарищи по группѣ ворчали, что негодованіе часто „принимаетъ слишкомъ грубыя формы". Однако, для полной объективности, судить о стилѣ рѣчей слѣдовало бы какъ въ сравненіи съ парламентами другихъ странъ, такъ и въ сопоставленіи со всей обстановкой, среди которой жила и работала первая Дума. Обстановка эта, — какъ признаетъ одинъ изъ самыхъ строгихъ критиковъ группы,— „не располагала ни къ равновѣсію, ни къ спокойствію, ни къ парламентской учтивости" ***).

Ставя во главу угла агитаціонное и организаціонное значеніе своихъ рѣчей и не вѣря въ возможность длительнаго законодательствованія въ этой Думѣ, группа не могла, конечно, придавать *парламентской техникѣ* того значенія, какое удѣляли ей депутаты думскаго центра и представители умѣренныхъ группъ.

Пренія по вопросамъ наказа не привлекали поэтому особаго вниманія со стороны группы. Представители ея стремились только,

---

*) „Русск. Бог." 1906, іюль, стр. 108 (ст. С. Я. Елпатьевскаго).
**) Тамъ же.
***) „Первая Государственная Дума", изд. Муханова и Набокова, стр. 117.

при обсужденіи наказа, отстаивать свободу слова отъ чрезмѣрнаго увлеченія „чистыхъ парламентаріевъ“ соображеніями техники и стройности; охранять права меньшинства, права отдѣльныхъ депутатовъ и, по возможности, упрощать парламентскую процедуру.

Они отстаивали большую свободу комиссій по повѣркѣ выборовъ безъ вмѣшательства думскаго президіума (С. о., 259—260); возставали противъ преждевременнаго ограниченія законодательной иниціативы для тѣхъ депутатовъ, чьи права провѣряются (С. о., стр. 268).

Не желая осложнять ненужными формальностями процессъ внесенія новыхъ законопроектовъ, группа голосовала противъ созданія особой „комиссіи о законодательныхъ предложеніяхъ“, какъ ненужнаго тормаза (С. о., стр. 767).

Трудовая группа высказывалась также противъ предложеній, шедшихъ въ изобиліи изъ „комиссіи 19-ти“ и направленныхъ къ сглаживанію думскихъ разногласій, къ нивеллированію думскихъ настроеній. Такое стремленіе часто поддерживалось и кадетской фракціей. Съ одной стороны, кадеты придавали особое значеніе возможно болѣе частому демонстрированію думскаго единства даже въ вопросахъ совершенно второстепеннаго свойства. Съ другой, не въ интересахъ господствующей фракціи, а тѣмъ болѣе ихъ друзей справа (умѣренныхъ группъ разнаго типа), было дать проявиться вновь нарождавшейся парламентской фракціи, быстро пріобрѣтавшей симпатіи въ странѣ, но еще недостаточно спаявшейся, недостаточно окрѣпшей. Этимъ объясняется, почему руководители фракціи к.-д. долгое время не соглашались приступить къ распредѣленію мѣстъ по партіямъ, на чемъ со дня открытія Думы настаивалъ комитетъ группы. Члены комитета желали тѣснѣе сплотить группу, облегчить возможность болѣе удобнаго общенія при необходимости часто на мѣстѣ, во время думскаго засѣданія, принимать рѣшенія. Только въ концѣ мая группа добилась спеціальнаго собранія депутатовъ, на которомъ проведено было рѣшеніе о новой разсадкѣ, и лишь въ первыхъ числахъ іюня группа водворилась на лѣвомъ флангѣ залы, имѣя своихъ лидеровъ посрединѣ, —а съ тѣхъ поръ какъ голосованія группы, такъ и всѣ ея выступленія происходили значительно стройнѣе и дружнѣе.

Къ распыленію и ослабленію группы могло привести также другое предложеніе исходившее отъ „комиссіи 19-ти“, объ избраніи комиссій не по выбору фракцій, какъ происходило до сихъ поръ, а по отдѣламъ, на которое механически была разбита вся Дума.

Трудовики, въ лицѣ Аникина, Жилкина, Локотя и др., рѣзко возставали противъ выборовъ, которые будутъ „основаны на совершенно случайныхъ ячейкахъ“ (С. о., стр. 537). На это указывалъ уже въ комиссіи Кутомановъ — представитель трудовиковъ. Заботу о безпартійности они находили совершенно ненужною для Думы. Вѣдь со стороны враждебныхъ народу силъ стремились къ тому, „чтобы сдѣлать всю Россію безпартійною, сдѣлать всю Рос-

сію безцвѣтной сѣрой массой". Жилкинъ находилъ поэтому, что необходимо знать въ полномъ освѣщеніи, какъ всякая партія и всякое отдѣльное лицо желаетъ служить родинѣ; необходимо *вполнѣ раскрыть свои желанія*. Пусть и правые, если они искренни, не скрываютъ своихъ взглядовъ. Не въ томъ наша задача, чтобы скрывать, затушевывать наши мнѣнія, а наоборотъ, наиболѣе ярко и сильно выражать ихъ, потому что каждый изъ насъ желаетъ двинуть страну впередъ, двинуть тѣмъ способомъ, какой онъ считаетъ самымъ лучшимъ" (С. о., 537 и 775).

Отводя второстепенное мѣсто вопросамъ парламентскаго производства, группа не уклонялась отъ участія въ работахъ распорядительнаго свойства. Въ комиссіи по *наказу* (такъ назыв. комиссію 19-ти) изъ числа трудовиковъ засѣдали Кутомановъ, Назаренко, Пустовойтовъ, Семеновъ. Въ комиссіи *по разбору корреспонденціи*, поступающей на имя Госуд. Думы, усердно работали Гудилинъ, Лебедевъ, Тесля, Червоненкисъ; въ *библіотечной* комиссіи Субботинъ; въ комиссіи по *распространенію стенографическихъ отчетовъ*—Бусловъ и Литвиновъ.

Когда возникло предположеніе объ участіи въ междупарламентской конференціи по вопросамъ международнаго мира въ Лондонѣ, группа привѣтствовала эту мысль и делегировала для этой цѣли въ составъ думской делегаціи Аладьина.

Въ *распорядительной* комиссіи состояли: Дитцъ, Локоть, Назаренко, Окуневъ, Онипко, Пустовойтовъ, причемъ первый изъ нихъ (Дитцъ) вошелъ въ 3-членный распорядительный комитетъ и принималъ участіе въ комиссіи по пріему помѣщеній для Госуд. Думы.

Когда зашла рѣчь о завѣдываніи зданіемъ Госуд. Думы и со стороны одной изъ комиссій поступило предложеніе назначить депутатамъ-распорядителямъ спеціальный окладъ жалованья, трудовики энергично выступили противъ такой постановки дѣла и настаивали, что „къ тратѣ народныхъ денегъ, какъ бы ни была, повидимому, мала эта трата, необходимо отнестись съ экономіей (Бондаревъ—С. о., стр. 1376—1377, Баратовъ—стр. 1385, Червоненкисъ—стр. 1386), что нежелательно вообще создавать подобный прецедентъ и вводить въ обиходъ думской жизни бюрократическое начало. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они считали невозможнымъ принять исходившее отъ части кадетъ предложеніе о томъ, чтобы депутаты, исполняющіе въ каникулярное время особыя обязанности, даже и суточныхъ не получали: такое предложеніе привело бы къ тому, что эти функціи могли бы перенять на себя только люди съ достаткомъ.

Особенно чутко группа относилась къ тому, чтобы изъ-за соображеній формальныхъ или парламентско-техническихъ не замедлялась текущая работа Думы. Выше указывалось уже на выступленія группы въ этомъ смыслѣ. Трудовики стояли за то, чтобы Дума, въ случаѣ надобности, работала и въ праздничные дни (С. о.,

стр. 536). Какъ только на очереди были вопросы особой важности, къ которымъ прислушивалась вся страна, трудовики вносили предложеніе о непрерывности засѣданія, о срочности обсужденія. Такъ, по предложенію Аникина, засѣданіе, въ которомъ долженъ былъ обсуждаться законопроектъ о смертной казни, рѣшено было продолжать до тѣхъ поръ, пока не будетъ принятъ Думой во всѣхъ трехъ чтеніяхъ (с. о., стр. 1482). Такое же предложеніе они вносили при разсмотрѣніи обращенія по земельному вопросу (С. о., стр. 1978—1979).

Они чувствовали на себѣ лихорадочное нетерпѣніе, слышали напряженное дыханіе страны и не желали терять ни минуты времени въ этой Думѣ, дни которой — по общему ихъ убѣжденію — были съ самаго начала сочтены.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшей судьбѣ группы въ дни роспуска Думы и въ послѣдующій періодъ, остановимся еще на *составѣ* группы, ея *организаціи* и *внѣдумской работѣ*.

13. Составъ группы и ея организація.

Ко времени второй половины существованія Думы окончательно опредѣлился составъ трудовой фракціи.

По цифровымъ свѣдѣніямъ, сгруппированнымъ въ статьѣ депутата I Думы (к.-д.) Н. А. Бородина*), среди общаго числа 448 депутатовъ, — о которыхъ имѣлись подробныя данныя въ серединѣ мая — къ трудовой группѣ причисляло себя 107 человѣкъ, т. е. 23,8%—около одной четверти общаго состава Думы. Сверхъ того, 9 человѣкъ (преимущественно изъ безпартійныхъ крестьянъ) считали себя близкими къ трудовой группѣ, *примыкающими* къ ней.

Н. А. Бородинъ, анализируя показанія, данныя о себѣ депутатами-трудовиками въ вопросныхъ листахъ, хочетъ видѣть въ трудовой группѣ временный союзъ или блокъ многихъ партій и, въ подтвержденіе такого взгляда, тщательно подсчитываетъ, сколько человѣкъ назвало себя внѣпартійными соціалистами, сколько близкими къ с.-р. и с.-д., сколько—радикалами, сколько—ближе къ к.-д. или лѣвѣе к.-д. Цифры эти, однако, едва ли подтверждаютъ выводъ автора. По его же подсчетамъ выходитъ, что почти половина вступившихъ въ группу (48) не считали даже возможнымъ какъ-либо иначе обозначить свое политическое направленіе, какъ именно тѣмъ, что считали себя „трудовиками“. А если изъ второй половины отдѣльные члены въ серединѣ мая, когда группа еще только формировалась, называли себя „лѣвѣе к.-д.“, „ближе къ к.-д.“, „автономистами“, „свободомыслящими“, тяготѣющими

*) Первая Госуд. Дума, вып. I, стр. 8 и слѣд.; вошло также въ отд. брошюру автора „Первая Госуд. Дума въ цифрахъ“, изд. т-ва „Общества Польза“, СПБ. 1907 г.

къ с.-р. или с.-д. и т. д., — то все это характеризуетъ только процессъ образованія группы, происходившія въ ней наслоенія. Но все это отнюдь не указываетъ ни на какой то союзный составъ группы, ни на объединеніе въ ней разныхъ партій. Самъ же авторъ признаетъ, что, несмотря на такую смѣсь людей изъ разныхъ партій и теченій, группа имѣла, несомнѣнно *свою особую физіономію, не поддающуюся учету цифрами.* Но эту физіономію, по его мнѣнію, создали только лидеры группы — люди вполнѣ партійные и цѣльные, хотя, — прибавляетъ онъ, — „и не одинаковаго міросозерцанія". Такое упрощенное, довольно однако распространенное воззрѣніе на группу опровергается данными того же изслѣдователя и фактами изъ жизни группы въ періодъ первой Думы.

По мѣрѣ того, какъ группа вырабатывала свою тактику, самоопредѣлялась на выступленіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ, — составъ ея видоизмѣнялся. Съ образованіемъ въ Думѣ фракціи с.-д., отъ группы отошла часть рабочихъ; нѣкоторыя рѣзкія тактическія выступленія отвлекли отъ нея нерѣшительные элементы, такъ называемыхъ безпартійныхъ крестьянъ; съ другой стороны, входили въ нее вновь прибывавшіе изъ дальнихъ губерній или не находившіе удовлетворенія въ рядахъ к.-д. болѣе лѣвые элементы, какъ деп. Галецкій (одно время также Крюковъ, депутатъ Донской обл.). Ряды тѣснѣе смыкались, и указываемая въ томъ же изслѣдованіи цифра 96 трудовиковъ, насчитанныхъ къ 26-му іюня (послѣ отъѣзда тамбовскихъ крестьянъ), хотя и представляетъ уменьшеніе въ численномъ отношеніи, но группа въ этотъ моментъ представляла изъ себя нѣчто болѣе однородное.

Авторъ названной брошюры, во всякомъ случаѣ, ближе къ истинѣ, когда, говоря о борьбѣ разныхъ теченій въ группѣ, отмѣчаетъ, что къ серединѣ думской сессіи въ группѣ взяло верхъ теченіе „опиравшееся на крестьянскій союзъ", выдвигавшее въ первую очередь земельный и крестьянскій вопросы и, — какъ выразился авторъ, — „придававшее особый отпечатокъ соціалъ-народничества всей группѣ" *).

Въ составъ группы дѣйствительно входили лица, разно понимавшія тактику Думы въ отношеніи того или иного событія, различавшіяся даже по нѣкоторымъ частностямъ программы (особенно земельной), люди разныхъ темпераментовъ, различной импульсивности. Но въ самые серьезные моменты думской жизни все это объединялось, шло сплоченными рядами. Во время второй половины сессіи, за исключеніемъ немногихъ голосованій сравнительно второстепеннаго значенія, случаи нарушенія дисциплины стали крайне рѣдкими. По этому поводу приходится отмѣтить печальную особенность тактики кадетовъ по отношенію къ группѣ: даже наиболѣе серьезные, отвѣтственные изъ нихъ охотно и легко подхва-

*) Первая Госуд. Дума, выпускъ I-й, стр. 26, или Бородинъ: «Первая Госуд. Дума въ цифрахъ», СПБ. 1907.

тывали слухи о расколѣ внутри группы, объ отступленіяхъ отъ дисциплины въ средѣ едва слагавшейся организаціи. Они же раздували эти слухи и потомъ говорили о нихъ, какъ о чемъ-то достовѣрномъ и непреложномъ.

Такъ, легенду о какомъ-то рѣшительномъ расколѣ внутри группы, о томъ, будто группа постепенно теряла своихъ членовъ и къ концу думской сессіи „сократилась на цѣлую треть"; повторяетъ въ своей статьѣ о первой Думѣ главный лидеръ фракціи к.-д. И. И. Петрункевичъ *). Онъ счелъ даже возможнымъ сообщить на Гельсингфорскомъ съѣздѣ партіи народной свободы, что изъ трудовой группы выдѣлилась особая крестьянская партія въ 40 человѣкъ. И, несмотря на заявленное ему отъ имени комитета группы опроверженіе этого факта, далъ этому слуху мѣсто и въ статьѣ для сборника о I Думѣ **).

Вслѣдъ за кадетами эту легенду повторяли и лѣтописцы первой Думы изъ лагеря с.-д. ***). Какъ выяснилось впослѣдствіи, почтенный лидеръ к.-д. почерпнулъ свои свѣдѣнія у депутата Назаренко, носившагося въ теченіе второй половины думской сессіи съ планами объ образованіи своей „крестьянской" партіи, агитировавшаго въ этомъ смыслѣ среди входившихъ въ группу крестьянскихъ депутатовъ, но совершенно безуспѣшно. Самъ онъ въ жизни группы особой роли не игралъ, своими симпатіями тяготѣлъ къ партіи демократическихъ реформъ, а ко времени суда по выборгскому воззванію оффиціально перешелъ въ партію народной свободы.

Параллельно съ агитаціей Назаренко, желаніе тѣснѣе сплотить умѣренные крестьянскіе элементы трудовой группы замѣчалось также у другихъ депутатовъ. Но усилія этой части депутатовъ трудовиковъ не шли далѣе стремленія расширить *внутри самой группы* кругъ сторонниковъ своего направленія, усилить по текущимъ тактическимъ вопросамъ оппозицію противъ тактики лидеровъ и ихъ „ядра" ****). Такого взгляда держались Шапошниковъ, Кутемановъ, Бусловъ, отчасти Рыжковъ, Семеновъ. Но эти усилія отнюдь не клонились ни къ отпаденію отъ группы, ни къ образованію какой-либо новой партіи. Были въ концѣ сессіи и попытки объединить непартійные крестьянскіе элементы, то присоединявшіеся къ трудовой группѣ, то отъ нея отходившіе (напримѣръ, часть крестьянскихъ депутатовъ губерній Орловской, Подольской, Рязанской); объ одномъ изъ такихъ собраній сообщаетъ

*) Первая Госуд. Дума изд. А. Муханова и В. Набокова. СПБ. 1907. Вып. I-й стр. 43.

**) Первая Госуд. Дума изд. А. Муханова и В. Набокова. СПБ. 1907. Вып. I-й стр. 43.

***) Данъ и Б-въ „Рабочіе въ первой Думѣ" СПБ. 1907.

****) „Ядромъ" назывался кружокъ членовъ группы, раздѣлявшихъ воззрѣнія на думскую тактику, которыя проводились С. В. Аникинымъ, И. В. Жилкинымъ, С. И. Бондаревымъ и др. „Ядро" имѣло свои особыя совѣщанія.

въ своей думской рѣчи деп. Николаевскій. Но и эти попытки,— какъ опредѣленно разъясняли потомъ свою задачу иниціаторы, правовѣрные трудовики, — отнюдь не обозначали отдѣленія отъ главной группы, а скорѣе имѣли конечною цѣлью расширеніе круга ея вліянія.

Единство въ общемъ настроеніи, царившее среди группы, ярко подтвердилось въ послѣдніе тревожные дни Думы. Группа дружно голосовала и по вопросу объ обращеніи къ народу, и по резолюціи о Бѣлостокскомъ погромѣ, была единой въ дни Выборгскаго воззванія. Участники группы, болѣе чѣмъ члены всѣхъ другихъ фракцій Думы, сохранили между собою связи послѣ Думы; такими они являлись и на съѣзды трудовиковъ въ 1906 и 1907 годахъ, и на процессы по выборгскому воззванію 1907 — 1908 г., на послѣдующія конференціи группы.

Такое единство тѣмъ болѣе характерно, что по своему соціальному составу члены группы представляли элементы весьма разнородные, особенно въ отношеніи *профессій*. Наряду съ 42 *) крестьянами - земледѣльцами (39,2% общаго состава группы въ срединѣ мая) и 19 крестьянами-рабочими, тутъ были служащіе въ земскихъ, другихъ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (15), адвокаты (8), учителя (10), врачи (3), литераторы, техники, были торговцы и промышленники (4), былъ 1 профессоръ и 1 землевладѣлецъ.

Рѣзки были различія и по *образованію*: 12 человѣкъ въ составѣ группы были съ высшимъ образованіемъ, 14—со среднимъ, 52—съ низшимъ, 28—съ домашнимъ и 1 безграмотный. Соотвѣтственно съ тѣмъ и значительное различіе въ прежнихъ заработкахъ: отъ 60 руб. въ годъ у сельскаго рабочаго, средній заработокъ подымается до 500—700 р. въ годъ у крестьянъ-хозяевъ, до 1.000 р. у земскихъ служащихъ, до 2—4.000 руб. у врачей, адвокатовъ, литераторовъ.

Сравнительно съ другими фракціями выдѣлялись и различія по *возрастному* составу: это была относительно самая молодая группа парламента. Шестая часть группы (18 человѣкъ) была въ возрастѣ менѣе 30 лѣтъ, почти столько же имѣли отъ роду 40 до 60 лѣтъ, остальные 30—40 (средній возрастъ 35 противъ 41 у кадетъ).

Замѣтное разнообразіе представляла группа *по своему племенному составу*. Наряду съ великороссами, составлявшими болѣе

*) Общее число лицъ крестьянскаго происхожденія, входившихъ въ группу къ срединѣ мая было 87 изъ 107, т.-е. 81,3%. И группа не безъ основанія могла себя считать крестьянскою по преимуществу. Изъ другихъ сословій было 9 мѣщанскаго (8,4%) и около 10% принадлежащихъ къ прочимъ сословіямъ.

Любопытно также отмѣтить, что, по даннымъ произведенной анкеты, изъ общаго числа 107 членовъ 68 (3/5) оказались избранными исключительно крестьянскими избирателями.

половины группы, въ нее вошло значительное число малороссовъ, одно время даже образовавшихъ внутри нея трудовую украинскую фракцію. Далѣе, въ ней представлены были бѣлоруссы, вотяки, чуваши, мордва (къ числу ихъ принадлежали Аникинъ, Ульяновъ), имѣлись депутаты отъ литовцевъ (Лопасъ, Кубилисъ, одно время Александровичъ), поляковъ (Жуковскій, одно время Готовецкій), евреевъ (Брамсонъ, Червоненкисъ, Якубсонъ), татаръ *) (Абрамовъ, Бадамшинъ), нѣмцевъ-колонистовъ (Дитцъ).

Къ началу іюня болѣе или менѣе намѣтилась и *организація* группы, а также сложилась ея внѣдумская дѣятельность.

Для установленія вполнѣ опредѣленнаго признака принадлежности къ группѣ, при фракціи былъ заведенъ особый списокъ, въ который собственноручно записывали себя первые 90 членовъ группы. Затѣмъ, новые члены вносились не иначе, какъ съ согласія комитета фракціи. Согласно проекту устава, „дѣятельность группы опредѣлялась общимъ собраніемъ группы“ (§ 2); исполнительнымъ органомъ является комитетъ изъ 8 лицъ по выбору общаго собранія (§ 4). Члены группы, нарушившіе программу или уставъ группы, могутъ быть исключены по постановленію общаго собранія (§ 7). Общія собранія могутъ, помимо комитета, быть созваны по желанію 10 членовъ группы. Рѣшенія общихъ собраній считаются обязательными для всѣхъ членовъ группы. Въ уставѣ предусматривалось также участіе какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и въ комиссіяхъ приглашенныхъ комитетомъ свѣдущихъ лицъ.

По установившемуся въ группѣ обычаю, для предсѣдательствованія и веденія протоколовъ въ общемъ собраніи избирались всякій разъ особыя лица, но не исключалась возможность предсѣдательствованія лицъ изъ состава комитета, также по избранію собранія. Большею частью въ общихъ собраніяхъ перваго періода предсѣдательствовали Аладьинъ, Жилкинъ, Борисовъ, во второй періодъ—Жилкинъ, Бондаревъ, Семеновъ, а въ послѣдній періодъ почти неизмѣнно руководилъ собраніями—Лунинъ.

Уставомъ предполагалось также опредѣлить, по постановленію общаго собранія, еженедѣльные взносы на наемъ помѣщенія для клуба и другіе расходы по фракціи. Къ серединѣ сессіи расходы эти значительно возросли, и первоначальныхъ взносовъ со стороны представителей крестьянскаго союза на это дѣло и пожертвованій, поступавшихъ чрезъ отдѣльныхъ членовъ фракціи, уже оказывалось недостаточно. Вокругъ группы и въ самой группѣ шла обширная работа и помимо очередныхъ думскихъ дѣлъ.

---

*) Вопреки основанному, повидимому, на ошибкѣ увѣренію Н. А. Бородина о полномъ отсутствіи въ группѣ мусульманъ.

14. Обращенія къ группѣ, наказы и приговоры.

Со дня возникновенія группы, съ момента первыхъ выступленій депутатовъ-трудовиковъ въ Думѣ, въ группу посыпались обращенія отъ населенія въ самыхъ различныхъ формахъ.

Количество приговоровъ, наказовъ, телеграммъ, резолюцій и прочей корреспонденціи, направлявшейся въ группу, было крайне значительно и совершенно несравнимо съ корреспонденціею, получавшейся по адресу другихъ группъ*).

Однихъ лишь приговоровъ и наказовъ отъ сельскихъ обществъ поступило, по подсчету, сдѣланному къ 8-му іюля, 353 зарегистрованныхъ и около 50 незаписанныхъ въ реестръ, въ общемъ свыше 400 изъ 50 губерній, съ общимъ числомъ подписей 44.826, преимущественно крестьянъ-домохозяевъ, управомоченныхъ участниковъ сельскихъ сходовъ. Нѣкоторые изъ сходовъ были крайне многолюдны, и число участниковъ доходило до 1010 чел. (с. Водяное, Мелитоп. у.). Большое число такихъ приговоровъ поступило не только отъ губерній, давшихъ значительное число депутатовъ-трудовиковъ, вродѣ Саратовской (77 приговоровъ), Вятской (36), но и отъ губерній со сравнительно болѣе умѣреннымъ представительствомъ (Орловская, Харьковская, Самарская).

Общее количество телеграммъ, писемъ и заявленій, исходившихъ отъ другихъ крестьянскихъ организацій, а также мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ, городскихъ митинговъ, рабочихъ группъ и т. п., составило около 1.500 обращеній. Если присоединить сюда приведенное выше число приговоровъ и очередную корреспонденцію, не попавшую въ архивъ и забранную въ дни ликвидаціи Думы, то общее число обращеній въ думскую группу за 2½ мѣсяца ея существованія было не менѣе 2.000.

Въ архивныхъ матеріалахъ бывшихъ депутатовъ сохранилась довольно значительная коллекція какъ крестьянскихъ приговоровъ, такъ и другихъ обращенныхъ къ группѣ документовъ. Ознакомленіе съ этими документами по прошествіи многихъ лѣтъ,—когда оцѣнку ихъ приходится дѣлать при совершенно иныхъ условіяхъ,—чрезвычайно поучительно. Они даютъ яркую картину не только того захватывающаго интереса, съ какимъ населеніе въ разныхъ слояхъ относилось къ первой Думѣ вообще, но широко отражаютъ и необычайное разнообразіе тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя народъ особо и сугубо возлагалъ на трудовую группу.

Эти документы даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ характерный матеріалъ для опроверженія ходячихъ обвиненій, будто получавшіеся

*) Любопытно, что когда отъ сельскихъ обществъ отправлялись наказы депутатамъ другихъ фракцій то одновременно копія посылалась и въ трудовую группу, особенно если наказъ шелъ изъ губерніи, не имѣвшей въ составѣ своихъ депутатовъ ни одного трудовика (такъ было, напр., съ наказами Нижегор. и Рязанск. губ.).

трудовою группою крестьянскіе приговоры — не настоящіе, будто они фабриковались на мѣстахъ революціонными партіями или писались подъ диктовку самихъ депутатовъ*) Достаточно бѣглаго просмотра груды этихъ наказовъ, разнородныхъ по формѣ и содержанію, своеобразныхъ по стилю, въ значительной мѣрѣ слабограмотныхъ, а порою совершенно неграмотныхъ, при томъ очень часто имѣющихъ совершенно частный, мѣстный колоритъ, — чтобы убѣдиться въ противоположномъ. Невозможно, конечно, совершенно отрицать вліянія партій на этотъ приливъ заявленій. Но воздѣйствіе партій сказалось не въ самомъ фактѣ составленія приговоровъ и направленія ихъ въ Думу, а скорѣе въ томъ, что подъ вліяніемъ дѣятельности партійныхъ работниковъ на мѣстахъ, повидимому, росло сознаніе населенія, являлась смѣлость мысли, накопился запасъ слышанныхъ и усвоенныхъ формулъ (о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ, о свободѣ собраній, союзовъ, о способахъ разрѣшенія земельнаго вопроса и т. п.). Все это попадало, конечно, во многіе приговоры какъ составная часть,—но тѣмъ любопытнѣе, что даже содержащіе эти общія мѣста приговоры рѣзко отличаются другъ отъ друга; одни—общимъ построеніемъ; другіе—частными выводами, третьи —тономъ, языкомъ.

Наряду съ наказами, властно предписывающими скорѣе „переходить отъ словъ къ дѣлу“ (с. Горюши, Хвалынск. у., Сарат. г.), „смѣло требовать у правительства“, „поддержать всѣ крестьянскія требованія, не щадя даже своей жизни“ (приговоръ с. Ракитина, Курск. губ.), „не возьмемъ обглоданной кости, сила не выторговываетъ, сила береть“ (изъ Балашова),—идутъ обращенія, выраженныя въ робкой, просительной формѣ, призывающія на депутатовъ-трудовиковъ „благословеніе Божіе“ (дер. Терсы, Вольскаго у, Сарат. губ.). „Просимъ Всевышняго,—гласитъ приговоръ изъ Кирѣевской вол., Слободск. у., Вятск. г.,—помочь вамъ въ сей трудной работѣ“. Самыя обращенія свои многіе называютъ „челобитными“. Въ рядѣ приговоровъ говорится о борьбѣ со всѣмъ существующимъ строемъ, о необходимости предоставить власть народнымъ представителямъ, о созывѣ учредительнаго собранія; въ другихъ проводятся чисто монархическія ноты: сельскіе сходы надѣются, что депутатамъ поможетъ „милость Монарха“; кіевскіе маслотровые кончаютъ свое обращеніе словами: „да здравствуетъ Государственная Дума, Царь и правда“.

Приговоръ с. Богоявленскаго, Тамбовской губ., чтобы подчеркнуть благонамѣренность его авторовъ, даже озаглавленъ „отъ мирныхъ крестьянъ, не участвовавшихъ ни въ погромахъ, ни въ забастовкахъ“. Попадаются просьбы принять на себя ходатайство

---

*) Ср. Н. П. Васильевъ. „Правда о кадетахъ“, Спб. 1907 (типографія А. С. Суворина), стр. 71.

предъ правительствомъ о помощи пострадавшимъ отъ стихійныхъ бѣдствій (дер. Индерка, Кузнецкаго у., Саратовской губ.).

Увѣренные въ правомѣрности своего обращенія къ трудовой группѣ, нѣкоторые пытались отправлять свои приговоры черезъ земскихъ начальниковъ (наприм., изъ Казачкинской вол., Балаш. у., Саратовской губ.), снабжали ихъ надлежащими печатями и подписями сельскихъ или волостныхъ должностныхъ лицъ, отправляли (напр. изъ Глазовскаго уѣзда, Вятской губ.) при препроводительныхъ бумагахъ волостныхъ правленій за исходящимъ №, устанавливали въ приговорахъ законный составъ сходовъ.

Въ формулировкѣ требованій далеко не царствуетъ трафаретъ. Какъ бы отдавая дань времени заявленіями объ общей организаціи центральнаго управленія, о свободахъ, о равенствѣ, подчиненіи министровъ волѣ народной, каждый приговоръ охотно останавливается на нуждахъ болѣе знакомаго его авторамъ мѣстнаго управленія: „уничтожить земскихъ начальниковъ и волостные суды“, „убрать стражниковъ“, „положить жалованье отъ казны духовенству, запретивъ ему произвольные поборы“, „устроить безплатное образованіе“. Имѣются приговоры съ требованіями „строгихъ наказаній конокрадамъ“.

Группы безземельныхъ крестьянъ просятъ поскорѣе устроить ихъ судьбу. Чрезвычайно любопытны попадающіяся въ цѣломъ рядѣ обращенія, требовавшія отвѣта на волновавшій въ то время крестьянъ вопросъ: покупать ли землю у Крестьянскаго Банка или уже не стоитъ (телегр. изъ с. Николаевки, Сердобск. у., Аткарска, Вольска). Крестьянскія общества, уже купившія землю и выплачивавшія ссуду, интересуются знать: какъ быть, если нечѣмъ дальше платить (изъ дер. Кіево-Николаевки). Попадаются запросы о томъ, давать ли помѣщикамъ $^1/_2$ скупщины или $^1/_{10}$ (с. Мартьяново, Таврической губ.).

Письма и заявленія реагируютъ на самыя различныя явленія въ думской жизни: то откликаются на рѣчи правыхъ депутатовъ, предлагаютъ матеріалъ для возраженій имъ и просятъ „отдѣлать“ ихъ въ отвѣтныхъ рѣчахъ, то выражаютъ одобреніе отдѣльнымъ выступленіямъ группы или актамъ всей Думы. Особенно интересны приговоры, содержащіе протесты противъ рѣчей консервативныхъ депутатовъ изъ тѣхъ же губерній, откуда эти депутаты были избраны (напр. изъ Логазовской вол., Псковской губ.). „Сожалѣемъ, —признаются крестьяне Минской губ., — что мѣстный депутатъ Готовчицъ не является истиннымъ выразителемъ нуждъ крестьянства“. Много сочувственныхъ откликовъ вызвало принятіе 13 мая, по предложенію группы, выраженія недовѣрія министерству. „Шлемъ сердечное спасибо за 13 мая“,—гласитъ одна изъ такихъ телеграммъ (изъ с. Михайловки). По уполномочію диканскихъ соединенныхъ сельскихъ сходовъ въ числѣ свыше 600 душъ, выражается группѣ благодарность „за правильный и твердый образъ дѣйствій“ (телегр. отъ 29 мая изъ с. Диканьки). Были телеграм-

мы и по поводу отношенія министерства къ вотумамъ Думы, по поводу избіенія Сѣдельникова...

Обращенія крестьянскихъ обществъ содержатъ зачастую обстоятельныя сообщенія о мѣстной земельной нуждѣ, о состояніи арендныхъ цѣнъ, о спорахъ мѣстнаго крестьянства съ помѣщикомъ, объ арестахъ, высылкахъ.

Студенческія организаціи предоставили въ распоряженіе группы матеріалъ о репрессіяхъ послѣдняго времени. Съѣздъ представителей 289 политическихъ ссыльныхъ Тобольскаго уѣзда подробно описываетъ въ сообщеніи 27 іюня господствующій среди нихъ голодъ, болѣзни.

Въ отдѣльныхъ обращеніяхъ слышится крикъ надломленной души, явное нетерпѣніе. „Дальше жить намъ невозможно"—телеграфируютъ изъ Курской губерніи (с. Казачей Лисички); „ждать устали" (с. Горюни); „не забывайте, въ какой горькой нуждѣ, въ какомъ ужасномъ безправіи живемъ мы, крестьяне" (с. Ракитное). „Защитите,—гласитъ телеграмма изъ Селещины, Полтавской г.,—казаки засѣкаютъ людей".

Идутъ эти пожеланія и привѣтствія отъ самыхъ разнообразныхъ представителей трудовой Россіи. Среди подписей подъ заявленіями и телеграммами оказываются группы желѣзнодорожныхъ служащихъ изъ разныхъ районовъ, служащіе Екатеринодарскаго трамвая, мѣщане г. Мокшана, мелкіе торговцы и мастеровые г. Кіева, рабочіе г. Кашина, собравшіеся на митингъ горожане г. Хвалынска, рязанскіе ремесленники, рабочіе спб. фабрикъ (Гюбнера), харьковскихъ заводовъ. Тутъ и чуваши Казанской г., крестьяне-поляки, политическіе ссыльные, уголовные заключенные, общія собранія обществъ трезвости (въ с. Самойловкѣ, Балаш. у.), кредитныхъ товариществъ, просвѣтительныхъ обществъ (Псковскаго и друг.), обществъ взаимопомощи учащихъ и учившихъ (Ярославль), учительскихъ съѣздовъ (Вологодск. губ.), земскихъ служащихъ (Клинскаго у.), служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ Смоленска, союзъ служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ Саратовской губ. (телеграмма отъ 6 мая). Одно изъ самыхъ послѣднихъ обращеній, поступившее 8-го іюля, наканунѣ роспуска Думы, исходило отъ союза петербургскихъ городовыхъ.

Во многихъ приговорахъ высказывается желаніе: „Просимъ Думу напечатать намъ манифестъ" (с. Княвиръ, Орловской губ., Брянск. уѣзда). „Напишите, гг. члены,—пишутъ изъ Вятской г.,—обращеніе ко всему русскому народу, расшевелите его грудь, исторгните слезы".

Просьбы, надежды, требованія принимаютъ иногда форму укора. На крестьянскомъ съѣздѣ въ Армавирѣ, 21 и 22 мая, постановлено было довести до свѣдѣнія трудовой группы, что „глубоко возмущены поведеніемъ Думы, что на отвѣты министровъ

Дума не проявила энергичной и активной дѣятельности"; спрашиваютъ гдѣ результаты, ждутъ манифеста: „если не добьетесь удовлетворенія, народъ самъ найдетъ выходъ".

Обѣщанія поддержки, различнымъ образомъ формулированныя, содержатся въ очень многихъ документахъ. „Постоимъ за васъ всѣми силами",—пишутъ крестьяне Полянск. вол., Ошмянск. уѣзда, Вил. губ.;—„узнали объ испытываемыхъ трудовиками тревогахъ и непосильныхъ трудахъ,—телеграфируютъ изъ Бекова,—чувствуемъ, какія это налагаетъ на насъ обязательства; готовы твердо бороться и поддержать васъ, когда этого потребуютъ обстоятельства". „Употребимъ всѣ усилія,—гласитъ телеграмма отъ 6 мая изъ Саратова отъ союза служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ,—чтобы стать прочной опорой для трудовой группы". „Просимъ вѣрить, что вы не одни, а съ вами весь народъ" (с. Адаевщина). „Готовы,—заявляетъ союзъ торгово-промышленныхъ служащихъ въ Кинешмѣ,—поддержать ваши требованія на мѣстахъ всѣми отъ насъ зависящими средствами", Отъ состоявшагося въ Саратовѣ 20 мая митинга рабочихъ и мѣщанъ въ группу поступила телеграмма: „Мы слышимъ вашъ призывъ, настанетъ день и милліоны пойдутъ бороться за свободу и полновластіе народа". Еще конкретнѣе и рѣшительнѣе телеграмма отъ крестьянъ поселка Новая Новиковская (вольск. уѣзда): „Ждемъ вашихъ распоряженій! Готовы поддержать васъ до послѣдней капли крови. Въ подтвержденіе шлемъ приговоръ съ подписями". „Народъ сумѣетъ защитить васъ,—увѣряютъ изъ с. Воскресенскаго, Тульской губ.,—ни штыки, ни пулеметы не могутъ остановить насъ".

Не довольствуясь изложеніемъ своихъ мыслей на письмѣ, многія сельскія общества посылали еще уполномоченныхъ для личныхъ объясненій и дополненій, упоминая объ этомъ въ своихъ приговорахъ.

Чтобы прекратить этотъ потокъ приговоровъ и посѣщенія ходоковъ, губернскія власти принимали совершенно чрезвычайныя мѣры. Сохранилась копія циркуляра симбирскаго губернатора отъ 9 іюня 1906 г. за № 5504 земскимъ начальникамъ, въ которомъ имъ предлагается, прежде всего, „внушить сельскимъ волостнымъ должностнымъ лицамъ и сходамъ преступность составленія такихъ приговоровъ и тѣмъ предупредить составленіе таковыхъ"; затѣмъ предписывается привлекать къ отвѣтственности какъ должностныхъ лицъ, такъ и всѣхъ участвовавшихъ въ составленіи приговоровъ; самые же приговоры представлять къ отмѣнѣ въ уѣздный съѣздъ. Земскіе начальники, съ своей стороны, предписывали волостнымъ старшинамъ и писарямъ объѣзжать всѣ сельскія общества, разъяснять смыслъ циркуляра и вывѣшивать копіи его на видномъ мѣстѣ.

Немало смущалъ также центральныя и мѣстныя власти пріѣздъ ходоковъ. Одно время къ квартирѣ С. В. Аникина, т. е.

къ помѣщенію группы на Невскомъ, 110, приставили полицейскаго чиновника изъ 2-го Литейнаго участка, которому приказано было однихъ посѣтителей къ Аникину пропускать, другихъ нѣтъ. Въ виду притѣсненій, которымъ подвергались ходоки и на мѣстахъ по возвращеніи, и въ СПБ., пришлось даже сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ сужденія въ Думѣ (см. рѣчь Аладьина—с. о., стр. 1849—1850).

Желая быть въ близкомъ и непосредственномъ общеніи съ группой, ея коллективные корреспонденты забрасывали группу просьбами присылать на мѣста ораторовъ для участія въ собраніяхъ, для чтенія докладовъ. Изъ с. Турковцы (Люблинской губ.) телеграфировали, что на 2-е іюля назначено собраніе для выслушанія члена Думы и будетъ много тысячъ народу. Изъ многихъ мѣстъ просили о высылкѣ отчетовъ о думѣ, требовали программы группы, литературы по общественнымъ вопросамъ.

15. Внѣдумская дѣятельность депутатовъ.

При такомъ отношеніи широкихъ круговъ населенія, для членовъ группы выросталъ серьезный вопросъ: какъ отвѣчать на всѣ эти обращенія? какъ поддерживать эти устанавливающіяся *внѣ Думы* связи съ группою? Рѣшено было, что депутаты-трудовики должны время отъ времени совершать поѣздки на мѣста и на собраніяхъ знакомить своихъ избирателей съ положеніемъ въ Думѣ, выслушивать сообщенія о мѣстныхъ дѣлахъ и матеріалы по своей поѣздкѣ представлять въ общія собранія фракціи или въ засѣданія Думы. Такія поѣздки совершены были Заболотнымъ въ Подольскую губ. (представилъ свѣдѣнія въ Думѣ—С. о., стр. 1795—1796), Кальяновымъ въ Саратовскую губ. (С. о., стр. 1848), Субботинымъ въ Тверскую губ., Червоненкисомъ — въ Кіевскую, Меркуловымъ—въ Курскую, Гороховымъ—въ Костромскую и Нижегородскую и др.

Члены фракціи приняли также участіе въ съѣздѣ союза народныхъ учителей и дѣятелей по начальному образованію, въ съѣздѣ группы работниковъ по крестьянскому союзу, посѣщали засѣданія соціалъ-политическаго клуба и дѣлали на нихъ сообщенія (Бусловъ, Галецкій, Жилкинъ и др.), читали рефераты и произносили рѣчи на допускавшихся еще въ то время публичныхъ собраніяхъ въ различныхъ районахъ столицы (Аладьинъ, Сѣдельниковъ). Были также приглашенія извнѣ. По предложенію междупарламентскаго соціалистическаго бюро, группою былъ командированъ въ Лондонъ на съѣздъ соціалистическихъ и трудовыхъ депутатовъ въ качествѣ делегата С. В. Аникинъ, встрѣтившій на съѣздѣ весьма сочувственный пріемъ.

Значительную часть *внѣдумской дѣятельности* группы представляла собою разсылка на мѣста книгъ и брошюръ по волно-

вавшимъ населеніе вопросамъ, стенографическихъ отчетовъ и періодическихъ изданій. Уже во время первыхъ собраній группы, въ ея помѣщеніи была организована продажа брошюрной литературы на общественныя и политическія темы. Первыми покупателями и читателями этихъ книжекъ были сами депутаты, затѣмъ и появлявшіеся въ клубѣ земляки ихъ, выборщики, ходоки. Но болѣе всего требовалось книгъ путемъ письменнаго обращенія въ группу о высылкѣ книгъ иногда безплатно, еще чаще — за наличныя или наложеннымъ платежемъ.

Согласно рѣшенію одного изъ общихъ собраній группы, было установлено, что каждый изъ депутатовъ-трудовиковъ принимаетъ на себя заботу—оповѣщать своихъ избирателей и особенно выборщиковъ о ходѣ дѣлъ въ Думѣ и о взглядахъ группы, путемъ посылки подлинныхъ отчетовъ Думы, или прогрессивныхъ газетъ, и въ частности, періодическихъ изданій, которыя представлялись въ распоряженіе группы въ значительномъ количествѣ (какъ „Голосъ“, „Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ“ и др.). Каждый изъ депутатовъ доставлялъ съ этой цѣлью адреса по своей губерніи, и изо дня въ день въ помѣщеніи группы стояла лихорадочная работа по упаковкѣ и разсылкѣ газетъ и брошюръ, выписанныхъ провинціальными корреспондентами депутатовъ. Многіе депутаты посылали землякамъ книжки и отчеты за свой счетъ. Разсылка производилась секретаріатомъ группы, *) но подъ наблюденіемъ особой комиссіи, избранной для этой цѣли изъ состава депутатовъ.

Много времени долженъ былъ также удѣлять комитетъ группы пріему обращавшихся въ группу делегацій. Однѣ, какъ, наприм., отъ союза инженеровъ, союза равноправія женщинъ и т. д., приходили въ группу преимущественно съ цѣлью привѣтствія и выраженія группѣ своего сочувствія. Другія, какъ, наприм., отъ сельскихъ обществъ, заводскихъ рабочихъ, профессіональныхъ союзовъ и т. п., являлись по занимавшимъ ихъ конкретнымъ вопросамъ, которые требовали вниманія, углубленія и неотложнаго реагированія. Такъ, наканунѣ роспуска Думы нѣсколько членовъ группы, по порученію комитета принимали делегацію отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и до поздней ночи работали надъ формулированіемъ ихъ нуждъ, надъ установленіемъ формъ взаимнаго общенія, надъ матеріалами для запроса въ Думѣ и т. д.

Значительную роль въ общеніи группы съ населеніемъ сыграли близкія группѣ *повременныя изданія*.

Періодическихъ органовъ, издаваемыхъ трудовой фракціей,

---

*) Въ составъ секретаріата входилъ, въ числѣ другихъ, И. А. Бонч-Осмоловскій, составившій послѣ роспуска книгу: „Работы 1-й Госуд. Думы“, подъ ред. С. И. Бондарева, Спб. 1906 г. изд. Спб. к-та трудов. группы. Книга эта, представляющая систематическое извлеченіе изъ стенограф. отчетовъ, была выпущена въ свѣтъ, но большинство экземпляровъ въ продажу не поступило.

какъ таковою, или при фракціи подъ ея наблюденіемъ, во время первой Думы собственно не было. Но были газеты, основанныя при ближайшемъ участіи отдѣльныхъ членовъ группы, выходившія подъ редакціей депутатовъ-трудовиковъ и имѣвшія въ своемъ распоряженіи поступавшій въ трудовую группу матеріалъ.

Такова была, прежде всего, основанная во время существованія фракціи и главнымъ образомъ для ея обслуживанія газета: „Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ". Издателемъ былъ деп. И. И. Субботинъ, а редакторомъ—С. И. Бондаревъ.

Затѣмъ, когда эта газета была пріостановлена, ее замѣнила выходившая подъ редакціей Ф. М. Онипко „Трудовая Россія". По прекращеніи послѣдней, на ея мѣсто сталъ издаваться „Крестьянскій депутатъ" подъ редакціей А. Е. Тесли. Въ этихъ органахъ принимали довольно близкое участіе депутаты изъ крестьянъ: они писали здѣсь свои воспоминанія о родинѣ и впечатлѣнія по поводу думскихъ событій.

Не всѣ члены группы признавали „Извѣстія крестьянск. депут." органомъ группы; одни — изъ-за слишкомъ рѣзкаго направленія, другіе—по соображеніямъ литературнаго свойства, но сама газета себя солидаризировала съ группой, ея интересами и тактикой.

Не столь близко къ группѣ, но въ нѣкоторой связи съ ней стояла редакція другой газеты, первоначально возникшей подъ названіемъ „Голоса", съ именемъ депутата М. А. Меркулова, какъ редактора. По мѣрѣ принимавшихся въ отношеніи этой газеты репрессій, она переименовывалась въ „Дѣло Народа" (редакторъ деп. Г. К. Ульяновъ), „Народный Вѣстникъ" (редакторъ деп. С. М. Корнильевъ) и, наконецъ, Мысль" (редакторъ деп. И. Соломко). Въ этой газетѣ изрѣдка только попадались статьи членовъ Думы. Фактически она находилась въ вѣдѣніи группы журналистовъ, въ свое время редактировавшихъ „Наши дни", „Сынъ отечества". Къ открытію Думы эта группа, имѣя во главѣ В. М. Чернова, оказалась еще болѣе сплоченной, однородной и вела свою газету въ духѣ партіи с.-р. и направленіи, отвѣчавшемъ традиціямъ лѣвыхъ народническихъ круговъ. *) Стоя лѣвѣе трудовиковъ, группа относилась къ ея дѣятельности только дружественно, покровительственно, свысока, иногда даже критически. Но нерѣдко именно въ этомъ органѣ, располагавшемъ богатыми литературными силами, получали свое общее освѣщеніе бродившія въ средѣ группы идеи и проводившіяся ею задачи.

Всѣ названныя газеты были предметомъ особаго наблюденія и систематическаго преслѣдованія со стороны управленія по дѣламъ печати и столичной полиціи. Нѣкоторые номера конфиско-

*) Въ такомъ же духѣ предполагалось изданіе органа желѣзнодорожныхъ служащихъ „Семафоръ", подъ редакціей деп. Сеффера. Вышелъ, однако, только одинъ №

вывались по заранѣе заготовленнымъ ордерамъ. Дѣлалось это въ столь короткій промежутокъ по выходѣ ихъ *), что у комитета по дѣламъ печати не было возможности не только прочитать, но даже и получить экземпляръ газеты. Полиція являлась въ типографію газетъ посреди ночи или на разсвѣтѣ и, ссылаясь на словесныя распоряженія начальства, требовала пробныхъ №№, угрожая въ случаѣ отказа примѣнить силу, а затѣмъ забирала всѣ найденные экземпляры, какъ запретные, такъ и не конфискованные. Сданные на почту экземпляры произвольно задерживались безъ соблюденія какихъ-либо формальностей.

Въ засѣданіи Думы 13-го іюня депутаты Недоносковъ, Бондаревъ, Сѣдельниковъ, при общемъ сочувствіи всѣхъ скамей, обрисовали обстановку, при которой происходитъ выпускъ газетъ, и охарактеризовали содержаніе газетъ.

Члены трудовой группы, стоявшіе близко къ этимъ органамъ и отдавшіе имъ свои имена, были далеки отъ мысли уступить и не смущались репрессіями. Устами Бондарева они заявили въ Думѣ, что и внѣ залы Таврическаго дворца не перестанутъ „обращаться къ свободному печатному слову и этимъ бороться съ произволомъ и насиліемъ. „Пусть они намъ угрожаютъ всѣми статьями, ссылкой, тюрьмой, заточеніемъ, крѣпостью, пусть даже свои угрозы приведутъ въ исполненіе, но заставить насъ измѣнить долгу служенія обновленію родины они не могутъ никогда и ни за что“. (С. о., стр. 1283—1284).

Угрозы всѣ были приведены въ исполненіе: а самъ Бондаревъ, и Тесля, Соломко, Сефферъ, Корниловъ и др.—всѣ были привлечены къ судебной отвѣтственности, нѣсколько лѣтъ состояли подъ слѣдствіемъ и поплатились—кто годомъ, кто двумя годами тюремнаго заключенія.

16. Отношеніе къ роспуску Думы и Выборгскому воззванію.

Въ долговѣчность первой Думы большинство трудовиковъ совершенно не вѣрило, и мысль о предстоящемъ „разгонѣ“ Думы, какъ тогда говорили, неотступно стояла предъ депутатами. Въ нѣкоторые моменты думской жизни, когда перспектива „разгона“ казалась болѣе близкою (напр. послѣ выраженія недовѣрія министерству, послѣ удаленія ген. Павлова), группа серьезно обсуждала вопросъ о формѣ реагированія на такой „разгонъ“, намѣчала способы обращенія къ народу и т. п. Но опубликованный 9-го іюля указъ о роспускѣ Думы явился въ одинаковой мѣрѣ неожиданнымъ для группы, какъ и для всѣхъ партій перваго русскаго парламента. Предполагали, что актъ о роспускѣ будетъ возвѣщенъ съ Думской трибуны, что онъ застанетъ всѣхъ депутатовъ собран-

*) См. заявленіе по запросу № 152—С. о., стр. 1277—1278.

ными вмѣстѣ, и окажется возможнымъ сообща обсудить способъ отвѣта на такой актъ. Всего этого не произошло, указъ состоялся какъ разъ въ такой моментъ, когда его менѣе всего могли ждать. Какъ указываетъ авторъ очерка о „Роспускѣ первой Думы". И. И. Субботинъ *),—имѣлось въ виду такой неожиданностью внести замѣшательство въ ряды депутатовъ, и „депутаты дѣйствительно растерялись".

Наканунѣ роспуска, 8 го іюля вечеромъ, въ помѣщеніи фракціи шли оживленные дебаты въ двухъ совѣщаніяхъ по вопросу объ амнистіи и о нуждахъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, затянувшіеся до глубокой ночи,—а къ утру газеты принесли извѣстіе о роспускѣ. Зданіе Думы было окружено военною охраною,—и проникнуть туда не было никакой возможности. Трудность собраться въ другомъ мѣстѣ усугублялась еще тѣмъ, что одновременно съ указомъ о роспускѣ послѣдовало объявленіе столицы на положеніи чрезвычайной охраны, и всякое собраніе наперед обрекалось на немедленный роспускъ, на суровыя кары для устроителей и участниковъ.

Среди депутатовъ шли слухи, что при первой попыткѣ собраться всѣ будутъ поголовно арестованы. Не взирая на эти слухи, въ первомъ же совѣщаніи трудовиковъ, утромъ 9-го іюля, рѣшено было сдѣлать все возможное, чтобы собрать всѣхъ депутатовъ въ одно мѣсто, заявить протестъ противъ происшедшаго, обратиться съ воззваніемъ къ населенію и вообще организоваться для дальнѣйшей защиты правъ народа. Мысль о необходимости воззванія раздѣлялась и членами фракціи „народной свободы", уже съ ранняго утра готовившими текстъ воззванія. Но, независимо отъ подробностей текста, между обѣими фракціями было существенное разногласіе о *мѣстѣ* составленія воззванія. Къ полудню выяснилось, что лидеры к.-д. рѣшили выѣхать для обсужденія воззванія за предѣлы Петербурга—въ Выборгъ. Трудовики же считали оставленіе столицы въ такой моментъ недостойнымъ народныхъ представителей бѣгствомъ: они опасались, что такой отъѣздъ за предѣлы Россіи „произведетъ удручающее впечатлѣніе" **); будетъ сдѣланъ выводъ, что „храбрая на словахъ, Дума въ критическій моментъ струсила и уѣхала за границу, гдѣ всего меньше угрожаетъ ей опасность преслѣдованія"... „Дума, по ихъ словамъ, являлась той моральной силой, вокругъ которой группировался народъ, и вдругъ этотъ центръ куда-то скрывается".

Въ лагерѣ к.-д. не отрицали преимуществъ собранія въ Петербургѣ, но выдвигали соображенія практическаго свойства: собраніе быстро разгонятъ; не удастся формулировать послѣдняго слова отъ первой Думы, возможны немедленные аресты, разстрѣлы,—

*) Въ брошюрѣ С. Бондаревъ и И. Субботинъ: «Тактика трудовой группы и роспускъ первой Госуд. Думы», Спб. 1907, стр. 16.
**) Тамъ же стр. 19—20.

да, наконецъ, уже сдѣланы всѣ подготовленія къ отъѣзду, нѣкоторые члены уѣхали, а другого подходящаго помѣщенія въ Петербургѣ не нашлось. Но ни разгонъ, ни арестъ, ни даже разстрѣлы,—какъ прямо заявилъ одинъ изъ уполномоченныхъ отъ группы делегатовъ,—не смущали группы. Памятуя наказъ „добыть землю и волю или лучше не возвращаться", многіе депутаты особенно изъ крестьянъ, были въ этотъ моментъ готовы рѣшительно *на всякій исходъ*. Нѣкоторые уже писали въ этомъ духѣ письма своимъ семьямъ въ деревню. Но фактическія указанія, что вотъ кадеты уже ѣдутъ, что другого мѣста нѣтъ, имѣли рѣшающее значеніе.

Не оставалось другого исхода, какъ присоединиться, „чтобы не дробить—какъ разъясняетъ тотъ же авторъ—силъ въ такой исключительный по важности моментъ". Это сознавали и соціалъ-демократы, съ полнымъ единодушіемъ шедшіе всѣ эти дни за одно съ трудовиками. Съ тяжелымъ сердцемъ и тѣ и другіе совершали эту поѣздку. Ободряющимъ образомъ дѣйствовала только рѣшимость, которую, повидимому, проявляли члены „фракціи народной свободы" въ смыслѣ и готовности сказать надлежащее слово, и дѣйствіемъ его подкрѣпить. Во время поѣздки, а затѣмъ, въ самомъ Выборгѣ, въ залѣ гостиницы „Бельведеръ", образуется атмосфера общаго воодушевленія и единодушія. Избирается при всеобщемъ одобреніи тотъ же составъ президіума. Въ рѣчахъ перваго вечера (9 іюля) явно обозначаются уже опредѣленныя различія въ намѣреніяхъ двухъ главныхъ фракцій, въ ихъ отношеніи *къ содержанію воззванія*,—но у всѣхъ господствуетъ еще желаніе найти общій планъ дѣйствій, общій выходъ, общій языкъ.

Представители трудовиковъ и с.-д. ознакомили собраніе съ тѣмъ, какъ они понимали задачу момента. Собравшіеся депутаты должны сохранить свои полномочія, народу они предлагаютъ воздержаніе отъ платежа податей, поставки рекрутовъ, непризнаніе будущихъ займовъ и взываютъ къ сочувствію крестьянства, рабочихъ, арміи и флота. Въ этомъ смыслѣ трудовиками былъ заготовленъ и свой проектъ обращенія.

Проектъ воззванія, заготовленный партіей к.-д., также содержалъ пункты о пассивномъ сопротивленіи („ни копѣйки въ казну, ни одного солдата въ армію"), но носилъ въ большей мѣрѣ повѣствовательный характеръ, выясняя поведеніе первой Думы, отношеніе къ ней правительства и неправомѣрность роспуска.

Согласованіе обоихъ теченій на общемъ собраніи давалось не легко, и эта миссія была возложена на особую комиссію, въ которую вошли по два представителя отъ каждой изъ трехъ фракцій. Всю ночь работала комиссія. Лидеры к.-д. съ большой энергіей отстаивали каждую мысль, каждое слово своего текста. Трудовикамъ вмѣстѣ съ с.-д. удалось только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воззванія усилить выраженія, указывающія на продолжающуюся связь между народомъ и его избранниками, на предстоящую борь-

бу; самое заглавіе воззванія „Народу отъ народныхъ представителей“ было также принято по предложенію трудовиковъ. Но въ общемъ равнодѣйствующая прошла весьма близко къ первоначальному проекту партіи народной свободы. Разногласіе стало еще болѣе углубляться, когда, на слѣдующее утро, въ средѣ кадетской фракціи раздались голоса, что и въ такомъ видѣ воззваніе слишкомъ рѣзко и революціонно.

Правое крыло „народной свободы“ предлагало ограничиться только первою частью, разъясняющей событія, и совершенно отбросить всякіе призывы къ населенію. Съ другой стороны, трудовики и соціалъ-демократы находили желательнымъ включить въ текстъ упоминаніе о томъ, что Дума сохраняетъ свои полномочія, что она ждетъ поддержки отъ арміи и т. д.

Въ самый разгаръ преній приходитъ извѣстіе, что комендиръ Выборгской крѣпости грозитъ объявить городъ на военномъ положеніи, если не будетъ закрыто собраніе. Происходитъ общее смятеніе; Муромцевъ слагаетъ съ себя предсѣдательствованіе; возникаетъ предположеніе о переѣздѣ въ Гельсингфорсъ или вообще вглубь Финляндіи, чтобы тамъ продолжать дальнѣйшее обсужденіе. Чувствуется необходимость ускорить рѣшеніе. Трудовики заявляютъ, что не настаиваютъ на включеніи своихъ пунктовъ и, ради единства, будутъ голосовать за редакцію ночной комиссіи. Одинъ изъ лидеровъ к.-д. (И. Петрункевичъ) обращается съ горячимъ словомъ къ колеблющимся товарищамъ по партіи,—и принципіальные противники второй части соглашаются, во имя солидарности, подписать общій актъ. Воззваніе быстро покрывается подписями,—и предъ депутатами встаетъ грозный вопросъ: какъ быть дальше?

Въ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ комитетовъ трехъ фракцій трудовики продолжали отстаивать ту точку зрѣнія, что нельзя ограничиться однимъ воззваніемъ, и что моментъ требуетъ отъ депутатовъ максимума рѣшительности и самоотверженія; нельзя „дать остыть чувству народнаго негодованія; спокойствіе страны не должно смущать насъ. Она окажетъ намъ поддержку, если только мы сами будемъ болѣе рѣшительными“. По настоянію трудовиковъ, рѣшено было пока ѣхать обратно въ Россію, и, во всякомъ случаѣ, вновь собраться въ С.-Петербургѣ для выработки дальнѣйшаго плана тѣхъ дѣйствій, которыя можно было бы еще предпринять отъ лица первой Думы.

Ходъ событій показалъ, однако, что вслѣдъ за подъемомъ настроенія въ день подписанія выборгскаго воззванія—у кадетовъ скоро наступила реакція. Собравная ими въ ближайшіе затѣмъ дни партійная конференція выработала директивы сдерживающаго характера. Тщетно домогались уполномоченные отъ трудовиковъ и с.-д. отвѣта относительно совмѣстнаго собранія. Проходилъ день за днемъ, и только 14-го іюля состоялось соединенное собраніе всѣхъ трехъ фракцій, но не въ СПБ., а опять на финляндской почвѣ—въ Теріокахъ. Здѣсь, лидеры кадетской партіи оконча-

тельно заявили, что никакихъ совмѣстныхъ дальнѣйшихъ актовъ предпринять не могутъ. Они отвергли и внесенное со стороны трудовиковъ предложеніе объ образованіи общаго комитета, продолжающаго начатое дѣло, а предлагали лишь установить информаціонное общеніе на случай, если событія развернутся и потребуютъ какихъ-либо чрезвычайныхъ дѣйствій. Настроеніе въ Теріокахъ было подавленное. Окончательно выяснилось, что болѣе рѣшительная тактика органически не подходитъ для состава фракціи, дававшей въ Думѣ товъ. А наличныхъ силъ депутатовъ только лѣваго крыла было недостаточно для авторитетнаго и дѣйственнаго выступленія.

Были, правда, сдѣланы попытки, чтобы оставить въ Финляндіи особый Комитетъ для координированія дѣятельности съ представителями крайнихъ лѣвыхъ партій; обѣщано было оказывать ему матеріальную и фактическую поддержку. Отдѣльные члены фракціи предоставляли себя въ полное распоряженіе партій, готовые пожертвовать и свободой и жизнью, если бы это потребовалось. Но группа, какъ таковая, уже почти не была причастна всему этому. Большинство депутатовъ-трудовиковъ разъѣзжалось на мѣста, и на нихъ, какъ пишетъ цитированный выше авторъ, „теперь съ надеждой устремлены были всѣ взоры“ *).

17. Возвращеніе на родину и дальнѣйшая судьба депутатовъ.

Тернистъ и труденъ былъ этотъ обратный путь. Мало радостнаго ждало возвращавшихся депутатовъ-трудовиковъ на родинѣ. Приводимъ нѣкоторые характерные факты.

Деп. *Бабичъ* (Черниговской губ.) въ самый день пріѣзда на родину, въ с. Макошино, 22 іюня потребовалъ къ себѣ начальника отряда, прибывшаго наканунѣ въ это село въ составѣ 30 казаковъ и стражниковъ. Онъ набросился на него съ рѣзкою бранью въ присутствіи постороннихъ. Все время подъ его окошками и по его слѣдамъ торчали сыщики и другіе полицейскіе **). Когда затѣмъ Бабичъ былъ привлеченъ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, ему было приказано два раза въ недѣлю являться въ становую квартиру за 15 верстъ.

Шапошниковъ (Курская г.) за рѣчи о Думѣ на крестьянскихъ сходахъ былъ арестованъ 26 августа и просидѣлъ въ тюрьмѣ до 15 ноября 1906 г., содержался при исключительно строгомъ режимѣ, былъ уволенъ отъ службы въ Губернскомъ Земствѣ и высланъ изъ предѣловъ Курской губ. съ воспрещеніемъ жительства

*) Тамъ же, стр. 30.

**) Выборгскій процессъ. Иллюстр. изд. СПБ. 1908 г. ст. В Д. Кузьмина-Караваева: „О чемъ не говорили подсудимые“, стр. 251.

въ пяти смежныхъ губерніяхъ *). Такая же участь — тюрьма и высылка—постигла другого Курскаго депутата *Кутоманова*.

Депутата *Сеффера* (Бессараб. губ.) 29 іюля въ Болградѣ обыскали, арестовали, при чемъ ему откровенно объяснили, что это дѣлается въ отместку за сообщенія, сдѣланныя имъ въ бытность членомъ Думы о мѣстной полиціи. Затѣмъ ему запретили не только жить въ квартирѣ при училищѣ, гдѣ преподавала его жена, но и приходить къ ней.

Лаврентьева (Казанской губ.) аккуратно два раза въ недѣлю заѣзжалъ провѣдывать жандармъ, справлялся, дома ли онъ и нѣтъ ли какого-либо собранія **).

Маслова (Терская обл.) нѣсколько разъ арестовывали, высылали изъ Грознаго, при чемъ въ каждомъ городѣ, куда его направляли, полиція отказывалась его принимать. Потребовалось вмѣшательство членовъ 2-й Думы, обращеніе къ министру, чтобы, по крайней мѣрѣ, добиться для него опредѣленнаго мѣста ссылки.

Назаренко (Харьковской губ.) былъ высланъ на Кавказъ, гдѣ пробылъ съ 31 декабря 1906 г. по 18 марта 1907 г. и былъ возвращенъ только потому, что заболѣлъ маляріей; за посѣщеніе сельскаго схода пригрозили ссылкою въ Нарымскій Край ***).

Лысенко (Екат. г.) въ январѣ 1907 г. былъ высланъ изъ южнаго горнозаводскаго района, сначала на время военнаго положенія, а затѣмъ по распоряженію губернатора долженъ былъ въ 24 часа выѣхать изъ предѣловъ губерніи ****).

Возовику (той же губ.) полиція, еще до привлеченія къ выборгскому дѣлу, не давала куда-либо отлучаться изъ села и за нарушеніе запрета грозила тюрьмой или ссылкой *****).

Дитца (Сарат. губ.) полиція пыталась 15 іюля арестовать, но населеніе этого не допустило. Мѣстныя власти добивались у судебной магистратуры, чтобы его лишили права адвокатской практики, а затѣмъ, когда онъ сохранилъ мѣсто при желѣзнодорожномъ Управленіи, принимались мѣры къ устраненію его и отъ этой должности.

Ушаковъ былъ высланъ временнымъ Генералъ-Губернаторомъ изъ предѣловъ Тобольской губ. Такъ какъ онъ подавалъ жалобу и добровольно не желалъ подчиниться приказу выѣхать въ теченіе двухъ дней, то въ сопровожденіи городового его доставили на лошадяхъ въ Тюмень, а оттуда во внутреннія губерніи.

Герасимова (Каз. губ.) при возвращеніи домой, въ Каз. губ. на пароходѣ обыскали; у него отобрали стенографическіе отчеты

---

*) Тамъ же, стр. 251.
**) Тамъ же, стр. 253.
***) Стр. 253—254.
****) Стр. 255.
*****) Стр. 255.

Думы и книжки, купленныя въ магазинѣ. Направили дѣло объ этихъ книжкахъ въ порядкѣ жандармскаго дознанія и предали суду Казанской Судебной Палаты, которая, однако, оправдала его. Не прошло и шести дней со дня этого оправданія, какъ его снова арестовали и посадили въ чистопольскую тюрьму, въ которой продержали до 18 февраля 1907 г., т. е. до окончанія выборовъ во вторую Думу. Никакого обвиненія такъ и не предъявили. Послѣ освобожденія изъ тюрьмы нѣсколько разъ подвергали домашнему обыску и всевозможнымъ преслѣдованіямъ, что вынудило его уйти изъ своей деревни и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ скитаться по разнымъ мѣстамъ, ночевать зимою въ нетопленныхъ баняхъ и т. д., пока, наконецъ, ему не подыскали въ столицѣ должность кондуктора при трамваѣ.

Тарасенко (Черн. губ.) засадили въ тюрьму на все время выборовъ во вторую Думу; искали его уже со дня роспуска первой Думы и впредь до розыска арестовали его младшаго брата.

Относительно *Куриленко* (Черн. губ.), ни къ какимъ дѣламъ не привлеченнаго, земскій начальникъ далъ волостному старшинѣ приказъ, въ которомъ обозвалъ Куриленко „проходимцемъ“ и воспретилъ сходу избирать его уполномоченнымъ. Сходъ однако не подчинился и избралъ именно Куриленко; дѣло доходило до Сената, возстановившаго его въ правахъ. Жизнь въ деревнѣ стала однако для Куриленко невыносимой, и онъ долженъ былъ переселиться въ Спб., а затѣмъ въ Кіевъ.

Больше всѣхъ пострадалъ депутатъ отъ Курской губ., выступавшій въ Думѣ во время преній объ адресѣ и по земельному вопросу, Михаилъ *Меркуловъ* (Курск. губ). Въ связи съ его дѣятельностью среди мѣстныхъ крестьянъ, его присоединили къ процессу объ убійствѣ полицейскаго чиновника,—убійствѣ, не имѣвшемъ никакого отношенія къ его бесѣдамъ съ крестьянами, и осудили *на 20 лѣтъ каторги*. Настойчивыя хлопоты его сотоварищей по первой Думѣ и личное за него ходатайство предсѣдателя третьей Думы Хомякова передъ высшими властями не могли смягчить его участи.

За предѣлами „досягаемости“ должны были очутиться видные члены группы *Аникинъ*, *Аладьинъ*, *Ульяновъ*, — которымъ грозили процессы съ тяжкими вердиктами. Первый дѣлалъ попытки остаться на легальномъ положеніи, открыто жилъ нѣкоторое время въ Саратовѣ и Петербургѣ, но тутъ и тамъ его преслѣдовали по пятамъ агенты тайной полиціи. По деревнямъ его родного уѣзда Петровскаго) дано было распоряженіе сейчасъ дать знать начальству, какъ только Аникинъ покажется. Когда выяснилось, что для новыхъ обвиненій матеріала недостаточно, обратились къ архиву мѣстной охраны за 1905 г., и по истеченіи 3-хъ, 4-хъ лѣтъ выволокли на свѣтъ Божій давно забытые факты участія Аникина

въ образованіи мѣстныхъ крестьянскихъ союзовъ и привлекли его какъ по 126, такъ и по 102-й статьѣ Уг. Улож. *).

За границей же скрылись *Онипко*, осужденный по дѣлу о Кронштадтскомъ возстаніи; *Мокруновъ*, обреченный судебнымъ приговоромъ на трехлѣтнее заключеніе за бесѣды съ крестьянами въ бытность депутатомъ. Неизвѣстно, гдѣ обрѣтается *Куканов*ъ, привлеченный къ военному суду за созданіе среди крестьянъ мирнаго братства въ Орловской губ.

Судебныя дѣла, помимо выборгскаго, были возбуждены также противъ *Бондарева*, *Волкова*, *Врагова*, *Герасимова*, *Жилкина*, *Кондрашука*, *Корнильева*, *Окунева*, *Остроносова*, *Сеффера*, *Свѣшникова*, *Соломко*, *Субботина*, *Тесли*. Только немногіе изъ нихъ (Герасимовъ, Жилкинъ, Кондрашукъ, Остроносовъ) послѣ долгаго слѣдствія были оправданы, большинство должно было отбыть наказаніе въ тюрьмѣ или крѣпости отъ 1 до 3 лѣтъ.

Постояннымъ преслѣдованіямъ въ деревнѣ подвергались *Бабичъ*, *Бычковъ*, *Вихаревъ*, *Зубченко*, *Кузнецовъ*, *Лаврентьевъ*, *Лысенко*, *Тарасенко*. Отстранены были отъ земскихъ должностей, учительства и профессіональныхъ занятій: врачи *Андреевъ*, *Николаевскій*; адвокаты *Галецкій* и *Дитцъ*; учителя: *Рыжковъ*, *Гудилинъ*, *Дюмаевъ*, *Сеффер*ъ, *Тесля*; земскіе служащіе: *Куриленко*, *Окуневъ*, *Шапошниковъ*. Долго не могли найти службы *Бабенко*, *Бусловъ*, *Герасимовъ*, *Гудилинъ*, *Зайцевъ*, *Масловъ*, *Сѣдельниковъ*, *Цѣлоусовъ* и другіе.

Огромное большинство трудовыхъ депутатовъ очутилось въ положеніи обездоленныхъ, выбитыхъ изъ колеи людей. Если не считать десятка-другого депутатовъ, отставшихъ отъ думскихъ интересовъ вскорѣ послѣ роспуска,—всѣ остальные, особенно болѣе активные и вѣрные группѣ люди, почти поголовно отдали нелегкую дань за свою работу въ Думѣ вообще и принадлежность къ трудовой группѣ въ частности. Страна успѣла уже пережить еще три раза избирательную кампанію (1907—1912), многое изъ сказаннаго и сдѣланнаго въ Думѣ 1906 года давно позабыто, а десятки трудовиковъ перваго созыва,—одни въ изгнаніи на чужбинѣ, другіе на родинѣ въ тяжкой нуждѣ, или въ далекой ссылкѣ,—еще долго расплачивались за смѣлыя и яркія выступленія группы, за то вліяніе и значеніе, которое группа пріобрѣла въ странѣ.

18. Дѣло о выборгскомъ воззваніи.

Какъ бы заключительнымъ эпилогомъ къ исторіи группы въ первой Думѣ явилось ея участіе въ судебномъ процессѣ о выборгскомъ воззваніи. Послѣ $1^1/_2$ лѣтъ, въ теченіе которыхъ тянулось слѣдствіе, дамокловымъ мечомъ висѣвшее надъ депутатами,

*) Вначалѣ войны 1914 г. С. В. Аникинъ вернулся на родину, судился и былъ оправданъ.

12-го декабря 1907 года, наконецъ, начались засѣданія суда. Семь дней шли засѣданія СПБ. Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, и въ теченіе этой недѣли предъ широкими кругами населенія вновь воскресли воспоминанія о первой Думѣ.

Каждый моментъ процесса,—какъ отмѣтила тогда печать,[1])—показывалъ, что скамью подсудимыхъ занимаетъ Государственная Дума, распадающаяся на связанныя партійной дисциплиной политическія фракціи и подготовляющая внѣ зала Суда планъ дѣйствій на Судѣ. Полтора года преслѣдованій, борьбы съ нуждой, горькаго и обиднаго устраненія отъ политической и общественной дѣятельности—не разрушили въ подсудимыхъ той спайки, которую создала для нихъ работа „первыхъ“ избранниковъ народа... „На судѣ говорили бывшіе члены Думы. Говорили по уполномочію фракціи“.

Депутаты-трудовики задолго до судебнаго засѣданія готовились къ процессу. Группа трудовиковъ, находившаяся въ это время въ СПБ., дѣятельно переписывалась съ товарищами, нахоидившимися на мѣстахъ, и организовала за нѣсколько дней рядъ совѣщаній съ сочуствовавшими группѣ защитниками. [2]).

Изъ числа перводумцевъ-трудовиковъ съѣхались заблаговременно 43 бывшихъ депутата [3]).

Безпартійный Дьяченко также счелъ нужнымъ примкнуть къ группѣ трудовиковъ. Позже другихъ прибыли Локоть, Моревъ и Назаренко, изъ которыхъ первый сначала собирался итти вмѣстѣ съ группой, а затѣмъ заявилъ на Судѣ, что желаетъ вести свою защиту самостоятельно, а другіе два, разойдясь съ группой во взглядахъ на защиту, присоединились къ группѣ к.-д.

Не успѣли вовсе явиться на процессъ Бычковъ, Ермолаевъ, Тумбусовъ, которыхъ судили затѣмъ отдѣльно. Находились уже за предѣлами досягаемости: Корниловъ и Сѣдельниковъ, судив-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы„ 1908 г. кн. I, стр. 428 и слѣд.

[2]) Въ первыхъ совѣщаніяхъ приняли участіе прис. пов. Л. Н. Андрониковъ, Л. А. Базунсвъ, М. В. Беренштамъ, В. В. Водовозовъ, Ф. А. Волькенштейнъ, Э. Г. Гинзбергъ, С. П. Елисѣевъ. А. А. Леонтьевъ, А. Ф. Керенскій, М. А. Кроль, В. и А. Плансонъ. М. Б. Ратнеръ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, А. Л. Соколовскій, В. С. Фрилштейнъ, члены трудовой фракціи третьей Государственной Думы—А. А. Булатъ и Н. Я. Ляхницкій.

Затѣмъ, во время процесса къ составу защитниковъ присоединились: А. М. Александровъ. Я. С. Бондеръ. А. И. Гиллерсонъ, М. М. Дубенскій, А. Т. Земмель, С. А. Изнаръ, С. А. Ильинъ, Н. С. Каринскій, М. Л. Мандельштамъ, М. С. Маргулісъ, Д. В. Сосвинъ, А. Л. Цитронъ, Г. К. Чекерульдушъ и Д. З. Чіабровъ.

[3]) А. Андреевъ, Бабичъ, кн. Баратовъ, Брамсонъ, Бусловъ, Вихаревъ, Возовикъ, Т. Волковъ, Враговъ, Галецкій, Гудилинъ, Дицъ, Дюмаевъ, Жилкинъ, Зубченко, Кальяновъ, Кубилисъ, И. О. Кузнецовъ, Кутомановъ, Лавретьевъ, В. Лебедевъ, Литвиновъ, Лопасъ. Лунинъ, Лысенко, Матвѣевъ, Масловъ, Недоносковъ, Нестеренко, Николаевскій, Окуневъ (находившійся подъ стражей), Остроносовъ, Рыжковъ, Семеновъ, Сефферъ, Соломко, Суботинъ, Тесля, Ушаковъ, Щѣлоусовъ, Шапошниковъ, Якубсонъ.

шіеся впослѣдствіи осужденный по Кронштадскому дѣлу Онипко и единственный выборжецъ-трудовикъ, еще не судившійся, Ульяновъ.

При обсужденіи тактики поведенія на предстоящемъ процессѣ, прежде всего, признано было необходимымъ указать на некомпетентность даннаго суда: рѣшено заявить, что дѣяніе, совершенное членами первой Думы въ такомъ численномъ составѣ и при условіяхъ того историческаго момента, не можетъ подлежать вѣдѣнію дѣйствующихъ судебныхъ установленій, что подсудимые явились въ Судъ лишь для представленія отчета въ своихъ дѣйствіяхъ передъ страною. По этому пункту устроено было особое совмѣстное совѣщаніе съ подсудимыми к.-д., и послѣ долгихъ переговоровъ удалось сойтись на томъ, что мысль эта будетъ проводиться въ рядѣ рѣчей, и кромѣ трудовиковъ, такое заявленіе долженъ былъ сдѣлать одинъ изъ первыхъ ораторовъ отъ к.-д. (Кокошкинъ).

Никакой личной, индивидуальной защиты въ дѣлѣ не должно быть. Поскольку факты распространенія воззванія правильно указывались въ обвинительномъ актѣ, поскольку они въ дѣйствительности имѣли мѣсто, никто не долженъ былъ ничего отрицать.

Первоначально имѣлось въ виду защитниковъ изъ состава присяжной адвокатуры отъ группы совершенно не выставлять; затѣмъ большинствомъ рѣшено допустить ихъ, но съ тѣмъ, что роль ихъ въ процессѣ должна быть ограничена и отнюдь не должна заслонять выступленія на первый планъ самихъ подсудимыхъ.

Всей защитѣ въ процессѣ рѣшено было придать исключительно *политическій* характеръ. Юридической постановки обвиненія желательно совершенно не касаться.

Въ виду особаго значенія процесса, рѣшено было стремиться къ тому, чтобы процессъ по возможности проводился отъ имени *всего* состава подсудимыхъ, т. е. въ единеніи съ депутатами к.-д. и с.-д. Въ этихъ видахъ депутаты с.-д. и ихъ защитники (Бартъ, Муравьевъ, Соколовъ и Хоментовскій) приглашались на всѣ совѣщанія группы, и всѣ директивы вырабатывались сообща. Близкое единеніе съ ними ясно проводилось на протяженіи всего процесса. Въ цѣляхъ же согласованія выступленій совмѣстно съ к.-д. устроено было соединенное совѣщаніе членовъ всѣхъ трехъ группъ и рекомендовалась согласованная работа защитниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установлено, что осуществленіе единства не должно однако итти въ ущербъ проведенію принятыхъ группою рѣшеній.

Принятыя группою резолюціи повліяли и на общій тонъ, который рѣшено было дать процессу въ средѣ к.-д. Тамъ еще были колебанія относительно того, признавать ли „распространеніе“, не заявлять ли формальные отводы, выуживать ли матеріалъ изъ свидѣтельскихъ показаній, отстаивать или оспаривать ихъ и т. п. Но послѣ выясненія настроеній слѣва, всѣ колебанія отступили передъ общимъ желаніемъ—*возобновить въ ходѣ процесса образъ первой Думы*,

смѣлой, стойкой и единой по основнымъ вопросамъ народной жизни.

Поступившись нѣсколькими частностями, трудовая группа значительно содѣйствовала достиженію единства дѣйствій на судѣ, и, благодаря этому, нѣчто всѣхъ сплачивающее постоянно чувствовалось въ этомъ историческомъ процессѣ, являвшемъ невиданную картину суда надъ цѣлымъ парламентомъ. Но по мѣрѣ того, какъ процессъ развертывался, въ рѣчахъ ясно обозначилось различіе во взглядахъ и на содѣянное „преступленіе", и на цѣли воззванія, и на настоящій судъ.

Въ первой же рѣчи И. И. Петрункевичъ счелъ необходимымъ заявить отъ имени своихъ единомышленниковъ: „суда мы не отрицаемъ, мы признаемъ его и шли сюда съ полнымъ убѣжденіемъ, что, разъ мы совершили тотъ или другой преступный актъ, мы подлежимъ, какъ и всѣ граждане, судебной отвѣтственности. *).

На почвѣ такого отношенія къ компетенціи Судебной Палаты не стояли однако депутаты, говорившіе отъ имени трудовой группы. „Историческая тяжба, борьба за волю народную",—сказалъ Галецкій,—[2]) путь, который усѣянъ холмами человѣческихъ жертвъ, не разрѣшается судебнымъ процессомъ. Когда народъ борется за свое самоопредѣленіе, ему не найти судьи... *мы не чувствуемъ себя подсудимыми*".

„У Васъ есть власть"—говорилъ судьямъ трудовикъ Враговъ—„есть сила, есть смѣлость, *но нѣтъ права насъ судить*". [3]) „Я явился сюда не какъ подсудимый",—заявилъ Баратовъ,—а какъ обвинитель"... „Народъ",—сказалъ литовскій крестьянинъ Кубилисъ,—„уже произнесъ намъ оправдательный приговоръ, *другого суда для насъ не можетъ быть*" [4]). „Мы чувствуемъ"—заявилъ отъ имени коллегіи защитниковъ слѣва прис. пов. Александровъ,—„что эти люди—*надъ судомъ* въ моральномъ, политическомъ и историческомъ смыслѣ этого слова". (с. 141).

И только для того, чтобы найти въ этомъ вопросѣ общую почву между всѣми „сотоварищами по скамьѣ подсудимыхъ", чтобы исполнить уговоръ, состоявшійся наканунѣ въ совѣщаніи съ группой трудовиковъ, Кокошкинъ счелъ необходимымъ сказать послѣ Петрункевича, что „разрѣшеніе великаго историческаго спора между старыми и новыми порядками не можетъ имѣть мѣсто здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, въ залѣ этого суда. Для насъ, для нашего дѣянія есть другой, высшій судъ—судъ народа и исторіи" [5]).

---

[1]) Выборгскій процессъ. Иллюстр. изд. СПБ. 1908 г. стр. 32.
[2]) Тамъ же стр. 60—61.
[3]) Стр. 84
[4]) Стр. 86.
[5]) Выб. процессъ, стр. 34.

Въ пониманіи цѣли воззванія также были серьезныя различія. „Не смуту мы хотѣли создать въ странѣ“, — говорилъ И. И. Петрункевичъ *),—„а укрѣпить этотъ порядокъ вещей, который въ данное время существовалъ и былъ санкціонированъ верховною властью, порядокъ, который мы, какъ граждане, обязаны были защищать“. Воззваніе должно было, по его мнѣнію, „предупредить новую смуту, новые безпорядки и, можетъ быть, пролитіе крови“. Эту мысль подтвердилъ и Муромцевъ въ своемъ послѣднемъ словѣ, откровенно признавшій, что воззваніемъ онъ, какъ и нѣкоторые другіе, надѣялся прорыть каналъ, чтобы отвести могучій горный потокъ, въ который могло вылиться народное негодованіе (стр. 146).

Говорившій отъ имени трудовиковъ В. И. Лунинъ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. „Въ послѣднее десятилѣтіе происходитъ борьба между двумя мірами: старымъ и новымъ. Старый міръ не создалъ и не можетъ создать... той конституціонной почвы, на которой возможно было бы какое-нибудь соглашеніе, примиреніе, ибо созданіе такой почвы есть прямое ему противорѣчіе“ (стр. 63—64). Показавъ на пережитыхъ имъ за долгую жизнь событіяхъ неизбѣжность борьбы, пока старый міръ не уступитъ новому, Лунинъ сознаетъ, что выпускъ выборгскаго воззванія былъ только слабымъ проявленіемъ этой борьбы. „Для меня понятно“—продолжалъ онъ—„что исторія не движется быстрыми шагами, что перевороты не совершаются въ одинъ моментъ, что народную массу и толпу нельзя двинуть, нельзя пробудить однимъ листкомъ... Для меня важно было бросить эту идею въ народъ, создать въ его умѣ революцію, заставить его понять свои права, и поэтому я подписалъ то воззваніе, которое гласило, что мы пришли въ Думу дать народу землю и волю“ (стр. 66—67).

Однимъ изъ самыхъ памятныхъ и трогательныхъ моментовъ процесса былъ тотъ, когда Лунинъ, старѣйшій изъ подсудимыхъ, закончилъ свою рѣчь словами: „И если еще при жизни моей наступитъ время, когда каждая мать, даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ Россіи, укачивая ребенка, будетъ пѣть ему о правахъ народа, изложенныхъ въ выборгскомъ воззваніи, я скажу себѣ: „нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!“... (стр. 67).

Увѣренность въ томъ, что совершенный въ Выборгѣ актъ отвѣчаетъ народному правосознанію, проходитъ красною нитью черезъ всѣ рѣчи депутатовъ-трудовиковъ. „Никогда, — сказалъ Семеновъ, — народъ не можетъ насъ поставить наряду съ преступниками и врагами закона, врагами государства“. Избиравшіе его въ Думу крестьяне искали его фамилію среди подписавшихъ воззваніе и были довольны, что онъ не отсталъ и исполнилъ свой долгъ.

Шапошниковъ и Зубченко красочно и ярко изобразили этотъ

*) Стр. 38.

судъ народа, какъ онъ происходилъ на крестьянскихъ сходахъ. „За то, что онъ подписалъ, мы его одобряемъ“,—заявили крестьянскіе уполномоченные Курской и Кіевской губ., не стѣсняясь даже присутствія начальства (Выб. проц., стр. 84—85).

Баратовъ напомнилъ о томъ, что въ Грузіи населеніе уже однажды было доведено до отказа отъ уплаты податей и поставки рекрутъ, и когда Государственная Дума выпустила свое воззваніе, оно было вполнѣ понятно мѣстному населенію, оно лишь „санкціонировало народное право въ народномъ сознаніи“ (Выб. проц., стр. 89).

„Быть можетъ“—сказалъ Дитцъ—„на насъ наклеятъ ярлыкъ преступниковъ, но знайте, что если черезъ нѣсколько дней вы въ своемъ приговорѣ назовете насъ преступниками, то страна вамъ не повѣритъ“ (Тамъ же, стр. 88).

Въ то время какъ подсудимые изъ партіи к.-д. ограничились только рѣчами виднѣйшихъ своихъ лидеровъ (Петрункевича, Набокова, Кокошкина, Муромцева) и предоставили широкую роль въ процессѣ своимъ защитникамъ,—отъ имени трудовиковъ наряду съ знакомыми по думской кафедрѣ членами группы, какъ Семеновъ, Галецкій, Шапошниковъ, — выступали и депутаты, даже мало извѣстные во-внѣ, какъ Вргаговъ, Зубченко, Кубилисъ, Дитцъ, Баратовъ и популярный только внутри группы и у себя на мѣстѣ—Лунинъ. Адвокатамъ же отведено было самое скромное мѣсто.

Среди дававшихъ объясненія на судѣ трудовиковъ были за то крестьяне различныхъ мѣстностей, сразу принесшіе съ собою атмосферу деревни, заговорившіе голосомъ крестьянскаго правосознанія. Предъ судомъ прошли представители различныхъ національностей—за великорусскимъ крестьяниномъ изъ Курской губ. выступалъ малороссъ изъ Кіевской губ., депутаты отъ литовцевъ Ковенской губ., отъ нѣмцевъ-поселянъ Саратовской губ. и отъ грузинъ Тифлисской губ.

Отъ лица же защитниковъ выступилъ только одинъ (Александровъ), и не для того, чтобы спорить о неправильной юридической структурѣ обвиненія, не для того, чтобы ловить прокурора или палату на формальныхъ противорѣчіяхъ,—а для того, чтобы заявить, что „сегодня здѣсь нѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ“, что въ этомъ дѣлѣ они чувствуютъ себя гражданами и отказываются отъ профессіональной обязанности. „Какъ—объяснилъ онъ—намъ защищать тѣхъ, которыхъ мы уполномочили защищать весь народъ, которыхъ мы послали на великое государственное строительство... въ сердцѣ которыхъ сосредоточилась вся жизнь цѣлаго народа. Мы, всѣ тѣ, которые не сняли съ нихъ полномочій, и для насъ это избранники... которые исполнили нашъ долгъ къ чести нашего народа“.

Отъ участія въ борьбѣ за точность формулировки вопросовъ, отъ участія въ цѣломъ рядѣ другихъ процессуальныхъ дѣйствій

защитники слѣва все время воздерживались. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. при допросѣ свидѣтелей) съ ними шли заодно и защитники к.-д. Такимъ образомъ, благодаря постановкѣ дѣла, на которомъ настаивали трудовики, все, что могло напоминать обычное судопроизводство, сведено было къ минимуму,—и получалась почти полная иллюзія засѣданія членовъ Думы, гдѣ справа засѣдали лидеры к.-д., слѣва—видные члены трудовой и с.-д. фракцій, всю залу занимали депутаты. Главнымъ образомъ, выступленіями депутатовъ опредѣлялся порядокъ дня, и только ихъ объясненіями заполнилось судебное слѣдствіе*).

Различіе между тремя группами обнаружилось при рѣшеніи вопроса о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе Сената. Подсудимые с.-д. сначала склонялись къ мысли о подачѣ жалобы, затѣмъ рѣшили для себя этотъ вопросъ отрицательно; еще свѣжъ былъ въ памяти суровый судъ Сената надъ с.-д. фракціей II Думы, и самая мысль о переносѣ дѣла въ эту инстанцію казалась неумѣстною по отношенію къ партійнымъ товарищамъ-втородумцамъ.

Подсудимые к.-д. рѣшили продолжать начатую въ первой инстанціи борьбу противъ неправильной формулировки обвиненія и перенести выясненіе юридической несостоятельности приговора также въ слѣдующую кассаціонную стадію.

Трудовики, наблюдая огромное агитаціонное значеніе процесса, не считали себя вправѣ дать ему замереть въ первой стадіи. Не ожидая никакихъ непосредственныхъ результатовъ отъ подачи жалобъ, они сознавали однако, что продленіе процесса и притомъ не отъ имени одной только части, а отъ обѣихъ группъ, опредѣлявшихъ настроеніе въ 1-ой Думѣ, имѣетъ самодовлѣющее значеніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не находили возможнымъ ограничиться только выявленіемъ недочетовъ обвиненія съ точки зрѣнія уголовнаго права и судопроизводства. Основною директивою, данною составителямъ жалобы (Андроникову, Базунову, Волькенштейну и Леонтьеву), было включеніе въ нее также политическаго момента. Жалоба поэтому опредѣленно указывала, что нормы Уголовнаго Уложенія о государственныхъ преступленіяхъ, какъ акта, созданнаго до 17 октября 1905 г., не могутъ имѣть примѣненія къ дѣянію лицъ, избранныхъ отъ народа представителями; что членъ Государственной Думы, избранный населеніемъ, является новымъ субъектомъ новыхъ публичныхъ правъ. Особливыя внутреннія отношенія между депутатомъ и населеніемъ, являющіяся источникомъ дѣятельности депутатовъ, не могутъ быть внезапно прерваны внѣшнимъ событіемъ, хотя бы и роспускомъ

*) Для ознакомленія широкихъ круговъ населенія съ тѣмъ, что представлялъ собою выборгскій процессъ, подъ редакціей В. В. Водовозова, появилось изданное трудовиками популярное изложеніе дѣла въ особой брошюрѣ „Судъ надъ первой Думой“ (СПБ. 1908 г.).

законодательнаго учрежденія. Субъективное для народнаго представителя — заключали отсюда кассаторы — народное довѣріе не уничтожается моментомъ сложенія съ него званія члена Госуд. Думы. Направляя къ населенію выборгское воззваніе, его составители обращались къ такому кругу лицъ, съ которыми они уже состояли въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Въ призывѣ не платить податей и не давать солдатъ въ армію нельзя было въ данномъ случаѣ усмотрѣть признаковъ преступленія, ибо съ роспускомъ Государственной Думы бюджетъ остался не вотированнымъ, а контингентъ арміи не утвержденнымъ. Не совмѣстимо съ представительнымъ строемъ требовать исполненія этихъ повинностей безъ согласія народныхъ представителей, и разъясненіе такой мысли нельзя считать незакономѣрнымъ.

Мысли кассаціонной жалобы были затѣмъ подробно развиты предъ Угол. Касс. Департаментомъ Сената въ засѣданіи 11 марта 1908 г., въ рѣчахъ защитниковъ О. О. Грузенберга и Ф. А. Волькенштейна, особенно послѣдняго. Первоприсутствующій неоднократно прерывалъ этого защитника, находя, что вопросъ о взаимоотношеніяхъ между депутатомъ и населеніемъ, о новыхъ публичноправовыхъ отношеніяхъ, внесенныхъ новымъ строемъ, „къ дѣлу не относятся“.

Въ заключеніи Оберъ-Прокурора П. А. Кемпе особенно рѣзкимъ нападкамъ подвергалась именно эта часть кассаціонныхъ соображеній.

Приговоръ, какъ извѣстно, не былъ отмѣненъ Сенатомъ, и въ теченіе лѣта 1908 г. (съ мая по августъ) большинство осужденныхъ „выборжцевъ“, въ томъ числѣ около полусотни трудовиковъ, отбывали по тюрьмамъ положенное наказаніе. Къ ихъ судьбѣ и подробностямъ ихъ тюремнаго режима относились съ живѣйшимъ интересомъ: имъ посылали въ тюремныя камеры привѣтствія и другіе знаки вниманія, а по освобожденіи въ ихъ честь устраивались собранія и банкеты.

На наиболѣе многолюдномъ банкетѣ, организованномъ въ Спб. 8 августа 1908 г., отвѣчая на торжественныя рѣчи собравшихся, представитель трудовиковъ отмѣтилъ сравнительную легкость и ничтожность наказанія, выпавшаго на долю выборжцевъ, въ сравненіи съ судьбою сидѣвшихъ рядомъ съ ними менѣе замѣтныхъ борцовъ за раскрѣпощеніе родины. „Эти три мѣсяца кажутся намъ досадною несправедливостью, при мысли о безконечно тянущихся годахъ ссылки, крѣпости или каторги, составляющихъ удѣлъ большинства, до насъ осужденныхъ за тѣ же „призывы“ и то же „возбужденіе“. Но одно, несомнѣнно, дала намъ эта трехмѣсячная возможность сосредоточиться, углубиться и оглянуться на прошлое: она—сказалъ онъ—дала еще большую увѣренность въ правотѣ своего дѣла и укрѣпила готовность итти ради правъ народа, ради земли и воли для него на новыя, болѣе тяжкія жертвы.

Этотъ завѣтъ отсидѣвшіе за первую Думу трудовики понесутъ и въ среду тѣхъ, кто въ свое время послалъ ихъ въ Думу".

19. Заключеніе.

Дѣятельность Трудовой Группы въ первой Думѣ подвергалась въ свое время суровой критикѣ какъ справа, такъ и слѣва.

Съ крайняго праваго фланга и изъ такъ наз., „умѣреннаго" лагеря на группу сыпались обвиненія въ самозванномъ представительствѣ крестьянскихъ массъ. На депутатовъ трудовиковъ въ этихъ кругахъ брезгливо смотрѣли, какъ на „невѣжественные подонки населенія, идущіе на поводу у нѣсколькихъ вожаковъ", и удивлялись дерзости и развязности, съ какою эти депутаты позволяютъ себѣ говорить съ думской трибуны. Болѣе хитроумные представители этихъ правыхъ круговъ видѣли въ самомъ появленіи и существованіи группы только „кадетскую интригу". Они глубокомысленно находили, что эта группа играетъ лишь на руку честолюбивымъ замысламъ кадетовъ и является слѣпымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

Однако такая постановка вопроса справа не мѣшала тому, что кадеты и примыкавшія къ нимъ группы не переставали и въ Думѣ и въ прессѣ возмущаться самостоятельнымъ, недостаточно послушнымъ образомъ дѣйствій трудовиковъ. Нѣкоторые изъ кадетскихъ вождей еще до сихъ поръ убѣждены, что не будь рѣзкихъ выступленій того или иного изъ трудовиковъ, не будь возраженій трудовиковъ противъ кадетскихъ резолюцій, — вся Дума была бы едина, и вмѣсто роспуска Россія дождалась бы въ 1906 г. думскаго министерства. Мысль эта проводилась и на столбцахъ „Рѣчи" и „Думы" въ 1906 г., и въ рядѣ статей изданнаго партіей к.-д. въ 1907 году сборника: „Первая Госуд. Дума".

Не было недостатка въ нападкахъ слѣва. Даже наиболѣе дружественныя и близкія группѣ партіи, какъ соціалъ-революціонная и группа „Безъ заглавія", не упускали случая ставить на видъ группѣ каждый тактическій шагъ, принятый въ коалиціи съ к.-д. или вопреки указаніямъ партій. Требуя отъ группы болѣе радикальной тактики, сравнительно съ тѣмъ, что она *по своему составу* могла усвоить или проявить, эти партіи считали своимъ долгомъ тянуть группу налѣво, косвенно способствуя внутреннему броженію среди группы и недостаточно солидарному голосованію внутри Думы. Статьи „Голоса", „Мысли" и другихъ органовъ, выходившихъ подъ вліяніемъ идеологовъ партіи с.-р., часто упрекаютъ группу въ шатаніи, недостаточной опредѣленности и т. д. На такую точку зрѣнія часто становится и внѣпартійнолѣвая „Наша Жизнь", одно время горячо поддерживавшая трудовиковъ. Особенно это стало замѣтно во вторую половину сессіи,

когда понемногу у группы стала намѣчаться *своя* независимая, опредѣлившаяся всею совокупностью ея состава, тактика.

Еще болѣе группѣ доставалось отъ соціалъ-демократическихъ собраній и органовъ этого направленія. Сначала подозрѣвали трудовиковъ, что они желаютъ поглотить и подавить входившихъ одно время въ составъ группы рабочихъ; затѣмъ находили, что недостаточно рѣзки выступленія по амнистіи и отвѣтному адресу; что группа тянется на буксирѣ у кадетовъ, а когда группа расходилась съ кадетами, что въ ней верховодятъ не настоящіе марксисты, а идеологи „мелкихъ буржуевъ“. Нападки эти сдѣлались особенно настойчивыми съ тѣхъ поръ, какъ въ Думѣ образовалась особая фракція с.-д. и потребовалось доказать, что тактика послѣдней наиболѣе правильная. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что нападки шли только изъ прессы с.-д., сами же депутаты-рабочіе и партійные с.-д. большею частью шли въ Думѣ совмѣстно, сообща вносили запросы, сообща голосовали, имѣли общую юридическую комиссію. Сепаратизмъ въ Думѣ замѣчался только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Въ этомъ отношеніи литература с.-д. о первой Думѣ, а въ частности книга М. Б—ова и Ф. Дана о рабочихъ въ первой Думѣ, представляется крайне тенденціозной.

Изъ всѣхъ возводившихся на группу обвиненій слѣдовало бы еще упомянуть о раздававшемся съ нѣсколькихъ сторонъ упрекѣ въ томъ, что группа подрывала будто престижъ и авторитетъ Думы во-внѣ и нарушала безъ надобности единство Думы.

Что касается „авторитета“, то факты приведеные выше при изложеніи внѣдумской дѣятельности группы, даютъ наилучшій отвѣтъ на то — *кто въ Думѣ* привлекалъ къ ней симпатіи, и *на кого* возлагали широкіе круги населенія и передовой интеллигенціи свои надежды.

Еще менѣе основателенъ укоръ въ подрывѣ единства. Во всѣ наиболѣе серьезные моменты думской жизни (при избраніи президіума, составленіи всеподданнѣйшаго адреса, при отвѣтѣ на декларацію министерства, въ борьбѣ противъ смертной казни, въ борьбѣ съ агитаціей министерства въ правительственныхъ изданіяхъ, въ отношеніи къ бѣлостокскимъ событіямъ, даже въ первой стадіи сужденія объ обращеніи къ странѣ по земельному вопросу) трудовая группа ничѣмъ не нарушала этого единства. Ученый государствовѣдъ, спеціально задавшійся цѣлью проанализировать тактику различныхъ партій въ первой Думѣ, вынужденъ сознаться, что „первое впечатлѣніе“ изъ дѣятельности Думы, взятой въ цѣломъ,—это „впечатлѣніе *внутренняго единства, организованной и сплоченной силы*“ *).

Наблюдавшіе первую Думу со стороны, В. Г. Короленко и

*) „Первая Государственная Дума“, изд. А. Муханова и В. Набокова. Вып. I, стр. 119 (статья проф. В. М. Гессена).

С. Я. Елпатьевскій,*) признаютъ, что они любятъ моменты, когда трудовая группа, въ союзѣ съ другими партіями, какъ бы проводитъ въ первомъ чтеніи программу будущаго. Они даже боятся крупнаго расхожденія ея съ другими группами по главнымъ вопросамъ. „Нельзя,—сознается Елпатьевскій,—забыть минуту того великаго, высокаго подъема, когда бѣлый залъ дѣлается однимъ человѣкомъ—представителемъ русскаго народа, когда онъ гонитъ изъ своей среды людей стараго режима; меня волнуетъ несказаннымъ волненіемъ, когда Дума, какъ одинъ человѣкъ, посылаетъ свой отвѣтъ Россіи на тронную рѣчь, когда выражаетъ недовѣріе министрамъ отживающаго режима, когда она единогласно вотируетъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни". „Въ такія минуты,—говоритъ Короленко, — предъ лицомъ стараго порядка въ Думѣ царитъ единодушіе, какого, кажется, не бывало ни въ одномъ парламентѣ **).

Историческаго значенія, которое имѣла трудовая группа въ первой Думѣ, не отрицаютъ и самые рѣзкіе ея противники.

Не безъ горечи, напримѣръ, главари „Народной Свободы", далеко не благожелательно относившіеся къ молодой группѣ, признавали, что хотя роль партіи к.-д. и была преобладающей, но не была господствующей и должна была раздѣлять это значеніе съ трудовой группой, *вліяніе которой въ Думѣ, а еще болѣе въ странѣ было бы несправедливо отрицать* ***).

Дѣятельность трудовиковъ въ Думѣ и ихъ выступленія противъ Министерства—продолжаетъ тотъ же авторъ (И. И. Петрункевичъ)—вызывали горячія симпатіи въ народныхъ массахъ; „имена нѣкоторыхъ ораторовъ этой группы стали извѣстны въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи и произносились тамъ съ любовью и надеждой".

Характеризуя группу въ началѣ первой думской сессіи, П. Н. Милюковъ считаетъ несомнѣннымъ одно: „что группа сильна прежде всего единствомъ интересовъ и, въ значительной степени, единствомъ настроенія. Политическіе взгляды группы могутъ мѣняться, быть болѣе или менѣе радикальными; но, по всей вѣроятности, группа—по крайней мѣрѣ, значительное ядро ея—сохранитъ и въ будущемъ свое единство"****). А затѣмъ, къ серединѣ сессіи, когда роль группы уже намѣтилась, этотъ лидеръ партіи, болѣе всего воевавшей въ Думѣ и прессѣ съ трудовиками, откровенно констатируетъ: „Главная и несомнѣнная заслуга трудовой группы заключается въ томъ, что она сильно помогла укрѣпить за Думой симпатіи всего населенія. Для русскаго крестьянства, несомнѣнно,

---

*) „Рус. Бог." 1906 г. кн. V.

**) „Рус. Бог." 1906, кн. V.

***) 1-я Госуд. Дума, вып. I (изд. Муханова и Набокова), Спб. 1907 г., стр. 187.

****) *П. Милюковъ.* Годъ борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. Спб. 1907 г., стр. 185.

понятіе о Думѣ очень часто сводится къ понятію о трудовой группѣ, и ея лидеры быстро становятся народными героями". „Если вся Дума вмѣстѣ сдѣлаетъ великое и сложное дѣло переустройства соціальнаго строя, то въ этомъ дѣлѣ эмоціальная сторона приходится спеціально на долю трудовой группы" [1]).

Да и послѣ роспуска, когда подводились итоги значенія различныхъ факторовъ въ жизни первой Думы и ихъ вліянію на страну,—вся прогрессивная печать самыхъ различныхъ направленій—„Страна", „Товарищъ", „Столичная Почта", „Око" (Русь), „Русское Слово", сходилась въ томъ, что трудовая группа пустила корни въ населеніи. „Основное ядро группы оказалось настолько прочнымъ, что трудовики не только пережили первую Думу, но размножились, окрѣпли со времени ея роспущенія" (Столичная Почта" отъ 29 декабря 1906 г.).

Когда передъ выборами во 2-ую Думу собирались свѣдѣнія о настроеніяхъ въ народѣ, то опредѣленно выяснилось, что названіе „трудовая группа" и „память о ней, какъ о наиболѣе близкой къ крестьянству части Думы, наиболѣе смѣлой и рѣшительной живетъ въ народѣ" [2]). „Кромѣ крестьянства—говорится въ отчетѣ о первомъ съѣздѣ группы—и сельской интеллигенціи (учителей, врачей, земскихъ служащихъ), къ трудовикамъ тяготѣютъ въ провинціи такіе чисто городскіе слои, какъ конторщики, приказчики, не принадлежащіе къ партіямъ рабочіе, ремесленники и т. д. [3]).

Результаты выборовъ въ 2-ую Думу вполнѣ подтвердили эти предварительныя сообщенія съ мѣстъ. При всемъ несовершенствѣ организаціи, руководимой небольшимъ кружкомъ перводумцевъ и сочувствовавшихъ имъ въ Спб. интеллигентовъ; при бѣдности людьми, литературой, средствами, при конкурренціи болѣе лѣвыхъ партій, *трудовая группа оказалась наиболѣе многочисленной фракціей второй Думы.*

Оправдалась въ полной мѣрѣ высказывавшаяся въ эпоху перваго междудумья мысль, что успѣхъ трудовой группы перваго созыва нельзя считать случайнымъ. Этотъ успѣхъ показалъ, какія широкія симпатіи группа пріобрѣла въ низахъ народныхъ, какъ живуча ея тактика и политика, насколько она отвѣчала извѣстнымъ настроеніямъ въ населеніи [4])...

Библіотека
Института Ленина

---

[1]) Годъ борьбы, стр. 400.
[2]) „Око" отъ 20-го октября 1906 года, за № 41.
[3]) Тамъ же.
[4]) „Страна" отъ 28 декабря 1906 г.; „Столичная Почта" отъ 29 декабря 1906 г.

Издательство „ЕДИНЕНІЕ“ Петроградъ,
Фонарный пер., 9. ◆ Тел. 5-16-11.

Вышли изъ печати
и поступили въ продажу:

№ 1. В. В. ВОДОВОЗОВЪ.—Царь или Республика, 2-е изд. . . . . 15 к.
№ 2. Его-же. Что такое Учредительное Собраніе? . . . . . 15 к.
№ 3. Его-же. Кто будетъ выбирать въ Учредительное Собраніе? . . 15 к.
№ 4. Его-же. Армія и Учредительное Собраніе . . . . . 15 к.
№ 5. Конст. ПОНОМАРЕВЪ.—Крестьяне и Земля . . . . . 15 к.
№ 6. Проф. А. КАУФМАНЪ.—О землѣ. 25 к.
№ 7. Его-же. Новыя мѣста и вольныя земли . . . . . 25 к.
№ 8. Л. БУЛАНОВЪ.—„Нужно ли воевать и на какихъ условіяхъ можетъ быть заключенъ миръ“ . . . . 15 к.
№ 9. В. В. ВОДОВОЗОВЪ.—Что такое миръ безъ аннексій и контрибуцій . . . . . 25 к.
№ 10. Проф. П. ЛЮБЛИНСКІЙ.—Права и обязанности гражданина въ демократическомъ государствѣ . . 25 к
№ 11. Петръ РЫССЪ.—Уроки исторіи—1848—1917 . . . . . 15 к.
№ 12. В. В. ВОДОВОЗОВЪ.—Что такое миръ на началахъ самоопредѣленія народовъ . . . . . 30 к.
№ 13. Его-же. Порядокъ выборовъ въ Учредительное Собраніе (общедоступное изложеніе закона о выборахъ) . . . . . 65 к.

Готовятся къ печати рядъ брошюръ, посвященныхъ задачамъ момента.

Обществ. организаціямъ значит. скидка.

Цѣна **2** рубля

Складъ Издательства „ЕДИНЕНІЕ“,
Петроградъ, Фонарный 9, тел. 5-16-11.